

ISSN 2309-1584

НАВИРОВСКИЙ
АРХИВ

№4 (14), 2016

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№4 (14), 2016

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.12.2016. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016

© Редакция журнала, 2016

Назировский архив

2016 № 4 (14)

Содержание

Предисловие	7
Публикации	11
Дитя в корзине и приметы избранников. Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов <i>Р. Г. Назиров</i>	11
Предисловие к публикации <i>Сергей. С. Шаулов</i>	28
Друг Пушкина в «Отцах и детях» <i>Р. Г. Назиров</i>	30
О статье Р. Г. Назирова «Друг Пушкина в “Отцах и детях”» <i>Г. А. Бялый</i>	37
Провинциальный часовщик. Повесть <i>Р. Г. Назиров</i>	38
Главы из романа о Пушкине <i>Р. Г. Назиров</i>	81
Биографический отдел	96
Интервью с заместителем главного редактора журнала «Назировский архив» Сергеем С. Шауловым	96

Исследования	112
«Провинциальный часовщик» Р. Г. Назирова и традиции криминальной литературы (жанровый комментарий) <i>О. В. Федунина</i>	112
Библиография	121
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	121
Правила для авторов	126

Предисловие

Текущий номер журнала «Назирский архив» продолжает публикацию материалов в соответствии с принципами, которые были неоднократно нами эксплицированы

Номер открывается публикацией статьи на фольклорно-мифологическую тему (о её обнаружении было нами сообщено в № 4 за 2015 г.). Как свидетельствует помета на машинописи, поступила в редакцию журнала «Советская этнография» 21 марта 1985 года, а 6 февраля 1986 года возвращена автору с резолюцией: «Как Вы увидите из прилагаемых отзывов, Ваша статья в настоящем виде не может быть опубликована в нашем журнале». Ответственный секретарь Н. С. Соболев приложил к машинописи два анонимных отзыва, мотивирующих отказ в публикации.

Между тем, к середине 1980-х годов автор был уже не только известным литературоведом, опубликовавшим статьи о прозаиках XIX века в центральных журналах («Филологические науки», «Русская литература», «Вопросы литературы») и монографию о Достоевском в издательстве Саратовского университета, но и состоявшимся специалистом в области эволюции фольклорных сюжетов архаического происхождения. К 1985 году на эту тему им опубликовано пять больших статей в авторитетном, хотя и провинциальном периодическом сборнике «Фольклор народов РСФСР».

Как следует из отзывов и редакторских помет на полях, рецензентам прежде всего не понравилась попытка автора поспорить с авторитетом В. Я. Проппа, к которому в целом Назиров относится уважительно, хотя и пытается уточнить некоторые аспекты его концепции.

Отказ в публикации не остановил работу Назирова над мифологическим и фольклорным материалом: в конце 1980-х и в 1990-х им опубликовано ещё 10 статей а также завершена изданная посмертно монография «Становление мифов и их историческая жизнь» (2014)¹, однако все исследовательские тексты выходили уже только в уфимских изданиях, а статья о приметах избранничества так никогда и не была напечатана.

Вторая публикуемая статья посвящена более привычной для Р. Г. Назирова литературоведческой тематике и отрецензирована Г. А. Бялым.

Повесть «Провинциальный часовщик» обнаружена в оп. 1, д. 153 и представляет, насколько можно судить по прилагающимся сопроводительным заметкам, литературным экспериментом. Публикация повести сопровождается жанровым комментарием, помещённым в раздел «Исследования». Повесть не окончена, но благодаря рабочим записям мы знаем, что виновницей убийства должна была стать Инга Лаврентьева, мотив которой состоял в том, чтобы отомстить за соращение её дочери Нонны (или Эммы).

¹См. Сводная библиография трудов Р. Г. Назирова и работ о нём (1955–2015) // Назирский архив. 2015. № 2. С. 159–193.

Раздел дополнен продолжением публикации назировского романа о Пушкине, первые главы которого выходили в № 4 за 2014 год. Примечательно, что в обоих художественных текстах этого номера встречается фамилия «Новосильцев», при этом второй текст объясняет её появление в первом.

Биографический отдел включает глубокое интервью с С. С. Шауловым, а библиографический — перечень публикаций в журнале, вышедших после обнародования сводной библиографии трудов Р. Г. Назирова и трудов о нём (№ 2 за 2015).

Публикации

Публикации

Дитя в корзине и приметы избранников. Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов

Р. Г. Назиров

I

Этнографической наукой хорошо изучен обычай аталычества, в силу которого у многих народов Кавказа в феодальную эпоху знатные родители отдавали новорожденных детей в семьи вассалов и слуг на воспитание¹. Обычай был характерен и для кельтов, арабов, скандинавов. Разумеется, в дофеодальную эпоху никаких вассалов не было: «Зачастую зажиточные бонды отдавали своих детей на воспитание более бедным родственникам или другим людям, в том числе вольноотпущенникам. Это была своеобразная форма покровительства, оказываемая более сильным более слабому. Таким путем расширялся круг родства и взаимопомощи, возглавляемый могущественным хозяином»².

Аталычество — это поздняя форма воспитания детей вне отцовского рода. Возможно, она связана с авункулатом, т.е. особой близостью племянника к дяде по матери (лат. *avunculus* — дядя со стороны матери)³. У многих народов, в том числе у славянских, воспитателем княжича был дядя по матери (славянск. *вуй*, в русских говорах — *уй*). По наблюдениям К. Леви-Стросса, тесная и дружественная связь между отцом и сыном соответствует напряженности отношений племянника с авункулом; наоборот, авункулат наблюдается в обществах, где отношения между отцом и сыном конфликтны⁴. Это положение Леви-Стросса согласуется с фольклорно-мифологическими изображениями столкновений между отцом и отдаленно воспитанным сыном, хотя поэтическая мотивировка этих столкновений — это по преимуществу неузнавание.

Древняя конфликтность отношений отца и сына отразилась в мифе о рождении и воспитании Зевса. Его отец Кронос из страха перед наследником пожирал своих новорожденных детей, пока Рея не подсунула ему вместо Зевса завернутый в пеленку камень; Зевс был скрыт в пещере горы Дикта на Крите и вскормлен козой Амал-феей. Это версия, зафиксированная в «Теогонии» Гесиода. В отличие от нее Аполлодор в книге «О богах» приводит

¹См.: Косвен М. О. Аталычество. «Советская этнография», 1935, № 2.

²Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1956, с.20.

³См. Косвен Авункулат. «Советская этнография», 1948, № 1; Ольдерогге Д. А. Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983, с. 116–118.

⁴Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1963, с.40–52.

вариант о родах Реи в той же критской пещере и о дальнейшем его т а й н о м в о с п и т а н и и. Возмужав, Зевс низверг отца и завладел властью над всеми богами.

Отнюдь не разделяя теории Дж.Фрэзера об универсальном обычае наследования через царевубийство («Золотая ветвь»), мы признаем, что в некоторых архаических культурах конфликтность отношений отца и сына была такой же исторической реальностью, как авункулат. В культурах такого типа отец не только исключался из воспитания своего сына, но они даже принадлежали к разным тотемным группам. Фольклорно-мифологический мотив тайного воспитания — отражение обычая воспитания сына вне отцовского рода, отдаленного воспитания, из которого позже развилось аталычество.

Обычай отдаленного воспитания отражен в мифе об Ахилле, которого мать, желая уберечь от предреченной судьбы, укрыла на острове Скирос среди дочерей царя Ликомеда. Сам Ахилл носил девичью одежду, но Одиссей распознал юного героя благодаря уловке — оружию, положенному среди женских украшений. В этой истории особенно важен мотив опознания.

Сравним этот мотив со сказками о воспитании мальчика у колдуна (АТ 325, «Хитрая наука»): кульминацией сюжета служит опознание отцом своего выросшего сына. Дело в том, что выход из аталычества имел специальные обряды: отец прибывал в дом воспитателя и должен был узнать сына среди других юношей. Видимо, успех воспитания проверялся отцом в борьбе с сыном. Такому же экзамену подвергался выросший сын и в том случае, если самостоятельно возвращался домой: и здесь в обряд входили моменты узнавания и проверки. Гениальная фольклорная интуиция Гоголя подсказала ему зачин «Тараса Бульбы», где сына, вернувшегося после отдаленного воспитания, отец испытывает в кулачном бою.

Обряд выхода из аталычества в эпосе наложился на более древний конфликт отца и сына, обусловленный спорным характером наследования в становящейся патриархальной семье, когда наследие патриарха начало передаваться не сыну его сестры, а его собственному сыну, прежде бывшему членом чужой тотемной группы. В эпосе происходит стадийное стяжение архаического конфликта и более позднего «экзамена» на зрелость в один знаменитый мотив — «бой отца с сыном», необходимый элемент героической биографии. Этот мотив обычно дается как результат н е у з н а в а н и я, что является поэтической формулой, обобщающей и древний спор о наследовании, и испытательное единоборство.

Драма неузнавания может иметь тройкий исход: убийство сына отцом, убийство отца сыном и поражение одного из них, не приводящее к смерти. Великий эпический герой — это победитель своего отца или равный ему богатырь. Систанской легенде для героизации Сухраба понадобилось удвоение мотива: в первом единоборстве Сухраб победил своего неузнанного отца, но во втором Рустам нанес сыну смертельный удар (довольно редкий пример сочетания диаметрально противоположных результатов неузнавания)⁵

⁵См.: Сказки и легенды Систана. Составление и комментарии А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблина-Каменского. М., 1981, с. 215–224 («Рустам и Сухраб»).

С обычаем отдаленного воспитания связан великий эпический мотив найденного ребенка. Целый ряд мифологических героев и мифологизированных исторических деятелей, основателей городов и зиждителей культов — это найденныши: Саргон, пророк Моисей, Эдип, Ромул и Рем, Кир Великий, И Инь и многие другие. Во многих сказаниях о них описывается вскармливание героя самкой дикого животного — козой, ланью, чаще всего волчицей, реже собакой.

Почему найденныш в мифах и легендах обязательно становится героем? Иными словами, почему архаическое сознание придает найденнышам особую ценность? Потому что в ранних обществах всякая находка была чудесным даром свыше и ценилась гораздо более, чем продукт трудовых усилий. Это пережиток всемирной экономической стадии собирательства. Потому и найденныш — дар богов, и оскорблять их отказом от подарка опасно. Ведь неизвестное происхождение ребенка включает возможность любого происхождения, в том числе и божественного. «Иногда «старшие» боги покидают дитя или спускают его в колыбели на землю со специальной демиургической миссией...; на земле божественное дитя становится прародителем людей и строителем их жизни»⁶ — вот зерно мифов о найденнышах.

Это мифологический смысл «переоценки» найденнышей, но каков этнографический субстрат этих мифов? Полагаем, что в позднеродовом обществе прием ребенка на воспитание оформлялся как случайное нахождение. Каков же генезис этого оформления?

II

Все человечество прошло через стадию детоубийства: «...тяжелые условия жизни людей первобытного общества...как правило исключали одновременное воспитание одной семьей хотя бы двух маленьких детей; отсюда широко фиксируемые этнографами обычаи временного отчуждения супругов, применения противозачаточных средств и аборт, различные виды детоубийства и т.д.»⁷. Иногда обреченных детей «просто оставляли без пищи»⁸, чаще выносили на звериные тропы, водопои и т.д.; позже развились обряды жертвоприношения детей богам. Это совершалось в интересах рода и потому было, по словам Г. В. Плеханова, «нравственной обязанностью перед обществом»⁹.

Развитие производительных сил создало возможность прокормления детей, прежде бывших лишними. Для родовой знати обычай детоубийства стал бессмысленным, тогда как для бедняков оставался суровой необходимостью (в Китае вплоть до XX века семьи, жившие на речных сампанах, практиковали утопление новорожденных). Большинство, вынужденное по-прежнему убивать «лишних» детей, требовало от знати соблюдения старого обычая.

В условиях этого морального конфликта, которым оформлялась первая классовая дифференциация, возникла и развилась компромиссная форма символического убиения новорожденных наследников знати, позволявшая и почтить обычай и сохранить сыновей. Их вы-

⁶Новик Е. С. Дитя. — В кн.: Мифы народов мира. М., 1980, т.1, с.384

⁷Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с.183.

⁸Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958, с.169.

⁹Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958, т. 5, с. 351.

носили, как и было положено, на съедение зверям, но младенца тотчас подбирал и уносил заранее намеченный воспитатель (или воспитательница).

Об отданном на воспитание младенце дома говорили как об умершем, а при возвращении он рассматривался как чудесно спасенный: звери не съели его, а спасли и воспитали. Такое «тотемическое воспитание» — это метафора отдаленного воспитания детей родовой знати (науке известны случаи действительного вскармливания потерянных детей волчицами, но эти питомцы зверей выросли зверями же).

Что касается детей бедняков, то их в античной Греции и Риме, как и на Востоке, продолжали выносить в пустынные места. Найденышей часто подбирали и воспитывали из сострадания или из корыстных целей. «Вскормленник» мог быть усыновлен подобранным, а мог быть выращен как раб на продажу; работорговцы охотно подбирали брошенных детей. Только император Александр Север (III в.) приравнял выбрасывание детей к убийству. Спустя четыреста лет пророк Магомет формально повелел в Коране: «Не убивайте ваших детей из боязни обеднения».

«Вынесение» детей, печальная необходимость для бедняков, стало формой отдачи на воспитание детей знати. Этот переход содержания в форму продиктовал и форму приема детей воспитателями — «случайное» нахождение и временное усыновление.

Мифам о найденышах большое внимание уделил В. Я. Пропп в работе «Эдип в свете фольклора»¹⁰. Научная репутация В. Я. Проппа чрезвычайно высока, и его заслуги неоспоримы. Однако в ряде пунктов у нас возникают с Проппом серьезные расхождения: его интерпретация чудесного спасения и тотемного воспитания героя как отражений посвятельных обрядов представляется неточной. На деле символическое детоубийство было связано не с инициациями, а с жертвоприношениями детей.

В европейском сознании, воспитанном на Библии, слово «жертвоприношение» вызывает один ряд ассоциаций: окровавленный нож, алтарь и дым от горящего мяса. Но это не единственная форма жертвоприношения, было немало и других форм. Духам воды приносили жертвы, топя детей в воде, отдавая крокодилам, бросая девушек в страшный колодец Чичен-Ицы (у Майя) или сплавляя по воде в лодке, ковчеге, корзине и т.п.

Сплавление по воде аналогично водному погребению, известному у многих народов. «По представлениям древних, вода (реки, болота и т.д.) была... путем на «тот свет» для умерших»¹¹. Покойника отправляли в плавание по реке.

Египет рано изжил водное погребение, но следы его сохранились. Считалось, что умершие фараоны становятся гребцами бога Ра; поэтому в пирамиды клали весла и порою целые лодки, которые у археологов прозваны «солнечными ладьями». В 1955 г. у подножия пирамиды Хеопса в каменном тайнике найдена прекрасно сохранившаяся лодка с циновками на сиденьях и веслами. Объяснение этого обычая загробной службой фараона

¹⁰Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. Далее ссылки на эту работу даются с сокращенным указанием в тексте.

¹¹Филимонова Т. Д. Вода в календарных обрядах. — В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983, с. 133.

на ладье Ра вытекает из солярного мифа, развившегося относительно поздно или, вернее, поздно повлиявшего на погребальные обычаи; изначально же лодка мыслилась нужной самому покойнику для спуска вниз по Нилу. После изменения похоронного обряда (возможно, под кушитским влиянием) лодка осталась его реликтовым дополнением.

Такие сочетания характерны для погребальных обычаев многих народов, например, скандинавов: «Задолго до эпохи викингов, знатных людей стали хоронить в ладьях, которые помещались в курганах»¹². В начале X века знаменитый Ахмед ибн Фадлан видел похороны русского князя, который был положен в ладью и сожжен на костре¹³. В Средние века немцы, поляки, русские хоронили покойников в гробах, выдолбленных из цельного дерева, наподобие древних ладей; у русских раскольников долбленные гробы сохранялись вплоть до XIX века.

В Провансе до XII в. удерживался такой обычай: поскольку «Елисейские Поля» в Арле (древнеримское кладбище) считались святой землей, города Верхней Роны отсылали своих покойников в Арль. Засмолив тело в бочку и прикрепив к ней кожаный кошелек с деньгами, покойника спускали в Рону. Арлезианцы вылавливали эту «почту» и погребали тела на своем кладбище. Это пережиток водного погребения: некогда покойники просто уплывали в море.

Сплавливая покойника по реке, родственники заботились об удобствах его плавания, о пригодности лодки. Аналогичным образом поступали при сплавлении приносимых в жертву детей: заботливо укладывали, возможно — в колыбелях, как рассказано в гупульской сказке, которую цитирует В. Я. Пропп. Ученый отмечает с недоумением: «Получается впечатление, что ребенка снаряжают вовсе не на смерть, а на далекое путешествие, причем делают все, чтобы он остался жив и благополучно воспитан» (Пропп, 273). Но для архаического сознания смерть и есть «далекое путешествие»: и при подлинном жертвоприношении, и при символическом детей снаряжали одинаково заботливо.

В греческом мифе жалостливый раб отдал младенца Эдипа пастуху коринфского царя Полиба. Согласно более древнему варианту мифа, Эдип был не отослан на съедение зверям, а положен в ковчежец и пущен в море; волна вынесла его на берег близ Сикиона, и там ребенка подобрала сикионская царица, стиравшая белье. Наличие этих двух вариантов свидетельствует о сюжетной синонимичности «вынесения» и сплавления по воде, но и здесь водный обряд — более древний.

Наносимые ребенку «знаки смерти» В. Я. Пропп связывает с инициациями. Но никакой безумец не подвергал инициациям новорожденных детей. Пропп и сам понимал условность мотива: «Мы имеем здесь отправление ребенка в далекий путь на воспитание со знаком смерти, имеем смерть, которая не есть смерть, имеем мнимую смерть» (Пропп, 237). Указание совершенно точное, но затем это отправление на воспитание Пропп «расшифровыва-

¹²Гуревич А. Я. Походы викингов, с. 38.

¹³Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. М., 1956, с. 143.

ет», а на деле — запутывает при помощи инициаций, проявляя крайнее недоверие к реалиям сказки.

В том-то и дело, что обрядовая имитация детоубийства совершалась с полной серьезностью: младенцу наносили порезы, чтобы пролилась кровь и чтобы обряд сохранил видимость жертвоприношения. Еще П. Лафарг справедливо указал: «Обрезание и другие увечья были лишь смягченной формой первоначальных человеческих жертвоприношений. Первоначально приносили в жертву детей; затем, посвящая их божеству, стали довольствоваться тем, что отсекали суставы пальцев, совершали обрезание или, наконец, наносили раны и т.д. Дикие туземцы Нового Южного Уэльса отрезают младенцам женского пола два сустава мизинца левой руки. . . »¹⁴. И так, «знаки смерти» были знаками жертвоприношения. В дальнейшем цель этих надрезов изменилась. Исходя из указанного выше обычая угадывания родителями выросшего сына, мы полагаем, что рубцы, фрагменты татуировки и другие меты на теле ребенка стали с течением времени не «знаками смерти», а опознавательными знаками, причем не «с точки зрения поэтики» (Пропп, 274), а в реальном быту.

III

У греков опознавательные знаки навивались «гнорисмата»: таковы проколотые ноги Эдипа. В поздней античности гнорисматами стали называть предметы, приложенные к подкидышам, надетые на них амулеты и т.п.

Мечение детей — это всемирный обычай. В наше время многие африканские народы приурочивают это мечение к инициациям, например, «рубцевание племенными знаками» у племен Лесной Гвинеи¹⁵. Но такое сочетание племенного мечения с инициациями отнюдь не является общим законом. В архаике именно грудным младенцам придавались неизгладимые отличия: деформация черепов, растянутая форма ушей и т.п. Л. Я. Штернберг отмечал: «У бушменов все, вплоть до грудных младенцев, лишены мизинца на обеих руках (знак племени)»¹⁶. Это значит, что мизинцы отрезались у новорожденных.

Древние иудеи татуировали на теле детей тотемные знаки: змея была знаком колена Данова, лев — колена Иудина, оливковое дерево — колена Ашеры и т.п. Зрелый иудаизм запретил это племенное мечение.

Б. Рифтин указывает, что в процессе развития древнекитайской мифологии преемниками первопредков, в основном зооморфных, стали культурные герои, в изображениях которых уже преобладают антропоморфные черты, но зато возрастает роль «сакральных знаков»: это знаки на ладонях и ступнях, наросты на голове и особенно часто упоминаемая «драконова мета» (значение символа пока не ясно)¹⁷.

¹⁴Лафарг П. Обрезание, его социальное и религиозное значение, — В кн.: Критика иудейской религии. 2-е изд., М., 1964, с. 308–309.

¹⁵Шаревская Б. И. Африканские ученые о религиозных верованиях в тропической Африке. — В кн.: Религии мира. Ежегодник. М., 1982, с. 235.

¹⁶Штернберг Л. Татуирование. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, Т. XXXII «Тай-Термиты»). СПб, 1901, с. 679.

¹⁷Рифтин Б. <Так у Назирова — Б. О.>

По сей день многие народы мира сохраняют эту традицию. Польский врач Люциан Воляновский говорит о даяках: «... “опознавательными” знаками являются сложная татуировка шеи (особенно адамова яблока) и вытянутые мочки ушей»¹⁸.

Гноризматы могли ставиться на плече и спине ребенка: согласно греческому мифу, все Пелопиды рождались с белым пятном на плече. Но, видимо, чаще всего у детей помечались уши и конечности. Яркая роспись ступней и ладоней — живая традиция у женщин Индии.

Мотивировка мечения, рубцевания, татуирования тела изменялась. Так, у племени кольта (Северо-Западная Индия), по мнению индийских ученых, татуировка прошла три стадии осмысления: до нынешней декоративной функции она имела магический смысл, а еще раньше выполняла функцию, которую мы назовем гноризматической: «Первоначально она наносилась для опознания своих людей, захваченный в плен или в рабство налетчиками-соседями»¹⁹.

Как известно, многие архаические обычаи и обряды в течение долгого времени пережиточно сохранялись как привилегии высшей знати и царских династий. С другой стороны, аналогичные пережитки удерживались и в преступном мире. В античности пользовались общей ненавистью «андраподисты» — похитители свободно рожденных детей для продажи в рабство. Они старались изменить внешность детей и вытравляли родовые знаки, чтобы похищенных детей нельзя было опознать. От андраподистов произошли «компрачикосы», описанные в романе В. Гюго «Человек, который смеется»: они уродовали похищенных детей для продажи их в качестве шутов».

В Европе долго сохранялось мечение самых драгоценных детей: новорожденным принцам наносились на тело индивидуальные меты во избежание потери или подмены ребенка. В Испании такой знак назывался *impresa* (печать); в XIII веке кастильский король Альфонс X имел на теле такую печать, изображавшую пеликана²⁰. У французских историков такие династические эмблемы называются «королевскими татуировками», но это не точно: эмблемы наносились посредством тонкого клейма.

Однако вернемся в эпоху становления классового общества.

Как уже указывалось, первоначально надрезы на теле ребенка имитировали жертвоприношение. Символическую жертву подбирал родственник — брат матери ребенка или его жена. В исследованиях по аванкулату А. М. Хокарт указал на религиозный характер отношений между племянником и дядей со стороны матери и описал обряд «похищения жертвоприношения родственниками со стороны матери»; авункул и его род представляли по отношению к племяннику божественное начало²¹.

Но если так, то и на принесенного в жертву ребенка авункул имел прямые права, т.е. в более раннюю эпоху «похищал» эту жертву — отправленного в роковое плавание племян-

¹⁸Воляновский Л. Жара и лихорадка. М., «Наука», 1977, с. 182.

¹⁹Ковалев Н. Племя из Джаунсара. «Вокруг света», 1981, № 8, с.21.

²⁰Морозов А. А. Из истории осмысления некоторых эмблем в эпоху Ренессанса и барокко (Пеликан). — В кн. :Миф-фольклор-литература. Л., 1975, с. 50.

²¹См.: Л еви-С тросс К. Структурная антропология. М., 1983, с.34.

ника; позднее это стало временным усыновлением, а на заре феодализма — аталычеством. Полагаем, что предистория аталычества прошла ряд стадий. На одной из них родители стали наносить на тело ребенка личные гноризматы в целях последующего опознания.

Обряд выхода из аталычества включал узнавание родителями своего выросшего сына (иначе воспитатель мог его удержать); поэтому ребенка, отдаваемого на воспитание, необходимо было индивидуально пометить. Само же узнавание, вследствие огромной бытовой важности возвращения сына, стало великим эпическим мотивом (анагнорисис), включающим и риск трагического неузнавания.

В. Я. Пропп многое понимал совершенно правильно. О сплавлении по воде он говорит: «Сравнительное изучение этого мотива по мировому фольклору показывает очень ясную закономерность: на воду спускаются будущие вожди своих народов» (Пропп, 274). Но Пропп не признает за этим мотивом статуса этнографической реальности.

«Прохождение сквозь воду есть не только начало царского пути, оно есть условие воцарения. . . Царствовать мог только тот, кто прошел сквозь этот обряд и мог показать знаки смерти, татуировку, печать, которые позже превратились в опознавательные знаки» (Пропп, 275). Но исследователь истолковывает всю сказочную гноризматику как шрамы инициаций, хотя инициирование новорожденных — это явный нонсенс. Он не понял, что мифы о великих найденышах отражают обычай отдаленного воспитания, которое оформлялось как символическое детоубийство и требовало индивидуального мечения детей.

Сплавление по воде и в реальном быту было «условием воцарения», поскольку ребенок, спущенный на воду и затем чудесно вернувшийся, рассматривался как существо, посетившее смерть и получившее от духов предков ту мистическую силу, которую этнографы называют полинезийским словом «мана», близким по смыслу к греческому понятию «харисмы» (благодати). Корзина или ковчежец, плывущий по воде, есть первый этап превращения в харизматического вождя. Точному осмыслению этих фактов у В. Я. Проппа помешала инерция его доктрины и типичное для этого ученого стремление к «резкой определенности»²², в силу которого он подавал свои гипотезы как бесспорные истины.

Попробуем применить вышеизложенные соображения к анализу весьма известных ближневосточных мифов.

IV

Легенда о Саргоне, основателе Аккадского царства, повествует, что мать родила его тайно (очевидно, она была жрицей и не имела права рожать детей), положила в просмоленную тростниковую корзину и пустила плыть по Евфрату. Водонос Акки выловил корзину и воспитал ребенка. Этот миф послужил источником для ветхозаветной истории пророка Моисея. А. Б. Ранович полагал, что история Моисея «представляет собой, по всей вероятно-

²²Бремон, Клод. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа. — В.кн.: Семиотика. М., 1983, с. 429.

сти, простое перенесение на личность ветхозаветного героя циркулировавшего на Востоке мифа о рождении вавилонского царя Саргона I. . . »²³.

Мнение о «простом перенесении» явно ошибочно. Рассмотрим библейскую легенду подробнее. Она повествует о рабстве евреев в Египте; жестокий фараон приказал бросать в Нил всех рождающихся еврейских мальчиков (Исх.1,22). Жена одного левита, родив сына, прятала его в течение трех месяцев, а затем взяла корзину, обмазала ее смолой, положила дитя в корзину и отнесла в тростники на берегу Нила.

Она отнюдь не пустила по воде корзину с младенцем, а поместила в безопасном месте: это большая разница, игнорировать это различие нельзя. Во всех сходных мифах «герой-младенец — пущен по воле вод и чудесно спасен, здесь же спасение целенаправленно организуется. Сестра младенца стояла на некотором расстоянии от корзины, чтобы узнать, что с ним произойдет (Исх., II, 4). Эта деталь приподнимает завесу над древним обычаем: возможно, условное сплавление по воде производилось под контролем близких.

Ребенка нашла дочь фараона. Сестра мальчика, как бы случайно оказавшаяся рядом, предложила царевне, распознавшей в найденныше одного из обреченных еврейских детей, найти еврейку-кормилицу: она «выкормит мальчика для тебя» (Исх., II, 7). Царевна согласилась, и мать Моисея нанялась кормилицей собственного сына. Затем она вернула его египетской царевне, «и он стал ей как сын» (Исх., II, 10). Царевна и нарекла его Моисеем, что Библия переводит как «спасенный из воды». Это ложная этимология, но ясно, что такой «перевод» имени носит сакрально прославляющий характер, ибо всякое дитя, спасенное из воды, в мифологическом сознании должно стать харизматически вождем.

Зигмунд Фрейд в своей последней работе «Моисей и монотеистическая религия» (Нью-Йорк, 1939) построил гипотезу о том, что Моисей был египтянином, сподвижником известного религиозного реформатора Аменхотепа IV (Эхнатона)²⁴. Гипотеза эта произвольна, но египетское влияние в легенде о Моисее несомненно. Так, разделение вод Красного моря повторяет магический мотив египетской сказки «Волшебство Джаджаманха»²⁵.

А. Б. Ранович считал, что мотивы истории Моисея «заимствованы в значительной степени из египетских сказок»²⁶. Но ни миф о Саргоне, ни египетские сказки не были основными источниками истории Моисея.

Мать Моисея, ставя корзину в тростниках, рассчитывала на то, что дитя будет найдено: она обошла приказ фараона — имитация детоубийства оказалась формой отдачи на воспитание. Как в большинстве сходных сюжетов, нахождение младенца «автоматически» влечет за собой его усыновление. Кто участвует во всем этом эпизоде? Мать и сестра Моисея, дочь фараона и, очевидно, ее служанки — но ни одного мужчины. Отправление Моисея на «мнимую смерть» и его усыновление осуществляется только женщинами. Воспитание Моисея дочерью фараона, воспитание Ахилла среди дочерей Ликомеда или Андрея Крит-

²³Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937, с.76.

²⁴Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion. Gesammelte Werke, Bd. XVI, 1950

²⁵См.:Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. М., 1958

²⁶Очерк истории древнееврейской религии, с.76.

ского в женском монастыре — явления одного порядка. В. Я. Пропп отметил эту цепь совпадений, но через несколько мучительных натяжек опять свел все к инициациям: «Обряд посвящения стоит под знаком женского начала»; «Сам юноша иногда превращается в женщину. Отсюда — женские атрибуты шамана, божества-гермафродиты и т.д.» (Пропп, 281) Выведение шаманского травестиизма из мнимого «женского начала» инициаций несостоятельно, но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

При этом В. Я. Пропп игнорирует обширную область «невыгодных» этнографических данных. Еще П. Лафарг упомянул в связи с инициациями у африканских негров: «До своего вступления в ряды взрослых мальчики и девочки живут вместе под присмотром женщин»²⁷. У племен Папуа даже в XX веке мальчики жили в домах матерей вплоть до инициаций, после чего навсегда уходили в хижины воинов²⁸. У древних римлян мальчики до порога юношества носили длинные волосы, как девочки. У славян в день пострижин княжича отец впервые сажал его на коня, и мальчик из рук мамок переходил под опеку дядьки²⁹. Воспитание мальчиков в женской среде всегда предшествовало инициациям. Мальчик, не выдержавший инициаций, возвращался к женщинам и должен был исполнять женскую работу: «превращался в женщину» (Пропп, см. выше), ибо его не считали существом мужского пола ни девушки (он не имел права вступать в брак), ни молодые охотники, которые могли такого мальчика трактовать как сексуальный объект³⁰.

Между ранним воспитанием мальчиков в женской среде и мужской тренировкой посвящаемых пролегал резкая грань, и напрасно В. Я. Пропп пытается слить то и другое в никогда не существовавшее единство.

В сюжетах об отдаленном воспитании последним пунктом героического детства и признаком наступающей зрелости служит конфликт юноши со сверстниками: они издеваются над тем, что он не знает своего отца; в гневе юноша убивает или калечит обидчиков, заставляет мать открыть тайну его происхождения и отправляется на розыски отца, обычно приводящие к бою отца с сыном.

Рудименты такого эпизода по сей день не отмечены в ветхозаветном предании о Моисее. Попытаемся их выделить.

Во второй главе Исхода рассказано, как Моисей увидел египетского надсмотрщика, который избивал евреев; Моисей убил египтянина и спрятал труп. На другой день, вернувшись к месту работ, он увидел драку двух евреев и стал порицать неправого, тот же ответил: «Кто сделал тебя князем и судьей над нами? Или ты хочешь убить меня, как ты убил египтянина?» (Исх., II, 14). Весть об этом убийстве дошла до фараона, и он повелел казнить

²⁷Критика иудейской религии, М., 1964, с.304

²⁸См.: Маори Кики, Альберт. Десять тысяч лет в одну жизнь. М., 1981, с. 29.

²⁹В. Н. Татищев утверждал, что острижение знатных детей совершалось еще на его памяти и что мальчики при этом переходили из женских рук в мужские: История Российская с самых древнейших времен. Кн.3, М., 1774, с.502.

³⁰См. меланезийскую сказку «Гиб» в кн.: Сказки и мифы Океании. М. 1970, с.53.

виновника, но Моисей успел бежать в пустыни Востока, где и совершилось его призвание богом Яхве.

По нашему мнению, этот эпизод-деформация и инверсия деталей в типовом финале героического детства. «Кто сделал тебя князем и судьей над нами?» — это фактически вопрос о происхождении (= «Кто твой отец?»). В эпосе за подобным вопросом часто следует убийство обидчика. Для Моисея этот вопрос оскорбителен, поскольку он найденыш и не знает отца. Но Моисей совершил убийство раньше, причем убил не своего, а чужого обидчика. Это поздне/спрямление эпизода, который, однако, в целом выполняет такую же сюжетную функцию, как в эпосе: вынуждает героя покинуть место воспитания и отправиться на встречу с отцом.

Ибо в ранней иудейской мифологии, которая унаследовала от Ханаана целый ряд божеств, ханаанский Йево, бог-покровитель города Берита, превратился в Яхве; супругой последнего считалась воинственная Анат, культ которой долго сохранялся в Иудее. «В Библии Моисей не бог, а пророк, но в финикийской мифологии упоминается Моисей, рожденный богом Алийяном от богини Анат, которая была и древнеизраильской богиней»³¹. Это сближение, сделанное М. И. Шахновичем, не получило развития в нашей науке, хотя, как известно, пережиточное представление о сыновьях Яхве сохранилось даже в канонической Библии (Бытие, VI, 2).

Яхве говорит: «... Ибо младенец Израиль, и я возлюбил его и из Египта вызвал сына моего» (Осия, XI, 1). Эти слова из книги пророка Осии относятся ко всему избранному народу: Израиль — это *filius Dei collectivus*, бог называет «сыном» весь народ. Но в более архаические эпохи кровное родство племени и его бога устанавливалось через брачные связи и через ниспослание людям царя-основателя, часто сына бога. Полагаем, что цитированное мнение М. И. Шахновича заслуживает признания и что Моисей сначала считался сыном Яхве и Анат.

В дальнейшем он стал мыслиться как сын Яхве и израильтянки из жреческого рода, наподобие матери Саргона; таким образом, Моисей — «полубог», типичный зиждитель царства. Понимание его как сына Яхве позволяет истолковать один из самых темных парадоксов Ветхого Завета: уже на обратном пути в Египет, куда Яхве послал Моисея для выведения евреев из плена, пророк подвергается смертельной опасности со стороны того же Яхве, который встретил Моисея и «хотел умертвить его» (Исх., IV, 24).

Этот эпизод алогичен: Яхве послал Моисея с героической миссией и сам же пытается убить его. Явно чужеродный каноническому тексту, этот эпизод, однако, был необходим составителям Торы, так как с ним связано учреждение обряда обрезания (Исх., 1У, 25). Перед нами окаменевший рудимент первоначального рассказа о бое отца с сыном. Нескладица возникла из наложения сюжетов: позднегосударственный миф о героической миссии Моисея наложен на мифологическую сказку о божественном ребенке, который был воспитан

³¹Шахнович М. И. Реакционная сущность иудаизма. М.-Л., АН СССР, 1960, с. 65

вдали от отца (от Яхве), отправился на поиски его и вступил с ним в борьбу (ср. борьбу Иакова с богом: Бытие, XXXII, 24–26).

Но можно отметить еще более древние мифологические параллели к сказанию о Моисее. Могучий и грозный, человек бурных порывов, Моисей косноязычен; поэтому, по приказу Яхве, он делает глашатаем божьей воли своего покладистого брата Аарона. Их полярно противоположные характеры дополняются и противоположностью тотемов: быка Аарона («золотой телец») и медного змия Моисея (Нехуштан, позже одно из украшений Храма). Возможно, это противопоставление тотемов отражает древнюю конкуренцию фратрий, лежащую в основе всех близнецных мифов³².

Ветхий Завет сообщает о нескольких конфликтах Моисея с Аароном; последний часто оказывается в роли неумелого помощника, отступает от приказов Моисея и «портит» сделанное братом, что характерно для фигуры близнеца-неудачника. С. С. Аверинцев отмечает: «можно найти в библейских преданиях и модификации близнецных мифов (предания об Авеле и Каине, об Иакове и Исаве)»³³.

Такою же модификацией, возможно, было и раннее предание о Моисее и Аароне. Известны изображения богини Анат, кормящей двух отроков³⁴. Полагаем, в исчезнувшей «переходной» мифологии раннего иудаизма Анат была матерью близнецов — Моисея и Аарона.

В библейское предание о Моисее вошли «эдиповские» мотивы (провиденциальный ребенок, отдаленное воспитание, бой отца с сыном), рудименты близнецного мифа, плохо связанные с легендой о детстве Моисея, и другие мотивы, восходящие к Аккаду, Ханаану и Египту. Позднее с моисеевским прамифом были искусственно контаминированы эфраимитские мифы об Иисусе Навине³⁵.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что обряд сплавления младенца по реке описан Библией дистанцированно, как уловка матери во спасение сына. Мы предлагаем следующий эвристический принцип: дистанцированное и демаскирующее описание некоего обряда («взгляд со стороны») обозначает чужеродное для данного текста происхождение этого обряда. Сплавление по реке типично для речных цивилизаций Египта и Месопотамии, но для евреев, недавних кочевников, вода традиционно мыслилась как колодец, «око пустыни», а не как мать-река. Следовательно, сплавление по реке вошло в Библию из чужих мифов о великих найденышах.

Подбрасывание Моисея в корзине, якобы приплывшей по Нилу, обнажает секрет обряда — замену реального жертвоприношения символическим, как ханаанское сожжение первенцев евреи заменили чисто условным «проведением через огонь».

V

³²См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

³³Аверинцев С. С. Иудаистическая мифология. - В кн.: Мифы народов мира. Т. 1, с. 585.

³⁴Шифман И. Ш. Анат. — В кн.: Мифы народов мира, Т. 1, с. 76.

³⁵См.: Франк-Каменецкий И. Г. Пророки-чудотворцы (о местном происхождении мифов о Христе). Л., «Сеятель», 1925.

Перейдем к Новому Завету.

Еще Д. Штраус в «Жизни Иисуса» обосновал мысль о том, что миф об искушении Христа в пустыне эквивалентен «исторической судьбе Израильского народа», т.е. преданию о блужданиях евреев в пустыне после Исхода. Расширив эту мысль, Н. Фрай заявил: «события жизни Христа повторяют события истории Израиля»³⁶. Думается, в данном случае ближе к истине З. Фрейд, который в названной выше работе «Моисей и монотеистическая религия» провел параллель между биографиями Моисея и Христа, усматривая смысловое тождество главных пунктов той и другой.

Этому не противоречит допущение исторического существования Иисуса, имеющее давнюю научную традицию, у истоков которой стоит Герман-Самуэль Реймарус, основатель научной критики Нового Завета; эту точку зрения разделяли тюрбингенская школа, Э. Мейер, основатель советской библеистики Н. М. Никольский и мн. др. Об Иисусе Христе упоминают Тацит, Светоний, Иосиф Флавий. Особенно важно свидетельство последнего; знаменитый абзац из XVIII книги «Иудейских древностей» долго считался позднейшей христианской интерполяцией, но современная наука опровергла гиперкритическую оценку этого краткого рассказа об Иисусе³⁷.

Мы допускаем, что Иисус действительно жил и проповедовал в первой трети I века (эпоха Августа и Тиберия). Он возглавлял одно из народных иудейских движений, враждебных Римской империи, но непосредственно направленных против коллаборационизма Иерусалимского храма; историчность другого подобного вождя, Иоанна Крестителя, никогда не подвергалась сомнению. Движение Иисуса было тесно связано с известной сектой эссеев, однако отвергло их самоизоляцию³⁸.

Видимо, в основе синоптических евангелий лежит устное предание об Иисусе. Скупые факты его реальной биографии в фольклоре быстро обросли чудесными подробностями. Так случалось и позже: во время восстания Бар-Кохбы (132–135 гг.) рассказывали, что изо рта этого вождя вылетает пламя, а коленом он отражает ядра римских катаapult. В фольклоре об Иисусе историческая фактичность стирается, предание впитывает в себя элементы запретных «сельских мифов», неканоническую традицию об Иисусе Навине, сыне рыбы (Йешуа бен Нун), который в народном сознании галилейских северных окраин оставался тайным советником Моисея³⁹ и в какой-то мере кумранский миф⁴⁰.

Кроме эфраимитских (северноеврейских) влияний, в предевангельском фольклоре возможно сильное влияние эллинистического фольклора, поскольку в Галилее, откуда вышел Иисус, евреи составляли меньшинство населения, уступая по численности грекам и - элли-

³⁶Frue, Northrope. Anatomy of Criticism. N.-Y., 1969, p. 205.

³⁷Ясное и убедительное освещение вопроса см в кн.: Кубланов М. М. Возникновение христианства. М., 1974, с. 66–69.

³⁸Эта связь блестяще доказана советским кумранистом И. Д. Асмусиным: Кумранская община. М., 1983.

³⁹См.: Франк-Каменецкий И. Г. Пророки-чудотворцы.

⁴⁰В отличие от Иисуса Навина (древнего эфраимитского божества) кумранский Учитель Праведности, по всей видимости, реально существовал: см. об этом: Асмусин И. Д. Кумранская община, с. 177.

низированным арабам (отсюда и презрительное отношение к Галилее в Иерусалиме, где ее называли «Галиль гоим» — «Галилея языческая»).

До канонизации Нового Завета (364 г.) существовало не менее тридцати евангелий, включая и арабские.

На устное предание и опирались евангелисты-синоптики, используя его как материал для воссоздания биографии Иисуса. Они стремились облагородить наивные сельские рассказы великой книжной традицией, очистить этот материал от эфираимитских суеверий и упорядочить принципиальную «необрамленность» фольклорного цикла, ориентируясь на биографию Моисея как на образец священной композиции, чтобы уже самую форму подчеркнуть и преемственность традиции, и разрыв внутри ее.

Для новозаветной мифологии характерно то, что она конституирует себя в формах истории. Обработывая устное предание об Иисусе, синоптики заново придавали ему историческую форму. Эту вторичную историзацию хорошо определил Альберт Швейцер: «Рамки истории Иисуса в синоптических евангелиях обнаруживаются как вторичные. Помимо того, падают почти все жизненные детали, которые необходимы для биографии»⁴¹.

В евангелии от Матфея С. С. Аверинцев акцентирует «преемственность между Ветхим Заветом и новой верой» и в соответствии с этим стремление евангелиста «примкнуть к библейскому типу «священной истории»⁴². И действительно, вифлеемское избивание младенцев, описанное только у Матфея (II, 16) — это не отражение иродянского террора (который был направлен против иудейской аристократической оппозиции Ироду), а гиперболизированная версия ветхозаветного предания о фараоне-детоубийце; Ирод намеренно сближается с фараоном; бегство в Египет понадобилось для того, чтобы Иисус повторил Моисея, выйдя из Египта, и чтобы сбылось реченное у Осии: «... из Египта вызвал я сына моего» (см. выше).

Итак, евангельский миф, особенно у Матфея, сознательно параллелен мифу о Моисее. Мать последнего совершила символическое детоубийство в форме «сплавания по воде». Аналогичная имитация детоубийства скрыта в евангелии от Луки: отпрыск династии Давида, легитимный наследник иудейского престола, захваченного узурпатором Иродом, после своего рождения положен в ясли для кормления скота. Этот эпизод явно перенесен из фольклора; но столь же явно, что Лука, единственный грек из числа канонизированных евангелистов⁴³, совершенно не понял ритуального смысла этого эпизода.

Чтобы младенец Иисус «логично» оказался в яслях, Лука объясняет это родами Марии в хлеву, «потому что не было им места в гостинице» (Лука, II, 7). Объяснение это нелепо: женщины Вифлеема не могли оставить правоверную иудейку, законную супругу почтенного человека (а ремесло плотника было уважаемым), рожать в хлеву. Религиозный долг

⁴¹ Швейцер, Альберт. От Реймаруса до Вреде (история изучения жизни Иисуса). 1906. Цит. по ст. И. Крывелова: Библия в свете научного анализа. «Наука и религия», 1982, № 1, с.30

⁴² Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы. — 3 кн.: История всемирной литературы. Т.1, М., 1983, с.509.

⁴³ Там же, с.509- 510

предписывал помочь ей. Ссылку Луки на нехватку мест в гостинице можно понять только из опыта диаспоры с вынужденной изоляцией евреев. Лука добавил эту мотивировку к фольклорному эпизоду, смысла которого не понимал⁴⁴.

Между тем, положение новорожденного в ясли для скота — это распространенный восточный обычай, остаточная инсценировка вынесения младенца зверям. Яркую параллель мы находим в обычаях тюркских народов: если в семье часто умирали дети, то очередного младенца после рождения клали в корыто для кормления собаки; естественно, она не трогала его, а посему ребенку давалось имя Эталмас — «Собака не возьмет»⁴⁵. Это уничтожительное наречие имело целью обмануть злых духов, губителей новорожденных, но форма обряда, объясняющая такое наречие, есть реликт символического детоубийства. Положение младенца Иисуса в ясли — это отражение обряда «вынесения» младенца, равнозначного подбрасыванию Моисея дочери фараона.

Поклонение пастухов (Лука, II 8–20) — это реликт н а х о ж д е н и я пастухами божественного подкидыша. В мифах о сплавлении по воде дитя в корзине традиционно подбиралось царницей или царевной; при «несении» ребенка его обычно подбирал пастух (ср. позднюю версию мифа об Эдипе). Поклонение пастухов вытекает из мифологического формализма застывшего обряда; характерно, что ангел Рождества возвещает пастухам лишь о том, что они найдут ребенка в яслях (Лука, II, 12), и ни слова не упоминают о его родителях.

В последних эпизодах жизни Иисуса, уже после воскресения, содержится мотив узнавания. Лука и Иоанн говорят, что внешность

Воскресшего так изменилась, что его не узнавали даже апостолы. Убеждая их в тождестве личности, Иисус прежде всего говорит: «Взгляните на мои руки и ноги» (Лука XXIV, 39). В самом позднем евангелии Иисус показывает апостолам пять ран своей казни, а знаменитый скептик Фома даже влагает персты в раны Иисуса (Иоанн, XX, 20 и 25–28). По мысли Луки и Иоанна, следы крестной казни доказывают тождество личности Иисуса.

Но римляне довольно регулярно распинали иудейских мятежников, а двух разбойников распяли вместе с Иисусом. Следы казни могли доказать, что незнакомец, встреченный апостолами, действительно перенес казнь, пусть даже воскрес, но отнюдь не удостоверяли его личности, коль скоро Иисуса не узнали даже ближайшие люди. В этом месте Луке и Иоанну не хватило логики.

Полагаем, однако, что в устном предании об Иисусе было убедительное доказательство тождества и что там воскресший Иисус тоже показывал ученикам свои руки и ноги,

⁴⁴Мотивировка Луки представлялась нелепой именно восточным христианам, которые до IV века вообще не признавали эпизода о родах Марии в хлеву и считали, что Иисус родился в пещере; в Вифлееме была подыскана пещера, которую сирийская церковь превратила в центр паломничества (возможно арабское влияние).

⁴⁵Кусимова Т. Х. Некоторые обычаи наречения имен башкир. В кн. : Ономастика Поволжья II. Горький, 1971, с.53;Илимбетов Ф. Ф. Личные имена как источник при изучении древних верований башкир.- В кн.: Ономастика Поволжья III. Уфа, 1973, с.91–92

но он показывал ученикам вовсе не следы от гвоздей, а свои гноризматы, «царские знаки» — неопровержимые, с народной точки зрения, доказательства своего происхождения от царя Давида и своей героической миссии.

Отзыв на статью Р. Г. Назирова «Дитя в корзине и приметы избранников»

Статья насыщена разнообразным фольклорным материалом; делается интересная попытка интерпретировать мифы, библейские рассказы, евангелия. Автор стремится доказать, что мифологический мотив найденного ребенка восходит к реальным обычаям глубокой древности — к обычаю тайного воспитания детей вне отцовского рода, обычаю жертвоприношений детей богам, обычаю сплавления детей в лодке, обычаю мечения детей и т.д. Эта направленность статьи подчеркивается подзаголовком: «Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов». Но именно реконструкция — самое уязвимое место статьи. Этнографическая аргументация ее мало убедительна. Факты, упоминаемые в статье, не всегда относятся к обращению с детьми, некоторые (например мечение) связаны с инициациями, другие (погребение в лодке) относятся и к взрослым, деформация черепов и татуировка племенными знаками преследуют иные цели, нежели приписываемые им автором. Интерпретация фольклорных мотивов, мифов, библейских рассказов нередко сама по себе очень остроумна, но ей не хватает доказательности. Есть и натяжки — например, в истории Моисея. Бык Аарона и медный змей Моисея наивно трактуются как тотемы (с.20). Автор пишет: «В ранних обществах всякая находка была чудесным даром свыше и ценилась белее, чем продукт трудовых усилий. Это пережиток всемирной экономической стадии собирательства» (с.4). Можно подумать, что собирательство не было таким же трудом, как и всякий иной.

Автор пишет о Проппе, что «его интерпретация чудесного спасения и тотемного (?) воспитания героя как отражение посвяtitельных обрядов представляется неточной» (с.6). Но Пропп посвятил аргументации своей гипотезы целую книгу («Исторические корни волшебной сказки»); что же противопоставляет этому автор?

«Пропп многое понимал совершенно правильно», — снисходительно похлопывает он по плечу маститого ученого (с.13). Автору можно адресовать тот же упрек, который он адресует Проппу: «Он подавал свои гипотезы как бесспорные истины» (с.14).

К сожалению, в этом можно упрекнуть не только автора настоящей статьи.

Краткий отзыв о статье Р. Г. Назирова «Дитя в корзине и приметы избранничества. Опыт реконструкции этнографического субстрата»

Статья посвящена выявлению этнографических истоков ветхозаветных легенд о Моисее и отражений тех же или сходных мотивов в Новом завете. Этому предшествует рассмотрение основных тем легенды в широкой компаративистической перспективе. Статья интересна и с фольклористической точки зрения в общем выглядит убедительной.

Неудачна композиция, при которой вторая половина статьи (с.1–14) воспринимается как иллюстрация к первой, тогда как дело обстоит противоположным образом: первая

часть — лишь этнографический комментарий к упомянутой легенде, но его функциональная направленность становится ясной лишь к концу статьи. Мне кажется, материал надо подать иначе, полностью подверстав фольклорно-этнографический анализ к соответствующим томам легенды. — Неудачно название — и стилистически, и по существу, лучше бы, напр., «Этнографический субстрат ветхозаветных легенд о Моисее».

Не всегда ясно, на каком уровне происходит стяжение гетерогенных элементов в нарративные комплексы: в самих архаических обычаях, в сопровождающих их обрядах, в отражающих их мотивах или уже в тематических конфигурациях мотивов. Ср. о бое отца с сыном. — Есть и другие неясности, они отмечены на полях. Удивляет частое отсутствие ссылок на спец. литературу, что допустимо лишь в тех случаях, когда факт общеизвестен; см. с.7, 8, особенно — вторая часть статьи. Вообще работу следовало бы дать на просмотр специалисту по Библии, это слишком обширная и специфическая область филологии, и касающиеся ее суждения нуждаются в проверке. — Наконец, удивляет неупоминание работы Фрезера «Фольклор в Ветхом завете», с которой, особенно с главой о Моисее, данная статья связана и по теме и по материалу.

Предисловие к публикации*

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Статья «Друг Пушкина в “Отцах и детях”» до недавнего времени попадалась нам только упоминаниях в различных списках трудов и планов, время от времени составлявшихся Назировым. Обнаружена она была в папке № 179¹, имеющей помету «Статьи 11–16». Последняя помета, по всей видимости, отражает желание Назирова собрать воедино (возможно, даже в имеющем некую логику порядке) законченные и пригодные к опубликованию статьи, а также материалы к ним. Всего таких папок известно пять², общий счет статей доходит в последней до 37. Папка № 179, кроме того, на титуле содержит биографические данные: «Ленинградский ун-т, филфак, 1976, кафедра русской литературы». Вкупе с датировкой также публикуемого нами отзыва Г. А. Бялого на статью Назирова, это позволяет — редкий случай — относительно твердо датировать ее 1976 годом.

В папке сохранилось три варианта машинописи: 8, 10 и 12 страниц, рукописи нет. Мы публикуем статью по самому развернутому варианту, на том основании, что в нем содержатся позднейшие рукописные добавления, не дублирующиеся в двух предшествующих редакциях. Так, полностью вписан от руки последний абзац, обозначающий возможность дальнейшего развития темы уже на материале «Дворянского гнезда».

«Друг Пушкина...» методологически продолжает важную для Назирова линию изучения прототипических связей ключевых образов русской классики, однако стоит среди этих статей несколько особняком. Во-первых, при жизни Назирову удалось опубликовать ряд исследований о прототипах героев Достоевского³. В числе посмертных публикаций, с этой точки зрения, привлекает внимание обнаруженная и опубликованная Б. В. Ореховым заметка «Ростовщик из “Портрета”» о прототипе гоголевского образа, однако до открытия публикуемой статьи она выглядела несколько «случайным» отходом от основной темы. Теперь же становится ясно, что проблема прототипической связи исторических и литературных персонажей интересовала Назирова не только в связи с Достоевским, но и как таковая.

Мы предполагаем, что интерес к проблеме прототипов — частный случай более широких размышлений Назирова о связи литературы и реальности, отразившихся, в частности,

*Подготовлено в рамках проекта РГНФ 16-04-02008

¹АРГН, оп. 1, д. 179, л. 1333-1343

²АРГН, оп. 1, д. 88, 175, 176, 178.

³См.: Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 114–121; О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 202–219; К вопросу о прототипе Ставрогина // О традициях и новаторстве в литературе. Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Уфа, 1976. С. 128–137.

в недавно опубликованной книге «Эффект подлинности»⁴, написанной также в середине 1970-х.

В то же время статья «Друг Пушкина в “Отцах и детях”» в определенном смысле уникальна: это — единственный труд Назирова, полностью посвященный Тургеневу и его наследию. Во всех остальных случаях, даже в статье «Вражда как сотрудничество»⁵, автор «Отцов и детей» рассматривается только в сопоставлении.

Для сравнения: Гоголь и Пушкин, также не частые «персонажи» прижизненных публикаций, в архиве Назирова, как выяснилось после его смерти, оказались представлены весьма широко (хотя Пушкин преимущественно не в научных трудах, а в исторической прозе). Тургенев по каким-то причинам не пользовался таким вниманием Назирова. Настоящая публикация, разумеется, не откроет причин такого равнодушия, однако все же в некоторой степени восполнит досадную лакуну в назировской картине русской классики.

⁴Назирова Р. Г. Эффект подлинности. Уфа, 2016. 140 с.

⁵Назирова Р. Г. Тургенев и Достоевский: вражда как сотрудничество // XX век. Литература. Стил. Вып. IV. Екатеринбург, 1999. С. 25 – 34.

Друг Пушкина в «Отцах и детях»

Р. Г. Назиров

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» никогда не перестанет возбуждать интерес всех любителей русской классики — и не только в идейно-художественной плане, но и в плане его творческой истории. За сто с лишним лет роман оброс огромной критической литературой, в которой главное место занимает мощная фигура Евгения Базарова. В ней пытались угадать черты различных прототипов, действительно живших русских людей конца 50-х годов прошлого века. Споры о прототипах Базарова, не приведя нас к какому-то однозначному решению, тем не менее оказались весьма полезны: они способствовали изучению творческого процесса Тургенева, уяснению связей его искусства с исторической действительностью, вскрытию «многосоставного» происхождения важнейших характеров его романов.

Но почему только Базаров? Современники Тургенева спорили, бывают или не бывают такие нигилисты. Для нас этот вопрос отпал: мы знаем, что Базаров — отнюдь не карикатура. Большой интерес представляет само характеросложение Тургенева. При его способе типизации можно предполагать прототипичность в отношении всех его главных героев. И с этой точки зрения чрезвычайно интересно второе по значению лицо романа «Отцы и дети» — антагонист главного героя, Павел Петрович Кирсанов.

Мы предлагаем вниманию читателя некоторые новые соображения относительно возможного прототипа этого персонажа.

Исходным пунктом для нашей гипотезы явилось чтение мемуаров А. И. Дельвига «Полвека русской жизни». Племянник поэта, путевый генерал Дельвиг вспоминает между прочим: «Жизнь в деревне у Боратынских была устроена на английский манер, вероятно, в подражание их соседу Кривцову, большому англоману, человеку очень умному, но взбалмошному до неистовства, так что в бытность его губернатором советники губернского правления решились составить журнал, которым его самовольно отставили от должности. Вслед за тем он действительно был уволен от службы и жил в своем Кирсановском имении, устроенном по английскому образцу»¹. Далее мемуарист вспоминает об упрямстве Кривцова, о сделанной ему в Англии деревянной ноге, которая хорошо заменила Кривцову ногу, потерянную «в Бородинском, помнится, сражении». Тут А. И. Дельвиг ошибся: при Бородине Кривцов был ранен, а ноги лишился под Кульмом.

Эта страница мемуаров вызывает ряд ассоциаций. Англоман Кривцов, умный и взбалмошный человек — ведь это друг молодого Пушкина, вольнодумец и щеголь Николай Иванович Кривцов, родной брат декабриста Сергея Кривцова. Отец их имел до 2000 душ, богатый помещик Орловской губернии, родственник кирасирского офицера Сергея Николаевича

¹ Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания, т. 1, Academia, 1930, с. 228.

Тургенева, которому жена принесла в приданое Спасское-Лутовиново: с этим знаменитым именем непосредственно граничили земли Ивана Кривцова. Соседи и родственники, Кривцовы и Тургеневы были связаны дружбой.

В процитированном фрагменте мемуаров внимание задерживается на словах: «в своем Кирсановском имении, устроенном по английскому образцу». Город Кирсанов — ныне районный центр Тамбовской области. Мы к этому географическому названию еще вернемся.

Мысль невольно возвращается к тургеневскому персонажу — англоману Кирсанову. Не была ли эта фамилия избрана Тургеневым как тайная примета прототипа? Не имеет ли она сигнализирующего значения? Или это простое совпадение?

Несколько общих замечаний: для писателей-реалистов характерен один ономастический принцип, которому обычно не уделяется внимания (так, о нем нет ни слова в статье «Ономастика поэтическая» в 5-м томе КЛЭ): это сохранение звуковой близости вымышленного имени персонажа с именем или фамилией реального прототипа, когда эта связь по тем или иным причинам важна для писателя. Так, Пушкину хотелось подчеркнуть документальность сюжета «Дубровского»: для этого он не только ввел в роман подлинное судебное постановление, но и сохранил сходство фамилии героя — «Дубровский» — с фамилией прототипа, белорусского дворянина Островского. Тут не только звуковая, но и семантическая близость: во многих русских говорах «остров» примерно то же самое, что и «дуброва». Фамилия Швабрина в «Капитанской дочке» сохранила звуковое родство с фамилией прототипа — офицера Шванвича, служившего Пугачеву. Лермонтовский доктор Вернер носит фамилию, которая для русского слуха звучит весьма сходно с фамилией известного доктора Майера, друга сосланных на Кавказ декабристов и самого Лермонтова. Наконец, у Тургенева фамилия Чертопанова сохранила корень фамилии прототипа — помещика Чертова, а фамилия Губарева в романе «Дым» пренеприятно рифмуется с фамилией Н. П. Огарева, которого романист изобразил весьма пристрастно в этом персонаже. Этот принцип фонетического (и реже — семантического) подобия фамилий отмечал в своих работах специалист в области поэтической ономастики М. С. Альтман.

К этому принципу, по нашему мнению, близка иная — географическая — сигнализация о связи имени вымышленного героя с именем прототипа. Вообще «географические» фамилии были чрезвычайно популярны в русской классической прозе (Минский, Ржевский, Томский, Ленский, Онегин, Печорин, Лугин, наконец, Бетси Тверская), но эта «география» не направлена на подсказку прототипов. Зато прямо навеяна конкретной обстановкой и, может быть, реальным прототипом фамилия пушкинского стационарно смотрителя Самсона Вырина: она произведена от названия почтовой станции Выра — третьей от Петербурга на запад, через которую многократно проезжал Пушкин (ныне в деревне Выра открыт специальный музей — «Домик стационарного смотрителя»)². Не вдаваясь в рассуждения о вероятности более или менее фактичного воспроизведения в повести «Стационарный смотритель» точных лиц и обстоятельств, отметим лишь несомненность самой связи име-

²Н. Грановская. Домик стационарного смотрителя. «Литературная газета» от 18 октября 1972.

ни Вырина со станцией Выра. Это ужже не просто «географическое благозвучие», а некий (для нас неопределенный) сигнал.

Подобным сигналом, сложной географической зашифровкой прототипа может оказаться и фамилия «Кирсанов» в романе Тургенева.

Присмотримся повнимательнее к фигуре Н. И. Кривцова.³ Он родился в 1791 году, получил домашнее образование, видимо, довольно небрежное. В возрасте 16 лет был привезён в Петербург своим родственником Сергеем Николаевичем Тургеневым (отцом писателя) и 1 сентября 1807 зачислен в лейб-гвардии Егерский полк. Большого роста, атлетического сложения, черноволосый, с высоким лбом, он отличался «скромным до излишества поведением», которое его товарищи объясняли его гордостью, трудолюбием и страстью к аристократическому обществу. Последнее существенно: род Кривцовых не знатен. Их предок Иван Кривцов — один из зодчих, строивших Успенский собор в Москве (1471). Родоначальником же собственно дворян Кривцовых был городской дворянин Осип Кривцов из Болхова (начало XVII века). В роду не было крупных исторических деятелей. Аристократизм Николая Кривцова в этом свете приобретает особое значение.

В Бородинской битве Н. И. Кривцов (ему было 20 лет) ранен, взят в плен, оставлен французами при эвакуации Москвы и вернулся в строй. При Кульме французское ядро оторвало ему ногу, что положило конец его военной карьере. В госпитале Кривцов лежал рядом с умирающим Моро; посещая последнего, император Александр обратил внимание на Кривцова.

После взятия Парижа молодой инвалид жил в одном доме с Лагарпом, который очень полюбил его и рекомендовал своему венценосному питомцу. Царь произвел Кривцова в подполковники и прикомандировал к своей свите. По заключении мира Кривцов остался в Париже при русском посольстве: слушал лекции видных ученых, посещал музеи, познакомился с Шатобрианом, Талейраном, Контом, путешествовал по Европе и приобщился к либеральным идеям. В 1817 г. он вернулся в Петербург вольнодумцем. Еще до этого через Лагарпа им была подана царю записка о ланкастерском обучении.

Благодаря английскому протезу хромота его стала почти незаметна, он мог даже танцевать. У Карамзиных и Тургенев он познакомился и подружился с Пушкиным, только что вышедшим из Лицея. В декабре 1817 г. свое посланию «Кривцову» поэт уже начинает обращением: «Не пугай нас, милый друг...»

Император оказывает Кривцову «большое внимание»: вскоре он сделан камергером, определен в ведомство Министерства иностранных дел и 1 января 1818 г. причислен к русскому посольству в Лондоне. Выехал Кривцов не сразу. Когда он уезжал, больной Пушкин послал ему в подарок на дорогу «Девственницу» Вольтера с известным стихотворением «Когда сожмешь ты снова руку...» (автограф датирован 2 марта). Здесь Пушкин называет

³О Н. И. Кривцове писали Гаевский («Вестник Европы», 1877, № 12), Борис Чичерин («Русский архив», 1890, 1) и Гершензон («Декабрист Кривцов и его братья», М., 1914. На Гершензона опирался и Вересаев («Спутники Пушкина»)).

Кривцова «эпикурейцем»; видимо, это был несколько мрачный эпикуреец, поскольку в первом послании говорилось: «Не пугай нас, милый друг, // Гроба близким новосельем. . . »

Александр Тургенев пишет князю Вяземскому: «Кривцов не перестает развращать Пушкина и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии». В Лондоне Кривцов сблизился с Блудовым, но зато не поладил с самим послом — Ливеном. Сохранился черновик одного письма Пушкина своему другу в Лондон (лето 1819 г., в Михайловском).

В 1821 г. вследствие своих неладов с Ливеном Кривцов был отозван. В том же году он женился на Екатерине Федоровне Вадковской, внучке известного И. Г. Чернышева. Царь по этому поводу осыпал Кривцова неслыханными милостями: дом для житья в Царском Селе, губернаторское место на выбор и беспроцентный заем в 100 тысяч рублей на 10 лет (чисто номинальный долг). Брак Кривцова не мог быть счастливым по причине его «сократических» наклонностей.

5 октября 1823 г. в чине статского советника он был назначен губернатором в Тулу. Осенью 1823 г. ссыльный Пушкин пишет в Тулу короткое письмо, начинающееся словами: «Милый мой Кривцов, помнишь Пушкина?» Далее такая фраза: «Правда ли, что ты стал аристократом? — Это дело. Но не забывай демократических друзей 1818 года». Кривцов к этому времени, действительно «уже вышел из полка либералистов», как писал о нем Карамзин, с которым Кривцов поддерживал переписку, равно как и с Жуковским. Из Англии бывший вольнодумец вернулся поклонником английских порядков. Губернатором он был очень необычным. «Образованный человек, вольтерьянец и эпикуреец — с честными правилами на службе» (характеристика Анненкова), он сочетал любовь к английской законности с азиатским деспотизмом. Когда он *высек* почтмейстера, не дававшего ему лошадей, приготовленных для царя, его перевели губернатором в Воронеж (февраль 1824). Здесь Кривцов прославился борьбой с продажными чиновниками: уличив во взятках губернского секретаря, он *ударил* его в присутственном месте. По общему согласию губернских воров был составлен «журнал» об этой истории. Кажется, Кривцов разорвал этот «журнал» (отзвук этого скандала — в мемуарах А. И. Дельвига). В Петербург пошел донос о «припадках умопомрачения» у губернатора. Николай Павлович перевел Кривцова губернатором в Нижний Новгород (12 сентября 1826 г.).

В Нижнем он *избил* исправника, подвергал жестоким побоям ямщиков и сельских старост при проезде из Нижнего в тамбовское имение жены. Опять начались доносы и расследования. Царь вспомнил, что в деле 14 декабря был замешан брат буйного губернатора Сергей Кривцов (декабрист 7-го разряда) и Федор Федорович Вадковский (брат Е. Ф. Кривцовой). 3 апреля 1827 года Кривцов был причислен к департаменту герольдии. Естественно, он тут же подал в отставку, что от него и требовалось. Николай приказал взыскать с него 100 тысяч долгу; имение Кривцова было продано за казенное взыскание с торгов, он был разорен и поселился в имении жены — деревня Любичи Кирсановского уезда, Тамбовской губернии (на границе Саратовской).

Этот крутой хозяин сразу вызывал бунт своих мужиков; потом были неурожаи. Несмотря на это, Кривцов привел имение в образцовый порядок. Он устроил усадьбу в английском вкусе, с удобным и изящным домом, прекрасным парком, с каменной готической башней. В трех верстах от Любичей находился Умет — гнездо Чичериных, а в 15 верстах — Мара, имение Баратынских. Между этими тремя поместьями поддерживались постоянные сношения, соседи обменивались книгами и новостями. Кривцов занял среди помещиков первенствующее положение: соседи приезжали к нему за советами, местные власти — на поклон.

10 февраля 1831 г. Пушкин шлет Кривцову «Бориса Годунова» с известным письмом. «Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидаться и поболтать о старине — карантин мне помешали». Далее следует часто цитируемое «оправдание в женитьбе»: поэт помнил, что Кривцов — принципиальный противник брака. Откровенность и серьезность письма говорит о неизменном уважении Пушкина к Кривцову.

А тот прочно засел в кирсановском имении, играя роль опального лорда. Из комнат барского дома было прорублено окно в сени, через которое староста ежедневно делал доклады барину и получал распоряжения. На свои ковры Кривцов мужиков не пускал. Он тешил свое тщеславие выдуманным аристократизмом, сочинял к своему гербу латинские девизы, ни разу не утвержденные герольдией. Умер он в 1843 г.; среди его бумаг нашли проекты освобождения крестьян.

За три года до этого, в январе 1840 г., из русских снегов в Италию отправились в одной кибитке молодой И. С. Тургенев и его дальний родственник Павел Иванович Кривцов, 35-летний дипломат, младший из братьев Кривцовых. Они были попутчиками до самой Вены: им хватило времени поговорить о родных и близких. Молодой Тургенев сохранял «фамильную» дружбу с Кривцовыми.

Могли они говорить и об «опальном» Кривцове — друге Пушкина. Иван Сергеевич лично знал его. Зимой 1832 и весь 1833 год Тургеневы провели в Москве, где юноши готовились к поступлению на службу и в высшие учебные заведения. У Сергея Николаевича Тургенева сохранились прекрасные связи, его дом на Арбате чуть не каждый день посещал романист Загоскин. Как сообщает современный исследователь Н. Чернов, «в доме С. Н. Тургенева изредка появлялся еще один человек из пушкинского окружения — Н. И. Кривцов»⁴. Николаю Кривцову в это время 41–42 года, Ивану Тургеневу — 14–15 лет.

Теперь обратимся к роману «Отцы и дети» — к Павлу Петровичу Кирсанову.

«... В это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский *сьют*, модный низенький галстук и лаковые полусапожки, Павел Петрович Кирсанов. На вид ему было лет сорок пять...» Далее описывается его внешность со следами «красоты замечательной». Постоянно подчеркивается английский вкус в его одежде. В известной «форгешихте» этого персонажа рассказывается: «Павел Петрович Кирсанов воспитывал-

⁴Чернов Н. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Вопросы литературы, 1973, № 9, с. 226.

ся сперва дома /.../, потом в пажеском корпусе. Он с детства отличался замечательной красотой; к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен — он не мог не нравиться». Говорится о светских успехах Кирсанова, победах над женщинами, об ожидавшей его блестящей карьере и романтической истории с княгиней Р., опрокинувшей жизнь этого светского льва.

Этот эпизод (любовь к загадочной женщине) не имеет никакого отношения к Н. И. Кривцову. Однако блестящая молодость Кривцова и его оригинальный характер в известной мере совпадают с характеристикой молодого Кирсанова в «Отцах и детях».

Еще заметнее такое совпадение при изображении Павла Петровича, стареющего в деревенском уединении. «Он стал читать, все больше по-английски; он вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус, редко виделся с соседями и выезжал только на выборы, где он большей частью помалкивал, лишь изредка дразня и пугая помещиков старого покроя либеральными выходками и не сближаясь с представителями нового поколения. И те и другие считали его гордецом; и те и другие его уважали за его отличные, аристократические манеры, за слухи о его победах /.../; за то, что он вообще хорошо обедал, а однажды даже пообедал с Веллингтоном у Луи-Филиппа...» Это весьма близко к подлинной жизни Кривцова в его кирсановском имении после отставки.

«Дамы находили его очаровательным меланхоликом, но он не знался с дамами».

Аркадий Кирсанов говорит о своем дяде:

«- Но он всякому рад помочь и, между прочим, всегда вступает за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нохает одеколон». Как не вспомнить аристократическую безгловность Кривцова, который даже со старостой говорил через специальное окошко, но составлял проекты освобождения крестьян.

П. А. Вяземский говорил о Кривцове: «Он не был человеком ни увлечения, ни утопии. Был он более человеком рассудка, разбора, анализа. Можно было признать в нем некоторую холодность, некоторый скептицизм. Не знаю, был ли он способен к дружбе в полном значении этого слова, но он питал чувство искренней приязни и уважения к некоторым исключительным лицам и остался им верен до конца».

Тургенев пишет о Кирсанове: «Он не был рожден романтиком, и не умела мечтать его щегольки-сухая и страстная, на французский лад мизантропическая душа...» Эти характеристики — исторического лица и литературного героя — очень сходны.

Но ведь характер Павла Петровича во многом и отличен от реального прототипа. Кривцов был, несомненно, и крупнее, и оригинальнее, и намного культурнее, чем Павел Петрович. В том-то и дело, что Тургенев не писал простых портретов. Его Кирсанова можно понять, как некое снижение прототипа. Ни в коем случае не карикатура, но как бы пародия на реального человека, на Кривцова.

Кривцов держался в курсе русской словесности и получал новинки от самого Пушкина — Кирсанов читает только «Вестник Галиньяни» (парижскую либеральную газету). Кривцову французское ядро оторвало ногу при Кульме — Павлу Петровичу на глупой ду-

эли Базаров прострелил ляжку, отчего раненый на минуту потерял сознание. Кирсанов с его претензиями выглядит «живой пародией» на прошлое своего класса, на исторических Кривцовых — участника Бородинской битвы и декабриста. Тургенев вовсе не осмеивает *тех* дворян и *ту* героическую эпоху. Но в 1862 году аристократы стали пародией на самих себя, на свое прошлое. Вспомним авторское пояснение: «Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса». Не против всех дворян вообще, не против дворянства в его историческом прошлом, а против дворянства как «передового класса», т. е. против его анахроничных претензий.

В таких дворянах, как Лаврецкий или Литвиной, ничего пародийного нет: эти люди сознают свое скромное место в настоящем.

Зато претензии Павла Петровича, его уверенность в своем значении и в ценности своего класса в изображаемый Тургеневым момент (1859 год) делают его смешным, что писатель показывает с деликатной иронией, как если бы память родства и семейной дружбы Кривцовых и Тургеневых еще витала над романистом.

Позволительно предположить, что для создания этого характера Тургенев использовал некоторые черты и биографические данные своего родственника Н. И. Кривцова — в снижающем и скрытно-пародийном преломлении. Это не может нас удивить: изобразил же он своих родителей в «Первой любви» и в «Муму».

Англоман Кривцов, желчный человек с большими воспоминаниями, убежденный и последовательный аристократ, оказался в окружении Тургенева самым подходящим антагонистом для молодого демократа Базарова.

Возможно, что откликом колоритной фигуры Н. И. Кривцова оказалось и еще одно место в «Отцах и детях» — характеристика губернатора. «Город NNN, куда отправились наши приятели, состоял в ведении губернатора из молодых, прогрессиста и деспота, как это сплошь да рядом случается на Руси. Он, в течение первого года своего управления, успел перессориться не только с губернским предводителем /.../, но и с собственными чиновниками. Возникшие по этому поводу распри приняли, наконец, такие размеры, что министерство в Петербурге нашло необходимым послать доверенное лицо с поручением разобрать все на месте». Эта характеристика опять вызывает ассоциации с Кривцовым, который стал тульским губернатором в 32 года, правил в прогрессивно-деспотическом духе и за три с половиной года сменил три губернии. Если эта догадка верна, то Тургенев, можно сказать, «расщепил» личность Н. И. Кривцова при ее использовании для романа «Отцы и дети».

Некоторыми чертами Кривцова писатель наделил также Лаврецкого, отца главного героя в романе «Дворянское гнездо», но этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.

О статье Р. Г. Назирова «Друг Пушкина в “Отцах и детях”»

Г. А. Бялый

На первый взгляд предположение Р. Г. Назирова о том, что друг молодости Пушкина Николай Иванович Кривцов послужил Тургеневу прототипом для создания образа Павла Петровича Кирсанова, может показаться сомнительным. В самом деле, что общего у «взбалмошного до неистовства» губернатора двух губерний, а потом крутого помещика, вызвавшего своим управлением бунт мужиков, с респектабельным и сдержанным героем тургеневского романа? Однако, внимательно анализируя факты биографии Н. И. Кривцова и мемуарные свидетельства о нем, Р. Г. Назиров находит много черт, сближающих реальное и широко известное лицо с литературным персонажем. Их объединяет подчеркнутый аристократизм, англоманство, либерализм политических взглядов, некоторая холодность натуры, скептицизм ума и иные сходные черты психологического облика. Если прибавить к этому, что Кривцов был родственником Тургенева, что Тургеневы и Кривцовы общались друг с другом, что вместе с одним из братьев Кривцовых молодой И. С. Тургенев в 1840 году в одной кибитке ехал из России за границу и что Н. И. Кривцов долгие годы провел в своем кирсановском (!)имении, то гипотеза Р. Г. Назирова приобретает характер полной достоверности.

Тонкие наблюдения исследователя над соотношением созданного Тургеневым типа с его реальным прототипом проливают свет на особенности тургеневской типизации и на некоторые весьма существенные стороны идейного смысла «Отцов и детей».

Скорейшее опубликование интересной содержательной и вместе с тем краткой работы Р. Г. Назирова более чем желательно.

Доктор филологических наук, профессор Г. А. Бялый

21.11.1976

Ленинград.

Провинциальный часовщик. Повесть

Р. Г. Назиров

Экспериментальная задача.

Детективная повесть, написанная целиком штампами, с редкими искорками отстранения. Провинция. Русский Шерлок Холмс-ну, скажем, Василий Заблуда, родом украинец, по профессии-часовой мастер, а хобби-микроскопия и живопись. Пейзажи рисует. Молчалив, наблюдателен, физически очень силён, не пьёт (почти), не курит (совершенно). Каждое лето проходит с этюдником сотни километров, очень вынослив и ловок, холост в 29 лет, вечная рана первой любви. Живет с матерью в маленьком собственном домике, постоянно расчищает снег.

Если ему 29 в 1983 году, то он родился в 1954. Его отец, фронтовик, умер от ран в 1957 году, еще не старым, этак был 20-го года рождения. Он был сыном учителя, а прадед Василия был кунец первой гильдии и умер от пьянства в Париже. Обычная советская семья.

Учитель, сын кунца, порвавший с семьёй, в молодости эсер, потом беспартийный, умер в каторге в 1943 году, было ему тогда 53 года. В Тайшете умер. Не говорить прямо, что на каторге.

Друг Василия-эксперт-криминалист, охотно посвящающий часового мастера в секреты своего мастерства. Помогая ему советами, Василий обнаруживает исключительно аналитический дар.

С ним встречается начальник угрозыска и предлагает перейти на работу с ним. Но Василий отказывается: 1) любит свою работу; 2) ненавидит всякую писанину; 3) хочет каждое лето писать горы, лес и реки; 4) поздно учиться в заочном юрфаке, а без диплома в угрозыске тоже многого не достигнешь.

— Нет, это всё отговорки, — твёрдо заявил начальник.—Говори настоящую причину.

Василий вздохнул и выложил:

— Преступления неинтересные, много пачкотни. Квартирные кражи расследовать да воровство в складах-уж очень нудно и однообразное дело. Все жулики похожи друг на друга.

— А ты, я вижу, эстет!-в сердцах сказал начальник.

На лацкане его мундира сиял университетский поплавок, он даже читал «Исповедь Ставрогина» из романа «Бесы».

Но когда случается настоящее дело, то друг-эксперт просит Василия подключиться к следствию.

Оглавление.

- Пролог и обращение к читателю.
Гл. 1. Неправильное отношение к милиции.
Гл. 2. Роскошный труп.
Гл. 3. «Врал ваш Сартин!»
Гл. 4. Тупик.
Гл. 5. Кабинет мечтателя.
Гл. 6. Легенда о поджоге.
Гл. 7. Дело ведёт волонтер.
Гл. 8. Нонна и Эмма.
Гл. 9. Нонна перестаёт существовать.

Провинциальный часовщик

Повесть

Пролог и обращение к читателю (одновременно)

Во глубине России есть город-промышленный центр областного значения, с педагогическим институтом, музеем, театром и старинной библиотекой. Он стоит на железной дороге, от него три часа езды до крупного областного центра. Где находится город, какая это область-не спрашивайте. Если даже догадаетесь, я не скажу ни «да», ни «нет».

В этом городе произошла одна любопытная история. С кем-вы скоро узнаете. Когда? В наши дни. Что ещё полагается писать в подобных вступлениях? Я пишу в первый раз, правил не знаю. Предупрежу-ка я читателей об одном важном моменте.

В этой повести-всё выдуманно. «Сплошное враньё», как говорит мой сосед Коровин, эксперт-криминалист, отшвыривая очередной детектив. Ну, может быть, и не всё у меня выдуманно, а процентов девяносто. Я в милиции не работал, с преступниками не был коротко знаком, а вот Коровина знаю и рассказов о его работе наслушался вдоволь.

Значит, моя повесть-не результат личного опыта и наблюдений. Ничего такого и не думайте. Это просто плод запойного чтения детективов — от Эдгара По до братьев Вайнеров. Подумалось мне: а чем я хуже? Попробую.

Если кто-нибудь вздумает вас уверять, что в повести описаны какие-то подлинные лица, то плюньте ему в глаза. Я не умею рисовать портреты, я всё выдумываю.

Назову я наш город просто Н., а притяжательное прилагательное от этого названия получится «энский». Сам я теперь исчезаю и больше вас своей болтовнёй надоедать не буду. Дальше пойдёт сплошное действие, как и положено в детективах.

Глава 1. Неправильное отношение к милиции.

Начальник энской милиции подполковник Иван Павлович Портнов шёл по улице Пушкина в 7 часов вечера.

Он у нас мужчина видный, под метр девяносто, а голос-высокий бас, как у Шаляпина. Ну, естественно, боевое прошлое, пронизательный взгляд, седые виски-стандартная внешность милицейского офицера из романов 40-х годов. Вот нарочно буду писать штампами. Чего ради писатели их боятся? Иван Павлович именно такой.

Он похож на михалковского Дядю Стёпу, который сделал карьеру от постового до начальника милиции города Н. Только немного ниже Дяди Стёпы и умудрённее.

Шёл он один, слегка задумавшись, и вдруг увидел, что из ресторана «Тайга» почти выпала молодая женщина высокого роста в шубке наотлёт и в шапочке набекрень. Лицо ее, бледное и высокомерное, хорошо знали в милиции: это была Инга Лаврентьева, бухгалтер кожзавода, самая красивая женщина в нашем городе.

Она казалось очень возбуждённой, что-то резко говорила, оборачиваясь в сторону двери, за стеклом которой маячила грузная метрдотель Кукушкина.

— Кукушкина, в чём дело?-спокойно и мощно спросил Иван Павлович.

— Здрассте, Иван Палыч, полюбуйтесь на эту скандалистку, три часа сидела, нивесть сколь вылакала да ещё буйнит!

— Не имеешь прррава, выдра крашенная!-заявила городская красавица, борясь со своей шубкой.

— Почему подаёте больше ста грамм?-спросил Портнов.

— Да ко ж ей подавал? Её весь город знает. Когда захочет, её любой рад угостить. Ещё танцевать вздумала!

— Не имеешь прррава, филейная рожа!

-Прекратите дебош, — строго посоветовал Инге наш герой.

Он спокойно и крепко взял её за локоть, повернул и застегнул её шубку. Лицо её сразу стало смирным и по-детски печальным. Она и взаправду очень хороша собой: выглядит на двадцать пять лет, хотя ей больше.

— Они не имеют пррава, — уже спокойнее пожаловалась она Портнову. — Я только хотела вальс. . .

Глядя на её черные глаза под арками своих бровей, на бледное от алкоголя лицо и яркий рот, никогда не знавшие помады, Портнов невольно смягчился и сошёл со служебного тона.

— Зачем же Вы так, Инга? — спросил он.

— Вся жизнь. . . — начала она и всхлипнула.

— Может, Вас проводить? Я могу вызвать машину.

— Вдруг она выпрямилась и дико сверкнула глазами.

— Спасибо! — грубо сказала она. — Я знаю Ваш лимузин, мне очень не нравится его раскраска.

И, неестественно выпрямившись, стойким оловянным солдатиком двинулась через улицу. Портнов услышал, как она громко говорила сугробам и деревьям:

— Милиции мне только не хватало!

Он усмехнулся и одновременно сдвинул брови: есть у него такое выражение лица, и этой мины побаиваются самые бывалые сотрудники. Проводив её взглядом, чтобы случайная машина не задавила её, Портнов спокойно продолжил свой путь.

Теперь познакомьтесь со вторым героем повести: перед подъездом своего дома стоит, притопывая ногами, Саша Коровин, эксперт, мой старый знакомый. У его ног лежат уже два окурка. Подходя к нему, Портнов бросил взгляд на свои наручные часы.

— Я не опоздал, Саша?

— Нет, просто я раньше вышел. Пойдёмте.

— Знаешь совет Суворова? «Держи ноги в тепле, голову в холоде, а брюхо в голоде.»

— Последнюю часть совета выполняю, Иван Павлович.

— А первую забыл! В нашем климате нельзя обуваться в такие ботиночки. Форсишь, Саша!

Но разговор не развернулся, потому что они уже пришли.

На улице Чапаева, в двадцати метрах от Пушкинской, стоит весёлый деревянный домик с зелёной крышей. В этом доме живет пожилая вдова Анна Сергеевна Заблуда с холостым сыном Василием, часовых дел мастером. Он и будет третьим героем моей повести. Хотя, возможно, я неверно расставил номера: всегда был слаб в математике. В этот домик на улице Чапаева, 27, и позвонили Портнов с Коровиным. Им открыла седая женщина с добрым лицом — сама Анна Сергеевна.

— Добро пожаловать, Вася вас ждёт.

Они разделись в маленькой прихожей и вошли в зал, весь увешанный пейзажами окрестных гор, лесов и рек. Создатель этих пейзажей стоял у накрытого стола и раскладывал вилки и ножи возле приборов.

Если писать по-тургеневски, то Василий Тимофеевич Заблуда — это стройный мужчина неполных тридцати лет, весом в 75 кило, с пшеничными, слегка вьющимися волосами. Лицо у него самое простонародное, не актёрское, не киногоеничное, но смекалистое и готовое к улыбке; зелёные глаза его широко расставлены, зубы крепкие и белые. Такие нравятся женщинам, но Василий и по сей день не женат. Человек он совершенно нормальный, и по его спокойной осанке нипочём не распознать ни его исключительную физическую силу, ни его ловкость. На нём была фланелевая рубашка и серые брюки. Он пожал холодные, твёрдые с мороза руки гостей и пригласил их к столу.

— Как погодка? — спросил он, берясь за графинчик.

— Ночью будет сорок, — ответил Коровин. — Наливай, надо погреться с мороза.

И Василий налил.

— У меня есть тост, — заявил Иван Павлович. — Давайте-ка выпьем за первый успех в нашем деле Василия Тимофеевича. Если бы не он, мы бы и за год не раскрутили эту махинацию с чешскими гарнитурами. Надеюсь, что это дело будет не последним успехов нашего...

Тут Коровин под столом деликатно наступил на огромную ногу Портнова. Вышла заминка.

— Ладно, о деле потом!-сказал Портнов.-Спасибо тебе, дорогой Вася! Тебе я переадресовываю благодарность руководства. Не я заслужил её, а ты. Твоё здоровье!

Мужчины выпили. Впрочем, Вася отпил меньше половины стопки. Он мало пьёт, не любит водки. Просто нагяделся на покойника-отца, который до конца своих дней продолжал принимать сильно увеличенный «наркомовский паёк». Правда, покойника трудно осуждать: его мучили боли, которые он пытался утихомирить водкой. Он и умер-то от последствий трёх тяжёлых ранений, когда Васе было только пять лет. Удивительно, что у больного и пьющего фронтовика мог ещё родиться такой здоровый сын!

Анна Сергеевна внесла огромное дымящееся блюдо пельменей, и задушевная беседа потекла за столом.

— Вот скажи мне, Вася, — спросил Портнов, — как ты догадался выйти за Хантурина? Ведь по бумагам всё сходилось на Потапенко, мы думали, что он и есть авторитет во всём деле, а Хантурин просто случайно замешан. Прямо стыдно вспомнить, сколько мы с Потапенко провозились, сколько допрашивали, нажимали. А ты просто сходил разок на лыжах и открыл тайничок! Какая тебе сорока напророчила?

— Никакой моей заслуги в этом нет, — ответил Вася.-Просто сошлось несколько наблюдений, а потом как молния сверкнула. Из мелочей-то ведь и бьёт интуиция, всё нужно сначала под микроскопом рассмотреть.

— Какие же это мелочи?-спросил Портнов через два пельменя.

— Ну, скажем так. Я часовщик. . .

— Лучший в городе.

— Это неважно. Я часовщик, и у меня есть память. Вы знаете, какие часы всегда носил Потапенко?

— Нет, не знаю.

— Старый трофейный «Мозер», который его дед привёз с войны. Семейная память. Я этот «Мозер» два раза чинил. Часы, конечно, солидные, но очень устарели. Однако Потапенко на другие и смотреть не хотел. А у Хантурина лучшие новейшие часы экспортного типа. У жены его тоже, у дочери тоже, у сына пятиклассника тоже.

— Смотри-ка, а ведь он старался скромно держаться.

-То-то, что старался, я видел, как он старается. Говорит, поехал в отпуск к тётке в Ленинград, а возвращаются оба, и он, и жена, коричневые, как наши африканские братья. И кожа прямо выглажена Черным морем. Уж очень старался!

— Ну, это одна деталь, а еще?

— Второе то, что я не верю бумагам.

— Как так?

— На Руси у нас начать-нужны бумага и печать. Это все знают, в том числе и воры. Саша мне маленько рассказывал в следствии, ну, я и подумал: уж больно хорошо все бумаги

выводят на Потапенко-подставной он в этом деле! А потом... Вы когда-нибудь слышали, как Хантурин поёт?

— У меня он «запел», - усмехнулся Портнов.

— Нет, я буквально. Он поет только хорошие песни-и всегда фальшивит. Ведь не споёт ничего нового, вроде Высоцкого, а всё больше коровит «Смело, товарищи, в ногу». И всё фальшиво.

— Странная у тебя аргументация! Может, ему медведь на ухо наступил.

— Может, и так. Только если человек всю жизнь поёт такие песни, а сам покупает у кем-тых позорные фотокарточки, то значит вся его жизнь сплошная маскировка.

— Откуда ты знаешь?-в один голос спросили Коровин и Портнов.

— Пять лет назад я писал Ольховый берег. Сами знаете, там летом немало народу гуляет. Вижу, идёт Хантурин. Нагоняет его какой-то тип, трогает за руку, что-то жестами показывает. Остановились. Незнакомец что-то вынимает, Хантурин смотрит... тоже что-то вынимает... Разошлись. Я сижу, пишу Ольховый берег. Птицы поют. Через час возвращаюсь домой, смотрю-сидит на полустанке тот же тип, уже пьяный, ждёт поезда. Я сел на соседнюю скамью. Вдруг он встаёт, пересаживается ко мне, начинает мычать и вынимает из кармана, этак сказать, парный портрет. И растопыривает пять пальцев-купи, мол, за пятёрку. Я головой помотал, отодвинулся-и всё. Он ушел. Теперь я понял, что Хантурин у него купил. У нас ведь все знают друг друга.

— Да и мы Хантурина знали: мужик липкий, неприятный, но такой деловой, исполнительный такие речи говорил! В торговле у многих рыло в пуху, а за ним буквально ничего не водилось: ни ювелирных изделий не покупал, не кутил, семьянин отличный. Откуда нам знать, что он такой... такой...

— Фальшивый, — подсказал Вася.

— Вот именно!

— Вы казовую сторону брали, а милиция должна знать изнанку, — спокойно ответил Вася.

— Хм! — резко произнёс Портнов.-Казовую? Да мы всю их родню проверяли до седьмого колена...

— Не в родне дело.

— Бывает, и в родне. Ну, а на тайник ты как напал?

— Пустяк. Я всю округу на семьдесят вёрст обошёл, все наши горы-леса исписал, встречаю людей хоть дважды, так уж запомню. А Хантуриных я всегда встречал у Гиблого овражка: то мужа, то жену. Вечно с корзинкой, но я-то знаю, где грибы-ягоды растут!

— Я думал, что художник, когда малюет свои этюды, ничего другого уже не замечает, — заметил Коровин.

— Может быть, настоящие не замечают. А я замечаю, потому я не Саврасов и не Левитан.

Тут Анна Сергеевна подала ещё пельменей, и Вася разлил по второй, но сам больше пить не стал. Гости настояли, чтобы хозяйка присела с ними и выпили за неё. Плотная еда настроила всех благодушна.

— Ты куришь, Василий Тимофеевич?—спросил Портнов.

— Я нет, но вы курите. Мама любит трубочный дым.

Иван Павлович набил свою знаменитую трубку и закурил.

— Слушай, Вася, — осторожно начал он, — ты знаешь, у нас Козодоев сильно заболел. Ранили его на операции, ломан стукнули, гады. И Синявский перевёлся в другую область, астма у него началась. Нам люди нужны.

— Какие люди?

— Такие, как ты! — брякнул Портнов. — Переходи в угрозыск.

— Мне Саша уже предлагал, — ответил Вася, — Нет, не могу.

— Почему?

Наступила напряженная пауза.

— Во-первых, я люблю своё ремесло и приношу пользу.

— Насчет пользы мы можем и сравнить. Угрозыск, он что, чурки режет?

— Да, вы правы, угрозыск ещё полезнее. Ну, прямо скажу, я ненавижу писанину, а у вас нет дела без длинной бумажной волокиты.

— Но ты же культурный человек, Вася!

— Да хлопотно у вас! Я каждое лето брожу по лесам, я пишу, не без этого уже не хочется, а разве в угрозыске хватит на это времени? И потом без специальной подготовки там нечего делать.

— У тебя аналитический дар! — сказал Портнов.

— А что в наше время дар без диплома?

— Поступишь на юрфак заочно, мы поможем.

— Поздновато мне братья за высшее образование. . .

— Сто причин — не причина. Говори настоящую.

Василий засмеялся и ответил:

— Вас не обманешь.

— И не пробуй.

— Знаете что? Преступления неинтересные. Не стоит руки марать об этом жульё! Расследовать квартирные кражи да воровство на складах — дело нудное. Единственный миллионер наш уже сидит, вместе со всею компанией. Я и ввязался-то в это дело из-за Потапенко, потому что вижу: напрасно его подозреваете, напрасно статью ему натягиваете. Халатность — это одно, а хищение — совсем другое. Нет, душа у меня не лежит к профессии Шерлока Холмса. Все воры похожи друг на друга. . .

— Здесь ты ошибаешься, — сказал Коровин.

— Но всё же преступления их однообразны.

— А ты, я вижу, эстет!—в сердцах сказал Портнов.

Он недаром носил университетский значок, Иван Павлович читал Достоевского, даже пропущенную главу романа «Бесы».

Он встал, выколотил трубку и начал собираться. Очень благодарил за угощение Анну Сергеевну, но видно было, что он обижен.

Коровин отнёсся к отказу друга философски: он мало надеялся на успех предложений Портнова.

— Всё же ты не прав, — сказал начальник милиции, прощаясь с часовщиком. — Неправильно ты относишься к нашей работе.

Его удивляло и злило, что молодой человек не проявил никакого восторга по предложению. Он простился с часовщиком сухо, а потом с Коровиным-невнимательно.

Вернувшись домой, Портнов коротко известил жену о неудаче своего плана.

— Не хочет переходить. Ломается, как Выборгский крендель. И уже раздеваясь ко сну, не удержался и вслух подумал:

— А жаль!

В 6 часов утра его разбудил телефонный звонок.

— Иван Павлович, простите, дело, — узнал он голос дежурного.

— Что случилось?

— Только что обнаружен труп, убийство.

— А что в нем... такого? — спросил Портнов.

— Уж очень дерзкое. В доме 42 по улице Будённого.

— Сорок-два-а-а? — переспросил Портнов. Высылайте за мной машину!

Он торопливо оделся и вышел из дома. По-прежнему стоял мороз, и редкие фонари волшебным светом освещали заснеженные деревья.

Подкатила машина. Портнов сел в нее и коротко кинул шофёру:

— К нам!

Адрес городской милиции в городе N.: улица Будённого, дом № 40.

Глава 2. Роскошный труп.

— Никто не входил в комнату?

— Никак нет, товарищ подполковник, — ответил сержант.

Стоя у порога, Портнов оглядел комнату, в которой произошло преступление: масса книг и художественных предметов, ковры выцветшие, много пыли, застойный воздух и, видимо, водятся мыши. Но всё это подробнее он рассмотрит потом. Труп хозяина лежал на боку, одетый в засаленный малиновый с золотым узором халат. Подполковник за всю жизнь не видел таких халатов. Седая голова, подбородок уткнулся в грудь...

Труп лежал наискось, по диагонали; на лице его застыло выражение удивления. Из-под него вытекло большое количество крови, теперь уже застывшей; благодаря наклону пола, типичному для этого старого дома, часть крови просочилась под дверь в общий коридор коммунальной квартиры, и сосед, механик Сидоров, встав в 5:30 утра, чтобы идти на работу, сразу обнаружил преступление. Он вызвал милицию и помог взломать дверь.

На столике возле широкого дивана стояла открытая бутылка вина и две рюмки — одна пустая, другая полная. «Кто пил? — сразу подумалось Портнову.-Хорошо, если преступник!»

Дверь квартиры не была заперта, и в неё без стука вошла поднятая по тревоге группа во главе с Коровиным. Собака взяла след и повела своего проводника; Коровин начал фотографировать, лейтенант Ахметов записывал. Портнов пошёл на кухню, где неторопливо завтракала семья Сидоровых. Они, конечно, сочувствовали убитому соседу, но внутренне были развлечены, а Сидоров даже доволен своей ролью в обнаружении преступления и тем, что милиция попросила его задержаться.

Портнов уже знал, что убит пенсионер Новосильцев, ранее работавший оценщиком в комиссионном магазине, но до этого много переезжавший по Союзу. В городе Н. он поселился семь лет назад и нашёл себе довольно любопытную, весьма пёструю по составу компанию, о которой тоже придётся говорить далее.

Портнов не успел поест, и умная Сидорова, с одного взгляда угадав это, предложила ему разделить семейный завтрак. Но подполковник взял только стакан чаю и жёсткую казённую ватрушку. Он сел напротив механика и улыбнулся трём юным Сидоровым, окружившим своего отца.

— Кто вчера был у Новосильцева? — спросил Портнов.

— Весь день никого, — ответила Сидорова. — Он ходил на рынок, пожаловался, что морозно, и заперся в свою. . . комнату. в семь часов вечера вернулся с работы Иннокентий. Больше ничего не было.

— Как не было? А когда же приходил преступник?

— Да, правда! Часов эдак в шесть или немного ранее позвонили нам два раза — это значит, ему. Нам звонить три раза, Исаевой — один.

— Кто такая Исаева?

— Глухая старуха, с внучкой живёт, ровесницей нашей Тане.

— Продолжайте, пожалуйста: позвонили два раза.

— Я на кухне была, слышу — он шлепает открывать, что-то сказал и пошел к себе, закрылся. Я думала, ему телеграмму какую принесли. Минуток через пять или десять опять его дверь открылась. Ну, может, в уборную пошёл. Нет, наружная дверь щёлкнула и хлопнула. Я думала, ушел опять. А это, выходит, во-он кто ушел!

— Во сколько это было?

— Что?

— Ну, когда щёлкнул входной замок и захлопнулась за ушедшим дверь квартиры?

— В шесть часов, так я думаю.

— Вы имеете что-нибудь добавить, товарищ Сидоров?

— Ннет, ничего. Жена сказала, как спать ложились, неужто, мол, наш барин в городе ночует. . . Мы думали, его нет.

— Папа, — вмешалась пионерка Таня, — а ведь кровь уже была вечером! Я видела. Я думала, он варенье пролил, подёргала дверь, заперта, а стучаться не стала.

— А зачем дверь дёргала? Говорила я тебе, чтобы ты не смела к нему лазить? Говорила?

— Вы не ладили с покойным?-спросил Портнов у Сидорова.

Тот посмотрел на жену, она-на него; оба, казалось, слегка смутились.

— Нет, такого не было, — отвечал Сидоров, — никаких грубостей, скандалов, али чего там. Мы к нему не заходили без особой нужды, он к нам дале порога и не заглядывал. У него своя была жизнь... Человек образованный, вежливый... Что ему с нами? Мало говорили.

— А детей вы к нему не пускали из-за чего?

— А вы его комнату уже осматривали?

— Пока ещё нет.

— Вот посмотрите хорошенько, и сами всё поймёте.

Портнов не стал настаивать. Он попросил Сидорова ещё немного подождать, а сам пошёл к экспертам.

Коровин и врач Шварцман кончали осмотр трупа. В это время вернулся сержант и доложил, что собака потеряла след: в 6 часов 30 минут волна рабочих обувной и швейной фабрик прошла по улице, проехало уже несколько автобусов и грузовиков... след исчез. Портнов кивнул: он этого ожидал.

Наконец, Шварцман поднял к нему своё худое выразительное лицо с характерным носом.

— Проникающее ранение в сердце. Смерть наступила одиннадцать часов назад плюс-минус полчаса. Значит, вчера, около 18 часов.

— Сходится, — кивнул Портнов. — Орудие убийства?

— Трёхгранное, вроде стилета, очень острое. Удар нанесён снизу вверх с большой силой, но... мне кажется, как-то непрофессионально.

— То есть?

— Или убийца очень натренирован и с первого удара попадает в сердце, или удар случайный, просто усадил, испугался и убежал. Кроме этого ранения, никаких следов насилия, никакой борьбы.

Ахметов сказал тихо:

— Посмотрите, товарищ подполковник.

И отвернул на покойнике халат.

Халат был надет прямо на голое тело.

— Во-он как!-сказал Портнов.

Шварцман и Коровин согласно кивнули.

— Это в шесть вечера! Половой акт места не имел?

— Нет, товарищ подполковник, — твёрдо ответил Шварцман.

— А если у него были аномальные наклонности?-негромко спросил Саша Коровин.-Удар-то вроде не женский.

— Вроде, вроде!-сказал Портнов. — Давайте пока оставим гадание на кофейной гуще. Займитесь отпечатками. Потом поищем письма и прочие бумаги. Что с телом, Шварцман?

— Можно на вскрытие.

— Распорядитесь сами, я еду в горисполком, там у меня назначена важная встреча, через два часа буду у себя, жду заключений экспертизы. Срочно! Это дело нас позорит.

— Два часа мало, Иван Павлович.

— Сколько успеете! Ахметов, снимите показания у Сидоровых. Преступник вышел из дома в 18 часов. Опросите соседей. Всем действовать быстро. Проверьте руки и одежду убитого.

Выходя, Портнов посмотрел на ручку комнатной двери: нет, она была захватана многими пальцами, как и входная дверь. С отпечатками пальцев ничего не выйдет.

И он оказался прав.

Через два часа, вернувшись из горисполкома, он узнал, что в комнате убитого обнаружены только его отпечатки пальцев.

Преступник не тронул налитой ему рюмки. На полу не осталось никаких следов. В руках убитого ни одной нитки из одежды убитого. В комнате никто не курил.

Майор Шовкопляс, шеф розыска, казался смущённым.

— Зацепки нет, — признался он Портнову. — В шесть вечера кто-то приходит в коммунальную квартиру, с плотным населением, в большом доме, убивает и уходит, и ни одна душа не видела преступника. Ценности и деньги целы.

— Ты понимаешь, чем это пахнет? — спросил Портнов.

— Понимаю. Мотив ограбления отсутствует. Такие дела — самые трудные.

— И всё же есть у тебя зацепка.

— Какая?

— Покойник сам открыл дверь убийце. Значит, или ждал, или знал.

— Слабая зацепка, Иван Павлович.

— Слабая, не слабая, пока одна. Пошли посмотреть комнату. Коровина возьми. Шварцман пусть придёт, когда освободится.

И они втроём вернулись в мрачную комнату Новосильцева.

Труп уже был увезён, в остальном здесь ничего не изменилось. Бутылку и две рюмки стояли на столике возле широкого дивана. В небольшом серванте красовались фарфоровые статуэтки — Мейсен, Саксония, а также немного хрустальной посуды, очень старой. Над диваном висела на стене плоская цветная аппликация японского производства: улыбающаяся гейша под зонтиком.

— Сто лет, не меньше, — сказал, глядя на неё, Коровин.

— Не сто, но семьдесят будет, — поправил подполковник.

Рядом с аппликацией была пришпилена цветная репродукция столь же древнего возраста: женщина в распахнутом пеньюаре рукой ласкает свой «венерин холм», а ногою придавливает голубя. Изысканный цинизм рисунка поразил всех.

— Это что за порнография?—спросил Портнов, усмехаясь и хмурия брови.

— Это всё же... по качеству судя... не порнография, — ответил Коровин. — Надо бы...

— Ну, что?

— Надо у Васи спросить.

Портнов перестал усмехаться и посмотрел на майора Шовкопляса. Тот медленно, задумчиво кивнул:

— Правда, Иван Павлович: Заблуда нам не мешает, у него глаз вострый, он много знает...

Портнов мрачно молчал. Шовкопляр уже знал о вчерашней беседе. Наконец, Портнов согласился:

— Езжай, Саша, привези его.

Коровин вышел, столкнувшись в дверях со Шварцманом.

— Что нового, Арон?—спросил Портнов.

— Это был сильно заточенный напильник, — ответил врач.—В принципе на любом заводе можно сделать. Убийца немного ниже Новосильцева: примерно метр шестьдесят восемь—метр семьдесят.

— Нда-а, — сказал Портнов.—Давайте смотреть дальше. Арон, поищи в доме его аптечку, разберись, какими лекарствами он пользовался. Потом съездишь в его поликлинику, полистаешь анализы, потолкуешь с врачами. Ну, не мне тебя учить.

Они начали систематический осмотр комнаты. На письменном столе стояла гипсовая статуэтка женщины, прикрывающей руками своё тело. Портнову показалось, что он где-то видел эту фигуру. Под стеклом лежало несколько открыток отечественного производства, с фотографиями античных скульптур, изображающих объятия обнаженных любовников и любовниц.

Было совершенно ясно, почему Сидоровы не пускали своих детей в эту комнату.

Шварцман нашёл аптечку покойника.

— Аспирин, микстурки, капли Зеленина, — доложил он. — Ничего особенного, Иван Павлович. Пожалуй, я больше в поликлинике узнаю.

— Будешь опрашивать врачей, обрати внимание на половую жизнь покойного.

Шварцман кивнул и ушёл. Через минуту появились Коровин и Заблуда. Часовщик сразу же ответил на все вопросы, накопившиеся у офицеров:

— Эта штука на стене — английская графика конца XIX века. Автор — Обри Бердслей, декадент. Это его иллюстрация к «Лисистрате», древнегреческой комедии на тему женской забастовки.

— Это как понять? — удивился Шовкопляр.

— Жёны решили не подпускать к себе мужей, пока те не бросят воевать.

— А зачем же она птицу топчет?

— А голубь—это птица Афродиты, богини любви. Эта женщина отказалась от любви, в знак этого она топчет голубя. Как видите, удовлетворяется без мужа.

— Ну, и как ты считаешь-это не порнография?

— По умонастроению художника-пожалуй, да. Но порнография бывает обычное без претензии на художественное качество, а этот Бердслей был способным художником и по своему сумел выразить ту эпоху: конечно, в декадентском духе.

— Ясенько. А на столе?

— Венера Медицейская. Уменьшенная копия. Ну, это классика. Открытки — Амур и Психея, скульптуры Родена, всякая всяческая любовь.

— Это мы видим, — усмехнулся Шовкопляс.

— Эротикой тут прямо в нос шибают, — добавил Коровин.

— Деньги где?-спросил Портнов у Шовкопляса.

— Деньги здесь, 150 рэ. Есть немного женских украшений, мелочь, никогда не использовались, прямо в магазинных футлярах. На сотню едва наберётся.

— Это он для подарков держал. Документы?

— В письменном столе.

Документы не представляли собой ничего особенного. Пачку писем, перетянутых тонкой резинкой. Портнов положил к себе в карман. В тумбе письменного стола оказались набиты десятки банок со сгущённым молоком, тушёнкой, лососём, кофе и тому подобным. Это был целый склад.

Вася рассматривал книжный шкаф, до половины застеклённый. Тесными рядами стояли дореволюционные журналы «Аполлон» и «Мир искусства». Из книг выделялись одинаковые жёлтые томики «Тысяча и одной ночи», роман Октава Мирбо «Дневник горничной», романы Арцыбашева и Фёдора Сологуба, какого-то Милия Езерского, а из новых-«Таис Афинская» и Валентин Пикуль.

— Подбор специфический, — сказал Вася.-Покойничек был вроде бы эротоман.

Нижняя полка книжного шкафа содержала запас вина. В холодильнике было немного еды.

В маленьком шифоньере висели два костюма, старый и новый, несколько рубашек и галстуков и три дамских платья, новых, ещё не надёванных. В нижнем ящике — летняя обувь.

— Ты во что там уткнулся, Вася? Опять какая-нибудь похабная книга?-спросил Портнов.

— Нет, Иван Павлович, не книга, а поинтереснее для дела: альбом с фотографиями.

Глава 3. «Врал ваш Сартин!»

Все сгрудились над альбомом.

На первой странице красовался пожелтевший снимок-пятилетний мальчик в матросском костюмчике на фоне бутафорского пейзажа.

Далее юноша с первыми усиками стоит в узких брючках, заносчиво улыбается, положив ладонь на стол. На столе-статуэтка балерины.

Он же, тремя годами старше, на парной фотографии с томной блондинкой: ее платье глубоко вырезано, лицо красиво оклеено кукольными локонами. Он весь в белом, загорелый, в блестящими глазами. Их головы склонены друг к другу, и соотношение между

выражениями лиц таковы, что не оставляет сомнений во власти блондинки над своими более молодым партнером.

Перевернув страницу, мужчины увидели ту же блондинку сидящей в постели. Одеяло на ней было сдвинуто ниже пояса, белья не было, и она, глядя с деланным испугом в объектив, закрывалась руками, но весьма неудачно, ибо её литые груди торчали по обе стороны скрещённых рук.

— Сильна!-прокомментировал Саша Коровин.

На следующем фото Новосильцев снялся в каком-то кабинете, за письменным столом, в добротном костюме и галстучке-бабочке. Он держался с преувеличенной солидностью. На столе в пепельнице лежала дымящаяся сигара. В квадрате окна виднелся городской пейзаж.

— Снимок очень качественный, — заметил Коровин, — Бумага не наша.

Он вынул фотографию из альбома, перевернул её: на оборотной стороне было густо замазано чернилами несколько слов.

Далее следовала фотография фривольной дамы в чёрном пеньюаре, с сигаретой в длинном мундштуке. И это фото имело на обратной стороне замазанную надпись.

— Эти две надо взять на исследование, — сказал Коровин.-Может, прочитаем что-нибудь.

Портнов кивнул и перевернул страницу.

Фотография ногой девушки-подростка, лежащей вниз лицом на траве. Фото молодой женщины спиной к объективу, во весь рост, на фоне окна: великолепные бёдра.

Большой групповой снимок купальщиков и купальщиц на пляже. Фотограф, очевидно, стоял в воде; фоном служил красивый, пронизывающий солнцем лес, неясные фигуры проступали среди деревьев. Справа от группы была разостлана на траве скатерть, виднелись бутылки, тарелки с закуской, открытые консервные банки и ещё какие-то вещи. Лица участников группы свидетельствовали о лёгкой степени алкогольного опьянения.

Глава 3. «Врал ваш Сартин!»

Все сгрудились над альбомом.

На первой странице красовался пожелтевший снимок-пятилетний мальчик в матросском костюмчике на фоне бутафорского пейзажа.

Далее юноша с первыми усиками стоит в узких брючках, заносчиво улыбается, положив ладонь на стол. На столе-статуэтка балерины.

Он же, тремя годами старше, на парной фотографии с томной блондинкой: ее платье глубоко вырезано, лицо красиво оклеено кукольными локонами. Он весь в белом, загорелый, в блестящими глазами. Их головы склонены друг к другу, и соотношение между выражениями лиц таковы, что не оставляет сомнений во власти блондинки над своими более молодым партнером.

Перевернув страницу, мужчины увидели ту же блондинку сидящей в постели. Одеяло на ней было сдвинуто ниже пояса, белья не было, и она, глядя с деланным испугом в объек-

тив, закрывалась руками, но весьма неудачно, ибо её литые груди торчали по обе стороны скрещённых рук.

-Сильна!-прокомментировал Саша Коровин.

На следующем фото Новосильцев снялся в каком-то кабинете, за письменным столом, в добротном костюме и галстучке-бабочке. Он держался с преувеличенной солидностью. На столе в пепельнице лежала дымящаяся сигара. В квадрате окна виднелся городской пейзаж.

— Снимок очень качественный, — заметил Коровин, — Бумага не наша.

Он вынул фотографию из альбома, перевернул её: на оборотной стороне было густо замазано чернилами несколько слов.

Далее следовала фотография фривольной дамы в чёрном пеньюаре, с сигаретой в длинном мундштуке. И это фото имело на обратной стороне замазанную надпись.

— Эти две надо взять на исследование, — сказал Коровин.-Может, прочитаем что-нибудь.

Портнов кивнул и перевернул страницу.

Фотография ногой девушки-подростка, лежащей вниз лицом на траве. Фото молодой женщины спиной к объективу, во весь рост, на фоне окна: великолепные бёдра.

Большой групповой снимок купальщиков и купальщиц на пляже. Фотограф, очевидно, стоял в воде; фоном служил красивый, пронизывающий солнцем лес, неясные фигуры проступали среди деревьев. Справа от группы была разостлана на траве скатерть, виднелись бутылки, тарелки с закуской, открытые консервные банки и ещё какие-то вещи. Лица участников группы свидетельствовали о лёгкой степени алкогольного опьянения.

Новосильцев стоял во втором ряду, триумфально улыбаясь и держа за талию полную женщину в мокром купальнике. Она казалась центром группы.

— Сколько ему здесь лет?-спросил Портнов.

— Нет еще тридцати, — ответил Коровин.

— Значит... ?

Коровин взял из кучки отобранных документов паспорт убитого.

— Родился в семнадцатом. Ровесник Октября.

Портнов бросил на него холодный взгляд. Саша покраснел.

— Какой национальности эта женщина?-задумчиво спросил Портнов.

— Не русская, это уж точно, — ответил Вася Заблуда.-Тип лица, оскал, медальончик на шее, даже изгиб тела... кокетство, так сказать, европейское. Вот-вот ногой дрыгнет! Латышка или эстонка...

— А если немка?

— Может быть.

— Саша, эту тоже возьми на исследование.

А далее они увидели фотографию мужчины с обнажённой девушкой на коленях. Портнов низко наклонился к альбому:

— По-моему, Хантурин!

— Лицо в тени. . .

На обороте этой карточки обнаружили надпись: «Язычнику от басурман. Смотри и завидуй!»

Далее пошли старые открытки: сначала голая женщина, обвитая змеей. . .

— Это Штук, картина называется «Грех», — комментировал Вася Заблуда.— Это Бёрн-Джонс, «Колесо Фортуны». Буше, «Туалет Венеры».

И вдруг-фотография девочки лет четырнадцати, в ванне до пояса; снимок был сделан с помощью вспышки, лицо девочки казалось растерянным, рот приоткрыт.

— Это он захватил врасплох, — заметил Коровин.

На этом биография в картинках заканчивалась.

— А смелый был человек, — заметил Шовкопляс, — такой альбомчик прямо в книжном шкафу держал.

— У него должен быть фотоаппарат!-воскликнул Коровин, оглядывая комнату.

— Ну, допустим, что ж из этого?-спросил Шовкопляс.

— Как ты не понимаешь, Григорий Тарасович! А если в аппарате осталась непроявленная лента? А если там снимки людей из его окружения?

— И фотография убийцы в анфас и в профиль, — усмехнулся Портнов.— Мечты, мечты, где ваша сладость? Найти, однако же, стоило бы. Только нету здесь фотоаппарата, мы уже всё осмотрели! И нет никаких следов проявления или печатания снимков. Впрочем, и негде было бы. . .

— Подождите!-воскликнул Вася.

Он бросился к письменному столу, выдвинул ящик и отыскал в нём два пакетика. Это был нераспечатанный пакет фотобумаги, а другой-уже использованный, набитый квитанциями прачечной и телеграфа.

— Бумагу-то он покупал, — заметил Вася, — а печатал ему кто-то другой. И фотоаппарат у него был. Смотрите.

Он указал на стену в углу комнаты.

— Что можно повесить на этот гвоздик?

— Гитару, например.

— Да ведь тут десять сантиметров от перпендикулярной стены, и гитаре будет неудобно.

— Проще всего спросить у Сидоровых. Кстати, их надо расспросить и о том, с кем водился Новосильцев, — ответил Иван Павлович.— Займитесь, Григорий Тарасович. Надо найти его женщин. Мне кажется, у всех у нас складывается единое мнение о преступлении, как и о личности покойного. Так или нет, Григорий Тарасович?

— По моему мнению, типичное «шершеляфам».

— Вы хотите сказать: убийство на половой почве?

— Точно так, Иван Павлович. «Ищите женщину», как сказал Наполеон.

— Мне сдаётся, это сказал Фуше, министр полиции, — поправил Портнов.

— Если вас интересует точное происхождение. . . — застенчиво пробормотал Вася Заблуда.

— Ну-ну?

— Говорят, что это сказал еще де Сартин, организатор первой сыскной полиции в Париже, в восемнадцатом веке.

— Ты слишком много знаешь, Василий Тимофеевич!-с шутливой угрозой сказал Портнов, и все с облегчением засмеялись.

— Так ты согласен, что это убийство из ревности?-спросил у своего друга Коровин.

— Возможно, — решительно ответил он.-Но тут ещё что-то примешивается. Не все данные собраны. Надо всё узнать об окружении покойника. И всё же. . .

— Что «всё же»?-жестко спросил Портнов.

— Нет, рано ещё говорить. . .

— Замахнулся, так бей!

— Мне кажется, нас запутывает личность покойника. Мы ничего не знаем о том, кто совершил преступление. Чутьём чую, что это не просто убийство на половой почве. Тут месть.

— Месть?-переспросил Шовкопляс.

— Чутьём?-усмехнулся Портнов.

Он бросил на Васю короткий одобрителный взгляд.

— Итак, Григорий Тарасович возглавит расследование. Заставьте побегать Ахметова. Василий Тимофееч, ты сможешь?

— Да, — ответил часовщик.

И началась лихорадка.

Угрозыск установил, что Новосильцев в прошлом встречался с Хантуриным, что у него был фотоаппарат, что в круг его друзей входили букинист Маркелов, инженер Брынов, кассир кинотеатра Шевлякова, учитель географии Сторецкий и некоторые другие лица. Все опрошенные отзывались о покойном с глубоким уважением, подчёркивая его ум, интеллект, начитанность и оригинальные взгляды на жизнь.

Ахметов даже съездил в исправительно-трудовое заведение, куда только что поступил Хантурин. Протокол допроса давал немного, но личный рассказ Ахметова кое-что прояснил.

— Когда я его спросил насчёт участия Новосильцева в деле, он даже засмеялся. . .

Хантурин смеялся над «догадками» сыщиков. Компания расхитителей не подпускала к делу посторонних, но в свои развлечения гостеприимно принимала интересных людей. Новосильцев умел удивительно рассказывать, знал занятные истории, пел иногда старинные шансонетки.

— А сколько он пережил!-говорил Хантурин.

Ахметов точно копировал интонации Хантурина, почтительные и восторженные. Очевидно, Новосильцев учил жуликов красивым манерам и «хорошему тону» — как за столом, так и в постели.

Хантурин передавал, как умел, рассуждения покойника о «свободе плоти» в древней Греции и о «языческом культе красоты». Покойник называл себя «эпикурейцем».

— Новосильцев говорил, что все коммунисты-ханжи и трусы, они боятся секса, потому что секс-это жизнь.

— Бред собачий!-отреагировал подполковник Портнов.

Из показаний врачей поликлиники и собутыльников Новосильцева удалось выяснить, что он в свои шестьдесят пять лет продолжал вести половую жизнь и имел кратковременные связи с женщинами, в том числе с Шевляковой и с Мартой Сторецкой, разведённой женой учителя географии.

Через пять дней после преступления майор Шовкопляс ворвался к подполковнику Портнову, у которого сидели Коровин и Заблуда.

— Всё закружилось!-триумфально крикнул Шовкопляс.

— Ты о чём?-спросил Коровин.

— Я нашёл его! Осталось только брать!-и Шовкопляс с довольным и усталым видом рухнул в кресло.-Слесарь Кондратьев! Убийство из ревности!

— И кого же он приревновал?

— Вы сейчас мне ахнете! Этот парень десять лет как влюблён в бухгалтера Лаврентьеву, с ума по ней сходит, а за Лаврентьевой года три уже волочился Новосильцев, даже бывал у ней дома. . . Всё ясно, всё стало на место! Шершеляфам!

— погоди, погоди, — поморщился подполковник.-Ты где два дня пропадаешь? Тебя ребята искали, с ног сбились. . .

— Пришлось побегать, — ответил Шовкопляс. — Дело-то деликатное, в лоб нельзя, и я заходил сбоку. Да, прав был де Сартин!

— Постой, не шуми! Посмотри сначала сюда.

Только теперь Шовкопляс обратил внимание на дюжину фотографий, которыми был покрыт стол начальника энской милиции.

В центре стола лежал групповой снимок-компания на пляже, а вокруг него-снимки отдельных фрагментов его; в руках подполковник держал лупу.

— Бумага немецкого производства, Григорий Тарасович. Бутылки такой формы в России не производились. А вот за этой бутылкой. . . смотри сюда. . . лежит пистолет. Снимок сделан не ранее сорок четвёртого года.

Портнов посмотрел на ошеломлённого Шовкопляса и добавил:

— Так что врал ваш Сартин!

Глава IV. Тупик

Дело стало ясным, но не в том смысле, какой придавал ему майор Шовкопляс.

Убитый Новосильцев во время Отечественной войны явно находился на оккупированной территории. По меньшей мере четыре фотографии из его альбома оказались сделанными

на бумаге немецкого производства 40-х годов. На главной из них удалось различить парабеллум и в отдалении — фигуру солдата в стальной каске. Форма бутылок и парабеллум свидетельствовали, что компания купальщиков в основном состояла из немцев или, по крайней мере, что немцы участвовали в пикнике. Дама в чёрном пеньюаре тоже была немкой, и надпись на обороте удалось частично прочитать, потому что слева она была недостаточно замарана. Удалось разобрать следующее:

*Ich bin vom. . .
Auf Liebe
Dein schwarz. . .*

Последнее слово явно обозначало «schwarz»; в целом надпись свидетельствовала (даже в таком неполном виде) о близких отношениях женщины и того, кому она подарила фотографию.

На фотографии, где Новосильцев сидел за столом в кабинете, удалось разглядеть в окне пирамидальный тополь. Значит, фото было сделано где-то на юге.

Письма, которые хранил Новосильцев, были тщательно изучены. Они хранились без адресов и конвертов, надписи не давали возможности установить личность корреспондентов, даты почти везде отсутствовали или сводились к указанию числа и месяца. Большинство писем было от женщин, в основном интеллигентного круга, и только одно письмо, патетически — жалобное и закапанное слезами, выдавало очень молодую женщину с низким культурным развитием. Она упрекала «Никодима Эрастовича» (т.е. Новосильцева) в обмане, в том, что он воспользовался её неопытностью. «Забыли как мне тело целовал?» — вопрошала неизвестная, подписавшаяся инициалом «А.» Для установления прошлого Новосильцева письма ничего не давали, кроме одной фразы: какая-то корреспондентка выговаривала ему за «профессионально торопливый стиль».

Вася Заблуда считал, что покойник был журналистом. Энские друзья Новосильцева ничего не знали о его прошлом. Одни говорили, что он происходил из дворян, другие — что его матерью была «актриса императорских театров».

В одном письме, написанном мужчиной, содержались какие-то любопытные намёки, но оно было адресовано не Новосильцеву и сохранялось им по непонятной причине. Привожу его полностью:

«Гришка, здорово! Рад ужасно, что ты вышел невредим из кровавых боёв и прочих передраг! Э. так обрадовалась, увидев твою симпатичную морду в журнале, что аж завизжала от радости! Поздравляю тебя с новой карьерочкой, ты из нас и впрямь самый умный. А мы с Э. живём в глуши, чистые, профильтрованные, работаем, вспоминаем минувшие дни и битвы, где мы с тобой вместе рубились. Память у нас пока хорошая, чего и тебе желаем.

Очень хотелось бы повидаться с тобой, поговорить, спросить кой-каких советов насчёт будущего, припомнить молодость, пехоту, вторую роту, рыжего дьявола, чёрного ангела, а также тех двух морячков, которые так браво держались до конца. Бытие

определяет сознание, потому и у нас такое острое сознание. Верим, что ты поймёшь и поможешь. То есть поможешь нашему бытию определить наше сознание, как тебе желательно. Жди моего приезда, любовник последней королевы! Э. целует тебя в обе щёки и желает прежнего, неизменного здоровья.

О моём приезде дам тебе телеграмму.

*Твой
Цыганский Барон».*

Письмо было датировано: «Балаш, 2/V».

— Балашов, не иначе, — сказал Шовкопляс. — Но зачем нам этот неизвестный Гришка?

— Григорий Тарасович, — спросил Заблуда, — оно вам не нужно?

— Не вижу связи с делом.

— Позвольте мне взять его на денёк: скопирую и верну. Мне хочется над ним подумать, я вам клянусь вернуть завтра же.

— Бери! — отвечал Шовкопляс. — Смысле нету с ним возиться, но если хочешь. . .

— Я люблю загадки, а письмо это иносказательное, — пояснил Вася. — Попробую в нём разобраться.

Над подполковник послал запросы в соответствующие архивы и органы, а пока что розыск продолжал следствие.

Выяснилось, что Фёдор Кондратьев, передовой рабочий, 27 лет, действительно любил Ингу Лаврентьеву, а при одном упоминании имени Новосильцева, побелев от ярости, заявил:

— Хорошо, что этого пса убили, а то бы мне пришлось мараться.

В день преступления Кондратьев находился в двухстах километрах от Новосильцева, в производственной командировке (как наладчик). На вопрос об отношениях Инги к убитому ответил:

— Она его дурила, смеялась над ним, а он бегал за ней, как бобик! Плевать она на него хотела! Ему до неё было, как псу до луны!

Находя противоречия в этих объяснениях, Шовкопляс пытался «поднажать», но слесарь оказался строптивым и в детали вдаваться не захотел. Маркелов и Сторецкая показали, что Новосильцев бывал несколько раз в доме у Лаврентьевой.

Наконец, состоялся разговор и с Лаврентьевой. Подполковник Портнов вспомнил, как встретил её в день убийства. Она была пьяна, провела в ресторане три часа, пыталась танцевать вальс и, кажется, неудачно.

— Что вас связывало с Новосильцевым? — спросил Шовкопляс.

— Ничего меня с ним не связывало: иногда приносил коньяки, пытался дарить подарки. Пить я с ним не пила, а подарки не принимала.

— Были вы знакомы с Хантуриным?

— Скажите, с кем я в городе не знакома? Я всех знаю в городе, я здесь росла. С Хантуриным один раз выпивали за рекой.

— Эта девушка вам знакома?

— Фу, какая гадость! — она оттолкнула фотографию. — Не спрашивайте меня об этих тварях. Я их не знала и знать не хочу. Я ошибалась в жизни, но за деньги меня никто не покупал и не сможет купить!

— Что вы знаете о прошлом Новосильцева?

— Родители его были актёры, он из Ленинграда. . . Везде бывал, все профессии испробовал, очень разбирался в женщинах: специалист!

— Какова же его специальность?

— По-моему, у него было медицинское образование. Он считал, что надо говорить «шизофрения». Бормотал мне что-то странное о двух профессорах: один, профессор Ермаков, остался с носом, а другой, Берзинь, остался без носа. Вроде анекдота.

— Журналистом он не был никогда?

— Что вы! Журналисты все партийные, а он. . .

— Что он?

— Он всё хихикал. Нет, не похоже. Не думаю.

— Знал ли он иностранные языки?

— Немножко французский.

— А немецкий?

— Нет, не знал.

— Он занимался фотографией?

— Кажется.

— Вас не фотографировал?

— Этого мне только не хватало! Я бы не позволила. . .

— Значит, вы знаете, какие фотоснимки он предпочитал?

Инга закусил губу.

— Откуда же вы знаете? — продолжил настаивать Шовкопляс.

— У книжника видела, у Маркелова. Он их у покойника за книги выменивал.

Так выяснилось, что более двух третей эротической коллекции Новосильцева перешло к Маркелову. Эти фотографии отобрали у букиниста, но дело от этого ни на шаг не продвинулось.

Среди новых снимков, конфискованных у Маркелова, нашли семнадцать фотографий одной только Марты Сторецкой, в самых циничных ракурсах и позах. Удалось идентифицировать ещё два-три женских лица. Остальные модели остались неизвестными.

Приходилось подумывать о сдаче дела в архив. Подполковник Портнов ждал только ответа из органов специальной службы. Впрочем, и без того было ясно, что покойничек был человеком грязным, якшался с немцами, и кое-кто подумывал, что «туда ему и дорога».

Только Вася Заблуда неожиданно увлёкся делом. Он часами просиживал над копией выше приведённого письма, а потом, взяв две недели в счёт отпуска, зачем-то уехал в Москву.

На все вопросы Саши Коровина Заблуда отвечал, что никаких успехов у него «пока нет» и что дело очень запутанное.

— Ключ в мотивах, — сказал он Саше уже на вокзале. — Если узнать мотивы, то мы легко найдём убийцу. Но мотивы придётся искать через личность убитого. В общем я считаю, что такой путь — шаблонный, а значит — неправильный. Но всё же надо его изучить.

И часовщик уехал в Москву, а зачем — не сказал. Он у нас застенчив, этакий гигант с детскими голубыми глазами. Ему не нравились иронические улыбки опытных сыщиков по поводу его увлечений и фантазий.

Отбушевали бураны, прозвенела первая мартовская капель, когда Заблуда вернулся в Н. Незадолго до конца рабочего дня он позвонил по телефону подполковнику Портнову:

— Иван Павлович, — сказал он после первых приветствий, — как у вас сегодня вечер? Не заняты?

— Да нет, сегодня ничего, а вот завтра — очень насыщенный, трудный день. У меня есть гости из области.

— Не хотели бы поесть пельменей?

— Твоих-то? С удовольствием, но придётся без водки.

— Вот и прекрасно. Жду вас вместе с Саней.

— Нет, Коровин на экспертизе. Его пригласили в Кашино, там чертовски трудное дело. Садистское убийство. Он вернётся только через три дня.

— Тогда возьмите Шовкопляса.

— У тебя новости?

— Я смогу вам рассказать, кем был Новосильцев.

— Я тебе тоже одну вещь скажу: дело зашло в тупик.

— Вы так думаете?

— Уверен.

— Тогда до вечера. Часов в семь, как тогда.

— До вечера.

Подполковник положил трубку и задумался.

Глава V. Кабинет мечтателя

В 7 часов вечера Иван Павлович Портнов и Григорий Тарасович Шовкопьяс вошли в дом Заблуды, приветливо встреченные его матерью и чудесным запахом варящихся пельменей. На этот раз подполковник принёс с собой небольшой портфель, закрытый на замок, и бережно положил его на диван в гостиной.

За плотным ужином Вася предложил не говорить о делах. Любопытство его гостей начало разгораться, и они в энергичном темпе разделались с пельменями, воздав хвалу кулинарному искусству Анны Сергеевны.

Затем Вася пригласил их в свой кабинет. Комнатка площадью в 8 квадратных метров и с одним окном в палисадник едва вместила трёх крупных мужчин — так она была заставлена.

На стенах не оставалось свободного места: одни книжные полки, забитые книгами, да пейзаж, изображавший туманное утро на обросшей лесом речке, да ещё старинные часы с маятником, парижской фирмы Леруа, да одна репродукция картины Сурикова «Утро стрелецкой казни».

— Любишь Сурикова? — спросил Шовкопляс.

— Люблю всё русское, — ответил мимоходом Вася.

— А Суриков что, один русский художник, что ли? — ревниво спросил Шовкопляс, поклонник своего земляка Репина.

— Нет, не один. Но бывают такие люди, которые особенно сильно выражают свою национальность. . .

— Ну, и кто же по-твоему, самые русские? — спросил Портнов, садясь на стул под часами и облачаясь на письменный стол.

Вася потёр подбородок.

— Я думаю, — осторожно сказал он, — что Пушкин, Суриков, Мусоргский, Достоевский и лейтенант Седов.

На письменном столе стоял микроскоп и фотография в рамке: светлое девичье лицо, чуть наклонённое вперёд, с радостными ямками на щеках и извиняющейся улыбкой.

— Невеста? — не удержался Шовкопляс.

— Нет, первая любовь, — сдержанно ответил Вася.

Портнов посмотрел на него и невесело усмехнулся.

Между тем, хозяин выложил на стол толстую папку с бумагами, несколько книг с закладками и записную книжку.

— Садитесь поближе, — сказал он. — Надо поговорить.

Мужчины сдвинулись в тесный кружок.

— Не буду излагать аргументы, — начал он. — Сперва попытаюсь нарисовать вам биографию Новосильцева. Итак, он родился в 1917 году в Петрограде, в семье актёров. Можно также полагать, что муж его матери не был отцом Никодима Эрастовича. Он сам иногда намекал на своё «высокое» происхождение, есть свидетельство Маркелова. В журналах 1914–1920 годов я не обнаружил упоминаний об актёре по имени Эраст Новосильцев, в театральных мемуарах — тоже. Не исключено, что фамилия эта вымышленная.

Он получил, по-видимому, неплохое образование, с художественным уклоном. Высшего образования он скорее всего не имел, поскольку тогда в вузы не принимали детей бывших. Отличался здоровьем и специфической мужской силой, за которую и был прозван «Гришкой Распутиным».

— Как? — вскричал Шовкопляс. — Значит. . .

— Да, письмо из Балашова адресовано ему, но я вас попрошу на время воздержаться от комментариев и послушать, — веско сказал Вася.

Наступило молчание.

— В ленинградской прессе начала тридцатых годов, точнее с 1932 года, появляются фельетоны под различными псевдонимами, объединённые единством тона и стиля. Эти фельетоны, а также очерки и зарисовки критиковали мещанство, высмеивали бытовые недостатки, отражали культурную жизнь города. Все они характеризуются остроумием, элегантным слогом, но поверхностны, иногда вычурны и перегружены литературными цитатами. Чувствуется, что эти опусы написал очень молодой человек, юнец, завсегда оперетты, фланёр по Невскому. . . Это одно перо, одна увлечённая, юношеская манера письма — самодовольная и неглубокая. Есть подражание Кольцову и молодому Эренбургу. Из сочетаний литературных цитат, образов, имён складывается впечатление о вкусах фельетониста. В этих вкусах полностью доминирует увлечение стилем «сецессии».

— А что это такое? — спросил Портнов.

— Это модернизм на переломе XIX и XX веков, особенно сильный в книжной графике и живописи. Длинные ленты, плавно извивающиеся в воздухе, цветы, странные и причудливые силуэты; характерна извилистая, эластичная линия, очень развито всякое украшательство. Любимые темы — эротика и смерть. Пример — Франц Штук, знаменитая картина «Грех»: голая женщина, обвитая змеем. Смесь изысканности с грубостью, элементы садизма. В литературе — это декаденты, Шницлер, Пшибышевский, Оскар Уайльд, итальянец д'Аннунцио, которым восхищался Муссолини, и куча других. У нас в первую четверть века переводили много такой литературы. . .

Словом, я выделил около двадцати пяти журнальных и газетных материалов этого неизвестного автора. Я выписал его псевдонимы: Ник Вольный, Эраст Новоржевский, Н. Счастливец, А. Несчастливцев, Эраст Новосильцев. . .

— Вот это уже интересно, — кивнул Портнов.

— С декабря 1934 года этот автор исчезает из советской печати и, как я полагаю, навсегда. В его материалах тридцать четвёртого года есть и прославление пятилетки, и ходячие цитаты из Маркса: его не за что было изгонять из прессы. Но я догадываюсь, почему он перестал писать.

После убийства Кирова из Ленинграда были высланы все представители прежних эксплуататорских классов. В качестве такового был выслан и Новосильцев. Думаю, что он оказался в одном из южных городов, где вступил в брак или в близкую связь с опытной женщиной старше себя, с которой и сфотографировался: этот снимок мы имеем.

— Почему ты думаешь, что снимок сделан на юге?

— Посмотрите на их одежду, — ответил Вася. — Не знаю, чем он занимался до двадцати четырёх лет. Но вскоре после начала войны он оказался на оккупированной территории. Там же, на юге, он вступил в сотрудничество с оккупантами и стал работать в местной газете, выходившей, по-видимому, на русском языке. Здесь он имел связи с двумя немками: одна полная, полагаю, что жена крупного военного или администратора, а другая — худощавая, несколько истерическая особа, которую он прозвал «чёрным ангелом». В компании

таких же предателей и оккупационных чиновников Новосильцев участвовал в пикниках под охраной немецких солдат. Вероятно, в качестве журналиста присутствовал при расстреле каких-то советских военнопленных.

После отступления вермахта, сменив место жительства и фамилию, он сумел избежать наказания и даже в чём-то отличился. Его портрет появился в каком-то советском журнале большого тиража. Один из его знакомых по оккупации, увидев этот портрет, обратился к Новосильцеву с письмом, в котором намекал на стеснённое положение и угрожал разоблачением. Это письмо Новосильцев почему-то сохранил.

Спасаясь от шантажа, он снова сменил место жительства и так делал несколько раз, пока в 1975 году не поселился в Н.

Его убили из мести. Или его убил человек, настроенный патриотически и мстящий ему за сотрудничество с врагом, или один из бывших сообщников по предательству. Новосильцев жил не по средствам, но не настолько, чтобы это было заметно. Его относительное благосостояние базировалось на подачках Хантурина и мелкой спекуляции. Нам нужно найти людей, которые жили в оккупации на юге; возможно, им уже около пятидесяти лет. . . Таких у нас не может быть много.

— А если убийца специально приезжал в Н.?

— А откуда он мог узнать о существовании тихого энского пенсионера и угадать в нём предателя-журналиста времён оккупации?

— погоди, Вася, — сказал Шовкопляс. — Откуда ты взял, что его прозвали Гришкой Распутиным?

— Обращение «Гришка» в письме — раз; «любовник последней королевы» в том же письме — два. Молва считает Распутина любовником последней русской императрицы, хотя он был связан не с ней, а с Вырубовой.

— А откуда ты взял «чёрного ангела» и его амур в оккупации?

— Я в Москве был не только в Ленинской библиотеке. Я разыскал немецких аспирантов МГУ и показал им фрагмент надписи на фотографии женщины с сигаретой. И они, вернее, один из них мне всё объяснили. Надпись полностью была такая:

*Ich bin vom Kopf bis Fuß
Auf Liebe eingestellt. . .*

Это переводится примерно так: «Я с головы до ног настроена на любовь». Такую песенку пела знаменитая актриса Марлен Дитрих в кинофильме «Голубой ангел», по-немецки «Der blaue Engel». Под надписью на фотографии женщины с сигаретой стояло «Dein schwarze Engel» — «Твой чёрный ангел».

Тогда я вспомнил фразу из письма той женщины, которая упрекала Новосильцева в торопливости стиля. Она ему писала: «Справа от тебя белый ангел, слева чёрный, не забывай о женщинах Тициана».

— А кто это «белый ангел»? — спросил Шовкопляс.

— Очевидно, его первая жена — блондинка.

— А «чёрный»?

— Немка с сигаретой.

— А причём тут Тициан? — не унимался майор.

— Притом, что он писал пышных красавиц с красно-рыжими волосами. Корреспондентка была именно этой масти.

— Всё это отлично, — сказал Иван Павлович Портнов. — Работу ты проделал громадную и кропотливую. Первый раз вижу, что искусствоведение пригождается в криминалистике. Вообще вся разработка альбома — твоя заслуга. Ну, а теперь. . .

Он замолчал, вынул из кармана связку ключей, выделил самый маленький ключ и отомкнул им замок своего таинственного портфеля. Из него подполковник осторожно извлёк несколько страниц машинописного текста в пластмассовой обложке.

несколько страниц машинописного текста в пластмассовой обложке. Портнов вынул эти страницы, кашлянул, прочищая горло, и начал в слух читать долгожданный ответ.

Из чего явствовало, что Никодим Эрастович Новосильцев не числится среди граждан СССР, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами во время Великой Отечественной войны.

Однако почти случайно обнаружить следы человека, похожего на Новосильцева по биографическим и внешним данным. Это Николай Эрастович Неплюев, 1917 года рождения, уроженец Петрограда, сын шантанной певицы и поручика гвардии, по профессии антиквар, два года прожил на оккупированной территории. В 1944 году оказал ценную услугу комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний: с риском для жизни скрыл и передал комиссии половину архива гестапо в одном из городов Украины. При эвакуации фашисты не успели вывезти или уничтожить этот архив-половина попала в руки Неплюева, живущего поблизости.

Дальнейших сведений о гражданине Неплюеве не имеется.

— Так что никаких преступлений он не совершал, а если он и есть Неплюев, тогда наоборот, сделал доброе дело! — резюмировал Портнов.

Наступило молчание. С разрешения хозяина офицеры закурили: подполковник — свою трубку, а Шовкопляс-«Казбек».

— А знаете, — сказал Вася, — поступок Неплюева вписывается в схему поведения Новосильцева. Не зря ведь балашовский корреспондент назвал его «самым умным из всей кампании».

— Знаешь, Василий Тимофеевич, — ответил Портнов, — я люблю твои гипотезы, но в данном случае-документ очень авторитетный. Новосильцев был в оккупации, ясно; путался с немками-может быть. Работал журналистом в оккупантской газетке? Чистое предположение, без фактов. С тех пор прошли года. Некоторые из карателей 1943 года отбыли срока и вышли на свободу. Если Новосильцев и провинился в чем-то. . . Да нет, не похоже.

За что ему мстить? Кто мог бы мстить? Мотивы убийства неясны, скорее всё же на половой почве.

— Получается тупик?—Сказал Шовкопляс.

— Выходов не видно. Дело пойдет в архив.

Подполковник Портнов не мог предвидеть, что события ближайших дней полностью изменят его мнение.

Глава VI. Легенда о поджоге.

В один из мартовских дней погода сделала рокировку: вдруг повалил снег, столбик термометра снова опустился, и энские жители спешно сменили демисезонное пальто на свои уже надоевшие шубы и ватники. В этот день Саша Коровин и Вася Заблуда сошлись в перерыв, чтобы вместе пообедать в диетической столовой на улице Лермонтова. Готовили здесь чисто, цены были умеренные, и в начале перерыва очереди еще не было. Они уже кончали обед, когда на Лермонтовской раздались крики.

Несколько обедающих подскочили к окнам:

— Пожар! Моментальная горит!

Позже Коровин вспоминал, как Вася, услышав этот крик, на секунду застыл с открытым ртом и бессмысленным выражением лица. В следующую секунду Вася стрелой кинулся из столовой, через улицу, в горящую фотографию № 5, которую у нас называют моментальной.

Саша Коровин взял в гардеробной своё пальто и Васин полушубок, оделся и с полушубком в руках перебежал через Лермонтовскую. Перед горящей фотографией уже появилась толпа, которая росла с сумасшедшей скоростью. Чёрный дым валил из помещения, чувствовалась характерная приторная вонь горящего целлулоида. Вдруг из дверей выскочил Вася Заблуда, в крови и в саже, волоча под руки какого-то человека; сделал два-три шага, Вася повалился на снег и, видимо, потерял сознание. Коровин кинулся к нему; толпа занялась спасённым.

В горящем помещении начались мелкие взрывы. Лопалось стекло. Вася отдышался и встал; Коровин одел его.

Спасённый Васей человек всё ещё не приходил в себя и сильно кровоточил. Наконец, послышался вой сирен, примчались пожарники и скорая помощь.

Вася, кашляя и сипя, приказал Коровину:

— Вызывай Шварцмана и Шовкопляса. . . Потом осмотри фотоателье. . . Ищи все фотоаппараты. . . ручные. . .

Коровин повиновался ему безприкословно.

К счастью, Шовкопляс и Шварцман оказались на месте и прибыли мгновенно. Вася сел к ним в машину, и они помчались в больницу, куда увезли фотографа.

Коровин вслед за пожарными вошел в фотоателье, показав брандмайору своё удостоверение. Огонь был локализован, в дыму двигались фигуры бойцов в асбестовых робах,

слышались их весёлые и возбужденные голоса, треск отдираемых досок. Приёмная почти не пострадала, обгорел съёмочный зал, почти полностью сгорела рабочая комната, где и начался пожар. В едкой химической вони, среди шипения мокрого, горелого дерева стен, Саша Коровин с помощью бойцов отыскал водочную бутылку с отколовшимся горлышком; в ней оставалось немного водки.

— Видал, как тут обедают?—крикнул Саше один из бойцов

Саша искал фотоаппараты. От трёх из них остались обломки. Большая камера на штативе, стоявшая в зале, уцелела. Больше он ничего не находил.

Подъехали Вася и Шовкопляс. Втроем они обшарили всё пожарище и нашли под грудой обломков маленький несгораемый ящик в углу рабочей комнаты; огонь не добрался до него. Выволокли сейф в приёмную. Бледная, растерянная приёмщица призналась, что впервые видит этот ящик. Послали за рабочими, закурили. Тут подошел подполковник Портнов и Шварцман, и тогда Саша Коровин узнал, что спасённый Васей фотограф был, во-первых, вдребезги пьян, во-вторых, пострадал от газового отравления, а в-третьих, ранен в легкое трёхгранным тонким стилетом.

— Точно такое же ранение, как на Будённого 42, — спокойно сказал Шварцман.— Но удар неловкий, жизненные центры не задеты, ранение неглубокое.

— Ты уверен, что такое же?—спросил Портнов.

— Я семнадцать лет занимаюсь медицинской экспертизой, Иван Павлович!—самолюбиво ответил Шварцман.

— Не лезь в бутылку, Арон! Ты специалист, это все знают.

Приехали двое рабочих с инструментами. Тут же вырезали замок сейфа. В нём оказались лампа-перекалка, новенький мужской свитер, пыжиковая шапка, бутылка шампанского, бутылка водки, а еще какая-то грязная мужская рубашка, в которую были завернуты два толстых пакета чёрной бумаги, туго набитые и заклеенные изолентой.

Портнов сам отодрал изоленту. Один пакет был набит деньгами — червонцами и четвертными.

— После сосчитаем!—сказал Портнов.

Во втором пакете оказались фотографии.

Подполковник вытащил одну, тихо свистнул и тут же сунул обратно в пакет. Он завернул оба пакета в ту же грязную рубашку и встал.

— Оно, — сказал он.—Поехали, ребята!

— А что с этим делать?—спросил Вася, кивнув на вещи из сейфа.

— Перепишите и отдайте на сохранение приёмщице. Нам некогда с барахлом возиться. Все отправились в городское управление милиции.

В кабинете Портнова сосчитали деньги, их оказалось 675 рублей. Потом извлекли фотографии.

Их было двадцать кадров, каждый по три экземпляра. На всех снимках — одна и та же девочка, та самая, которую они уже видели в альбоме Новосильцева, только она сидела в ванне, а здесь была сфотографирована в постели. . .

— Акробатика на простынке, — сострил Шовкопляс.

Мужчины делали невозмутимые мины, разглядывая эти снимки, но им было трудно скрыть друг от друга инстинктивное возбуждение. Девочка была очень красива.

— Покойничка работа, — сказал Коровин, имея в виду Новосильцева.

— Несомненно!-сурово откликнулся Портнов.

— Вот мы и помощника нашли, — тихо заметил Вася.

— Какого твоё мнение?

— Убийство Новосильцева совершено из мести, — твёрдо сказал Вася.-Нужно искать среди несовершеннолетних.

— Что искать? Убийцу?

-Убийцу или её, — ответил Вася, кивая на фотоснимки.-Такое дело закрыть трудно. Убийство плюс покушение на убийство плюс поджог фотоателье. . . За всем этим один человек.

А был ли поджог-то?-возразил Шовкопляс.-Этот тип пьян в стельку. . . потерял осторожность, закурил. . .

— Фотограф у себя среди лент и бумаги никогда не закурит

— Лихачи везде случаются.

— Да курит ли он?

— Хватит спорить!-приказал Портнов, запирая деньги и фотографии в свой сейф.-Шовкопляс и Заблуда-в больницу! Остальные-по своим местам! Прошу помнить о дисциплине и ничего не разглашать. Пошлите кого-нибудь опросить людей, проживающих возле фотографии № 5.

Вася и майор Шовкопляс поехали в больницу.

— Пострадавший пришел в себя, — сказал им врач, — но говорить ему нельзя, а он сквернословит. Мы ему сделали укол, пусть проспится. Приезжайте послезавтра!

— Нечего делать, — вздохнул Шовкопляс.

Они уже уходили, когда врач окликнул их:

— Кстати, скажите хоть его имя и фамилию!

Шовкопляс заглянул в блокнот:

— Роберт Исаев.

— Спасибо.

— Исаев, Исаев, — задумчиво бормотал Вася.

В коридоре больницы он внезапно остановился и потянул за руку Шовкопляса.

На стульях в коридоре сидела сгорбленная старуха с внучкой. Голова старухи тряслась, из-под шали выбились седые космы волос. Она глядела в пол и что-то беззвучно бормотала, словно молилась. Девочка испытующе смотрела на всех проходящих.

- Кого ждете, мамаша?-спросил Вася.
- Она не слышит, — ответила девочка.-Мы сестрицу ждем.
- Какую сестрицу?
- Тётю Катю.
- Зачем?
- У нас дядю Робу ранили.
- Роберта Исаева? Он твой дядя?
- Да, он бабушкин сын.
- А где вы живете?
- Будённого сорок два, квартира одиннадцать, — замученно отбарабанил девочка.
- Никодим Эрастович у вас ведь жил?
- У нас. Он мне куколок дарил. Его убили бандиты.
- Складывается, Григорий Тарасович?-спросил Вася.

Шовкопляс кивнул.

Они вернулись в управление. К концу рабочего дня приехал Ахметов и привез новости.

Оказалось, что фотоателье № 5 имело чёрный ход во двор. Дети во дворе утверждали, что среди дня из этой двери вышла во двор огромная страшная женщина, вся одетая в чёрное, перешла через двор и сквозь пролом в изгороди выскочила во двор на Чапаева семь. Две пенсионерки показали, что из «моменталки» вышел чёрный мужик с пустой хозяйственной сумкой; в остальном показания совпали. После выхода этого мужика или бабы начался пожар.

Соседи, лично не видевшие пожара, распространяли по городу сумасшедшие слухи.

Утверждали, что Робка фотограф, известный пьяница и жулик (он никогда не возвращал взятых взаймы денег), оказался американским шпионом, что на нём нашли фотографии наших военных объектов и тысячу долларов денег; самые осведомленные добавляли, что вдело уже вмешался комитет госбезопасности и что в больнице у его постели дежурят два чекиста с пистолетами.

Когда в будничной жизни города происходит какое-нибудь событие, то люди, живущие по соседству с местом события, оказываются в центре всеобщего внимания. Они счастливы и горды этим вниманием, они не могут упустить такого шанса самоутверждения. Осведомлённость о событии оказывается гарантией из важного, хотя и преходящего значения. Стремясь раздуть это значение, они дополняют случившееся деталями из аналогичных событий, извлеченных им по личному опыту или по прежним рассказам. Во второй передаче эти сравнения(первоначально добросовестные предположения) оказываются уже прямо приписанными актуальному событию. Так работает механизм современного городского мифотворчества.

Необычайно важно знать объективные закономерности мифотворчества, чтобы уметь анализировать легенды и выделять из них рациональное зерно.

Большинство «мифотворцев» сходилось на том, что на Робку Исаева покушались и «менталку» подожгли его сообщники с которыми он не захотел поделиться деньгами. Тысяча долларов росла и приближалась через день к трём тысячам; спустя ещё три дня сумма достигла десяти тысяч. Выше она не поднялась, поскольку из милиции просачивались более достоверные сведения.

Исаев, оправившись немного от раны, дал показания. Он признался, что был пьян и что он курит, но категорически отрицал факт курения в тот роковой обеденный перерыв. Он задремал в кресле во время проявления ленты и проснулся от боли; он встал, и тут же начался пожар. Больше он ничего не помнит.

— Значит, спящего кололи, — суммировал Шовкопляс.—Эх, найти бы этого гада с сумкой!

— Да, удар был нанесён спящему, — ответил Вася, потому он и оказался таким слабым и неуверенным.

Исаев признал, что проявлял и печатал ленты своего соседа по квартире. Фотоаппарат Новосильцева был уничтожен пожаром.

-Кто эта девочка на обработанных вами снимках?

— Не знаю, — ответил Исаев.—Я делал за деньги. Моё дело сторона. Не шейте мне нахапку, начальнички!

Глава VII. Дело ведёт волонтёр.

На совещании у подполковника Портнова выяснилось настоятельная необходимость, чтобы Шовкопляс срочно занялся несколькими квартирными кражами в Северном районе. Там действовала одна шайка, причём действовала исключительно дерзко, в дневное время, обычно с 2 до 5 часов.

— После уроков в школе, — уточнил Вася, тоже приглашённый на совещание.

— Что ты хочешь этим сказать, Василий Тимофеевич?

— Это работа подростков.

— Кто-то ими руководит, потому что замки вскрываются квалифицированно. Григорий Тарасович, надо действовать очень быстро, пока они не успели сплавить вещи.

— дело по Будённого, 42, и по «менталке» кому передать?

— Пусть это дело продолжит лейтенант Ахметов, а в придачу ему пойдет наш помощник — Заблуда.

Все переглянулись.

— Иван Павлович, — слегка смутившись, сказал Вася, — я хочу вам помочь, но у меня в часовой мастерской и так недовольны. . .

— Попросим откомандировать тебя в распоряжение милиции с сохранением зарплаты сроком на две-три недели. Как ты думаешь, Терентию Петровичу твои начальники не откажут?

— Нет, ему не откажут, усмехнулся Вася.

Терентий Петрович Колонских-это «мэр города», человек весьма уважаемый.

— Мустафа Ахметович, прошу тебя работать в тесном контакте с Заблудой. Ты будешь вести дело до возвращения его в руки майора Шовкопляса, и ты за дело отвечаешь. Но советуясь с Заблудой и учитывая его предложения. Он уже внёс большой вклад в решение нашей задачи.

По окончании совещания Портнов попросил ещё задержаться Ахметова и Заблуду.

— Значит, так, — сказал он им, нервно переставляя по столу бесплодную чернильницу, — договариваемся считать, что в деле вы оба равны. Ты, Мустафа Ахметович, толковый и исполнительный работник, а Василий Тимофеевич-просто талантливый человек. Надо вам петь в унисон, понятно?

И тут татарин впервые показал свой характер.

— Шан Павлович, — сказал он, — разрешите сказать начистоту.

— Давай.

— Я так понимаю, что я грамотный офицер и умею крепко вязать. Это верно?

— Это точно, Мустафа Ахметович. Тебе надо на медведя охотиться.

— Я на медведя охотился. Но в таких делах, Василий гораздо сильнее. Зачем нам втроем играть в игру? Скажите прямо, что дело ведет Заблудин. Я сам себя довольно уважаю, своё умение знаю, мне никакой обиды не будет. Притворяться нам зачем?

— Ты молодец, Мустафаф Ахметович, ты прямо сказал. Но я не имею права поручать дело человеку со стороны. Официально он только помощник, а отвечать тебе.

— Я отвечу, если официально. А по работе не будем врать друг другу. Я Василия видал в деле, он сыщик от бога, его учить не надо. Много понимает, я так не понимаю. Он главный.

И Ахметов, повернувшись к Заблуде, сказал:

— Командуй, Вася!

— Дай руку, Ахметыч!-сказал полковник.

И все трое мужчин обменялись неммым рукопожатием.

— С чего начнём, Васили Тимофеевич?-спросил Ахметов.

— Выберем из карточек Новосильцева ту, где лучше видно её лицо. Надо переснять лицо и пройти по детским комнатам милиции. Эта девочка где-то в городе. . .

— Значит, всё же «шереляфам»?-спросил Портнов.

— Это как понимать. В сущности, всё-таки убийство из мести.

— Ох, и упрям же ты, Вася!

— Дайте срок, и вы согласитесь.

— Большого срока не дали. Что ещё?

— Показать фото Брынову, Маркелову, Сторецкому, Шевляковой, Марте Сторецкой, Инге Лаврентьевой. Может, они видели эту девочку в обществе Новосильцева.

— Это понятно, а что кроме? Обходить людей с карточкой-длинная дорога, -сказал Портнов.

— Если идти сразу тремя длинными дорогами, то время пути к общей цели сократиться втрое.

— Ты говоришь загадками. Что конкретно?

— Иван Павлович, нужно от вашего имени послать два письма: а Балашов и в Ленинград.

... Начались хлопотливые будни.

Ахметов и Заблуда встречались со всеми работниками детских комнат милиции. Все показали, что девочка с фотографии ни разу не была зарегистрирована или просто замечена в каких бы то ни было случаях нарушений, проступков или просто озорства. Лицо её никому не было знакомо.

Ахметов посетил Брынова-хмурого, растерянного человека, который тяжело переживал скверные открытия, сделанные милицией в его прежних знакомствах. Брынов не знал этой девочки, но обещал примечать-и, если случится её встретить, оповестить Ахметова.

Шевлякову Ахметов застал в весёлой компании, за столом. Здесь была и Инга Лаврентьева, но Ахметов точно соблюдал заранее расписанное условие: кому с кем говорить. Он попросил только Шевлякову выйти покурить на лестницу и показал ей фото.

— Эта девочка есть в альбоме покойного Новосельцева!-воскликнула Шевлякова.-Я видела, как он на неё смотрел, аж слюни у него текли! Мы с ним тогда поругались.

— Кто она такая?

— Не знаю. Она где-то возле города живет.

— Кто её отец, мать?

— Я думаю, сирота. Наверное, с бабкой живет. Он тогда сказал мне по пьяному делу: «Вытащу я эту цыпочку из-под клушки!»

Но больше Шевлякова не знала.

Третьим номером у Ахметова стоял Маркелов. Это был самый трудный собеседник.

Букинист Маркелов жил с двумя почти взрослыми детьми и с тещей. В доме у них царила вечная война. Жена Маркелова умерла два года назад. Сам он был похож на цыгана: чёрные с проседью кудри, оеменные глаза. Худощавый, низкорослый и тщедушный, он весь был исполнен необычайной внутренней силы. Это не была духовная сила: в каждом взгляде, в каждом слове, в каждом жесте Маркелов кипели неуголённый темперамент и стихийная злоба.

Милицию Маркелов ненавидел. Он считал, что его ограбили. Несколько десятков лучших книг он отдал Новосильцеву за его фотографии женщин, которые Маркелов никогда бы не мог увидеть вживе. Ибо Новосильцев не отдавал ему эских фотографий, кроме снимков Марты Торецкой, женщины совершенно безвольной, и двух-трёх общедоступных девчат. Все остальные снимки, конфискованные у Маркелова, были старые: возможно, даже и не Новосильцевым сделанные. Может, он и сам не знал этих крутобёдрых красавиц.

Фраза, которой Вася советовал начинать разговор: «Мы просим вашей помощи» — в случае с Маркеловым возымела обратный эффект. Маленький букинист сразу взвился на дыбы.

— А почему я должен вам помогать? — оскалился он. — Возможно, в моих интересах мешать вам, а не помогать!

Но Ахметов правильно прочёл его внутреннее содержание. Кипучая злоба Маркелова прикрывала бездну трусости и отчаяния, потому что он любил жизнь и женщин, но ни в том, ни в другом случае не пользовался взаимностью. И Ахметов рискнул:

— Ну, ладно, не должны помогать. Будем считать, что мы оба ничего не должны. Тогда мы дадим ход законному преследованию.

— Какому такому преследованию?

— В каких вы отношениях с Верой Шапошниковой?

— Сто человек с ней в таких же отношениях.

— А сколько ей лет, вы знаете?

— А мне плевать, сколько ей лет! Не я первый, понятно? И вашу знаменитую статью вы мне не пришлётё!

— А мы не будем вам шить ту статью. Мы просто подыщем вам другу работу.

Маркелов побледнел и перекосялся. Он крепко прирос к букинистическому отделу и освоил секреты профессии, в том числе негласные пути извлечения дополнительных доходов. Он не хотел бы уходить из магазина. И он сдался.

— Чего вам надо?

Тогда Ахметов показал ему фотографию.

Маркелов долго боролся с собой.

— Прошлым летом, — заговорил он, наконец, — один раз я её видел.

— Где?

— Здесь, в городе. Когда рабочий день кончился, я вышел из магазина вместе с Никодимом Эрастовичем. Через Советскую площадь переходила группа ребят, человек пять, и среди них шла эта кошечка. Она увидела нас, закричала: «Дядя Ника!» — и кинулась прямо к нам. Он вроде испугался, отвёл её в сторону, и они немного поговорили. Потом он подошёл к мороженщику и куил штук десять эскимо, и побросал ей в подол платья, а она держала так что видно было трусики.

— А что потом?

— Потом она так весело ему кивнула и побежала к мальчишкам, и они брали у неё из подола эти эскимо.

— Сколько ей лет?

— Не больше четырнадцати. Но она очень зрелая.

— Рост?

— Метр пятьдесят пять-шестьдесят. . . Точно не скажу. Почти с меня.

— Как она была одета?

— Короткое белое платье, подпоясанное красным пояском, белые носки и красные туфли.

Белое и красное — довольно стильно.

— Волосы?

— Две косицы с белыми бантами, сцеплены на затылке.

— Загорелая?

— Да, но очень лёгкий, золотистый загар.

— Похожа на спортсменку, на гимнастку?

Тут Маркелов снова ощерился: это заменяло ему улыбку.

— Вы читали рассказ Бунина «Лёгкое дыхание»?

— Какое это имеет отношение к существудела?

— Если не читали, то вы её не поймёте.

Но Ахметов, густо покраснев от гнева, ломая карандаш, записал в блокноте: «Лёгкое дыхание». Он полагал, что Вася Заблуда разберётся. И он не ошибся.

Тем временем Вася опрашивал других людей. Он взял на себя обоих Сторецких и Лаврентьеву.

Сторецкий, учитель географии, был одним из самых популярных людей в своей школе. Его вечно окружали мальчишки и девчонки, он был любезен, остроумен, всегда элегантно одет, гладко выбрит, и его высокий лоб увенчивала пышная, полуседая шевелюра, словно корона из старого серебра. Когда Вася Заблуда явился к нему домой, на что предварительно испросил разрешение, у Сторецкого сидело трое ребят: двое играли в шахматы, а третий оформлял альбом на тему «Широка страна моя родная», безжалостно используя при этом журналы «Смена», «Огонёк» и «Советский Союз».

Вася не уловил сигнала или жеста, который подал ребятам учитель, но только все трое мгновенно испарились.

— Любят они вас? — спросил Вася.

Сторецкий пожал плечами.

— Они же чистые души, любому готовы открыться, кто по-человечески к ним отнесётся.

— А что значит «по-человечески»?

— Как к равным себе, взрослым, с уважением, с интересом, без педагогического вранья и сюсюканья. . . Им можно говорить всё, они очень и очень не глупы.

— Может, не стоило их отсылать?

— А в чём дело?

Вася показал фотографию девочки.

— Нет, они её знать не могут, — ответил спокойно Сторецкий. — Она не из города.

— А откуда?

— Из Заречной слободы. Она у юных «болотников» ходит в атаманшах, вроде Маруси-анархистки.

— Вы уверены

— Совершенно уверен. Однажды летом я провожал одну даму на окраину города. Не спрашивайте, какую дам, это к делу не относится. Вы знаете, с женой я развёлся. Проводив эту даму, я возвращался по Успенскому въезду. Знаете эти места?

— Конечно.

— Навстречу мне из города спускалась девочка в белом. Я думал, с танцев идёт, но нет, слишком молода. Я её спросил — тихонько, вежливо: «Не поздно ли гуляете?» Она останавливается, смотрит на меня в упор (глазищи при луне — как чёрные озёра) и с улыбочкой так отвечает: «Что, старый хрыч, на свежатинку потянуло?» И вдруг кладёт два пальца в рот и свистит три раза. Смотрю — снизу бегут два «болотника», лет по пятнадцати. Один подбежал и хлестнул меня по лицу гибкой проволокой. Посмотрите — видите шрам? Бровь он мне рассёк. Сасибо доктору Николаеву, отлично зашил.

— А девочка?

— А она спустилась к реке, села в лодку, «болотники» — за вёсла, и отчалили. Я одымался по Успенскому въезду и ещё далеко слышал, как они смеются. Так что ваша клиентка — из слобод.

— А до и после этого случая её не видели?

— Нет, никогда.

Вася поблагодарил и распрощался с учителем.

Марта Сторецкая работала на швейной фабрике, она была секретарём директора. Это роскошная русская красавица, с льняными кудрями и голубыми глазами; в сущности, очень несчастная женщина. При всём её физическом великолепии, она не может иметь детей (видимо, сама виновата в этом, прервала первую беременность). Между тем, Марта их очень любит. Она пытается добиться невозможного, ища самых сильных и здоровых мужчин. Это сделало её притчей во языцех. Директор фабрики, однако, удерживает её, потому что Марта — великолепный секретарь, всё помнит, со всем справляется, стенографирует, печатает, умеет ладить со всеми и в экстренных случаях заменяет то отдел кадров, то диспетчерскую службу.

Вася созвонился с ней, и она охотно назначила ему деловое свидание у себя дома. Жила она одна и встретила Васю в халате; в комнате, служившей и гостиной, и столовой, был накрыт стол на двоих. Настроение у Марты было великолепное.

— А ведь я давно тебя приметил! — говорила она. — Ты почему часовщик? Из тебя молотобоец хороший получился бы. И что ты всё деревья малюешь, написал бы к примеру меня в виде Венеры!

Она заставила его выпить стопку и перетянула к себе на диван. Вася уже со скукой подумывал о том, что и ему придётся разделить сомнительную честь её неисчерпаемой страсти, но всё же посмел:

— Извини, Марта, давай сначала кончим дело, а уж там...

— Давай, давай твоё дело! — подхватила она. — Чем скорее кончим, тем скорее и начнём!

И расхохоталась, сверкая всеми своими тридцатью двумя зубами: румяная, вальяжная. «Мчта Кустодиева!» — подумал Вася, вынимая фотографию.

Марта при виде этого лукавого полудетского лица с прекрасными тёмными глазами вдруг перестала смеяться и побледнела.

— Ты зачем это принёс? — спросила она.

— Кто эта девочка?

— Я ничего знаю! — крикнула Марта, вскакивая.

— Понял, понял, ты ничего не знаешь, — успокаивающе сказал Вася. — Но эту девушку ты знаешь.

— Нет! — отрезала Марта. — В первый раз вижу

И как он ни уговаривал её, Марта стояла на своём. Настроение её было безнадежно испорчено, она уже не только не прижималась к Васе, но избегала его взгляда. Поднявшись с дивана, она уже более не садилась и при первой же паузе намекнула, что время позднее.

Когда Вася уходил, она даже не ответила на его любезное прощание: молча захлопнула дверь

Он надеялся всё узнать у Марты Сторецкой, а вместо этого не узнал ничего

Впрочем, он узнал, что Марте лицо девочки знакомо, это раз; второе — Марта боится говорить об этом; третье (и тоже для Васи несомненное) — Марта знает о какой-то связи между девочкой и двумя преступлениями.

Оставалось встретиться только с Ингой Лаврентьевой. Помня, как разбилось об неё бульдожье упрямство Шовкопяса, Вася не возлагал на Ингу особых надежд.

Но получилось иначе.

Он встретил её после работы, с ней рядом шёл Кондратьев.

— Здравствуйте, — сказал им Вася.

— Привет, — равнодушно сказала Инга.

— Здравствуй, если не шутишь, — настороженно ответил её спутник.

— Фёдор, — сказал ему Вася, — мне надо немного поговорить с Ингой. Ты бы прошёл вперёд на несколько шагов.

— Смотри-ка, а он парень не робкий, — саркастически заметил Кондратьев, обращаясь к Инге.

Потом ответил Васе:

— А ты бы не хотел пролететь вперёд на несколько метров?

— Кого ты пугаешь, Федя? — сказала Инга. — Он же Робку-алкаша на пожаре спас. Он и в самом деле не робкий, да и не слабый. . . Доброволец угрозыска.

— Ты, Федя, не шуми, — сказал Вася. — У меня к Инге чисто деловой вопрос, отбивать её у тебя не собираюсь.

— И не способен, — музыкально мурлыкала Инга.

Вася даже бровью не повёл. Он ждал.

Инга и Федя обменялись короткими взглядами, и Федя, угрожающе сплюнув, прошёл вперёд.

— Инга, я попрошу вас никому не рассказывать о том, что я у вас спрошу. Вы обещаете?

— Ладно, не скажу.

Он вынул фото и в ладони показал Инге.

— Вы знаете эту девушку?

Она прошла несколько шагов, молча разглядывая, потом спросила странно изменившимся голосом:

— Откуда у вас это?

— Инга, я вам отвечу на этот вопрос, если вы мне расскажете то, что знаете. А вы знаете.

— Да, знаю, — глухо ответила она.

Он убрал карточку в карман.

— Эта девочка — из Саратова, она занимается плаванием, спортсменка, — бесцветным голосом заговорила Инга. — Зовут её Нонна, фамилию не помню. Она приезжала сюда летом, к подруге, а кто эта подруга — не знаю. Я её видела на Ольховом берегу. За этой Нонной ухаживали какие-то ребята. Наша компания обратила на неё внимание. Ребята подвыпили, стали с Нонной грубить, она от них вырывалась. Наших было много, я с ними вместе отбила девчонок у этих пацанов. Вышла небольшая драка. Потом мы отвезли девчат в город. . . . Больше я её не видела. Наверное, уехала к себе в Саратов.

— А кто был тогда с вами на пляже?

— Хантурин, Потапенко, Маркелов, ещё Петя Лисицын из автодорожного техникума и кто-то ещё. . . не помню. . . Человек пять или шесть, не считая женщин.

— И это как раз было в тот пикник, когда вы единожды гуляли в компании Хантурина?

— В тот самый раз.

— Феде не было?

— Федя не из той компании.

— Никодима Эрастовича не было?

— Нет.

— А он не мог познакомиться с Нонной после этого?

— Не знаю. . . Может быть, Хантурин или Маркелов познакомили.

— Спасибо, Инга.

— А откуда у вас карточка?

— Когда сгорела моменталка, милиция нашла в сейфе у Роберта Исаева пачку фотографий. Там была эта карточка.

— Только эта одна?

— Нет. Не только.

Он замолчал и посмотрел на Ингу. На ней лица не было.

— Что с вами, Инга?

— Устала. День был тяжёлый. Федя!

Он мгновенно подошёл, почти подбежал, яростно-напряжённый, с улыбкой злобы на лице.

— Феденька, возьми меня под руку, каблуки скользят.

— Наворковались? — хищно пошутил Федя.

— Всё в порядке, — ответил Вася. — Спасибо, Инга!

— Не за что.

Вася откланялся.

Инга что-то скрывала, это было ясно. Но она без колебаний, без запинок выложила вполне естественную и связную историю.

Она знала о фотографиях, которые делал Новосильцев. Возможно, знала и о том, кто их обрабатывал.

Она была испугана, как и Марта Сторецкая

Впрочем, не так. Иначе как-то.

Чем может испугать человека фотография такой красивой девочки?

Вася медленно возвращался домой, обдумывая эту головоломку.

Глава VIII. Нонна и Эмма.

— Поздравляю, Григорий Тарасович, — сказал Портнов. — С делом ты быстро справился. Он встал и открыл окно кабинета. Апрель был тёплый.

— Разрешаю курить, товарищи.

— Не всё удалось, — сказал скромно Шовкопляс. — Часть похищенных вещей пропала, и нам не удалось установить — куда.

— Что именно?

— Дамские вещи: заграничная сумочка, дорогая парфюмерия, украшения. . .

— Продано?

— Не похоже. Всё проданное мы разыскали.

— А что говорят юные грабители?

— В этой точке — ничего. Молчат. «Не знаю, не ведаю».

— А приёмщик?

— Он показывает, что эти вещи до него не доходили.

— Занятно. Надо продолжить. Девчонкам раздали?

— Девчонок мы выявили; говорили и с ними самими, и с их родителями. Глухо. Никто не видел.

— Занятно, — повторил Портнов. — Ну, что ж, надо тебе снова брать дело об убийстве Новосильцева и о поджоге моменталки. Василий Тимофеевич, введи в курс дела.

— Были посланы запросы в Ленинград и Балашов. Ответа ещё нет?

— Из Балашова есть. Я потом всех ознакомлю. Что насчёт этой девчонки?

— Тут у нас две взаимоисключающих версии, — начал Заблуда, открывая блокнот. — Первая версия: девочка живёт в пригороде, в Заречной слободе, со старой бабкой и, возможно, сирота. За ней ухаживают несколько хулиганов слободы, так называемых «болотников». Иногда (летом) она бывает в городе. Видимо, значала Новосильцева и некоторых лиц из его окружения. Красиво, хорошо одевается. Четырнадцать лет, но очень заметна ранняя зрелость, рост от метра пятидесяти пяти до метра шестидесяти. Поведение развязное, речь — как у хулиганов; имеет сильное влияние на «болотников». С прошлого лета её в городе не видели.

— Типичная фигура. А вторая версия?

— Вторая дана одной лишь Ингой Лаврентьевой. Девочка приезжала в гости к неизвестной подруге. Имя девочки — Нонна, она спортсменка, занимается плаванием, живёт в Саратове. На Ольховом берегу Нонна и её подруга были в компании неизвестных подростков, которые выпили и стали грубо присавать к Нонне. Она вырывалась. Компания Хантурина по инициативе Лаврентьевой прогнала подростков и проводила девочек в город. В компании Новосильцева не было, но возможность его последующего знакомства с Нонной Лаврентьева не исключает.

— Странно! — удивился Портнов. — Для чего бы Лаврентьевой врать или выдумывать?

— Сам не пойму, — честно признался Вася. — Её версия тоже звучит вполне правдоподобно. Я думаю, можно примирить обе версии: Нонна, приехав в Н., останавливалась у подруг, живущей в Заречной слободе. Анализ фотоснимков я делал с помощью Шварцмана. На них девочка. . . .

— Будем пока звать её Нонна, — решил Портнов.

— Так вот, Нонна физически здорова, несколько преждевременно развита, но, судя по рукам и плечам, плаванием не занимается.

— Руки тонкие? Плечи худые?

— Нет, не совсем так. Шварцман говорит: «Нормальная девчонка, мускулатура средняя, вполне возможно, что и плавать умеет, но это не спортсменка, и в частности — не пловчиха».

— Выходит, показание неверное?

— Лаврентьева могла получить такие сведения от Нонны. . .

— Или сочинила сама, — вставил Шовкопляс. — Темнит Лаврентьева, хочет помешать следствию.

Возник короткий спор: Вася в нём не участвовал.

— Кто лучше знает Заречную слободу? — спросил Портнов.

— Она входит в ведение сельского райсовета, значит, надо у Прозуменщикова справляться.

— Съездите к нему с фотокарточкой, дайте ему наши сведения: пусть пороется в воспоминаниях. . . Дело серьёзное. За девчонкой кто-то стоит. Не может быть, чтобы эти соплики из окружения Нонны пошли на два убийства и поджог. Это не их специфика.

— Завтра же навещу Прозуменщикова, — сказал Шовкопляс. — Они свою слободку знают.

— Теперь ответ на запрос Василия Тимофеевича.

Портнов выдвинул ящик стола и достал из него распечатанный конверт.

— Мы запрашивали балашовских друзей: какие у них есть сведения о человеке по кличке «Цыганский барон», который проживал в Балашове после войны вместе с женщиной, имя которой начинается на Э. Предположительно оба они побывали в оккупации, где-то на Юге, возможно, что на Украине или в Ростове, Ейске, в Крыму. . . Точно не известно. «Цыганский барон» и женщина Э. не преследовались за какие-либо преступления в окку-

пац, работали в Балашове, испытывали материальные затруднения. «Цыганский барон» хорошо образован, обладает живым слогом письменной и, вероятно, устной речи. Не исключено, что журналист или учитель.

От всё, что Василий Тимофеевич смог выжать из письма «Цыганского барона» к убитому.

Повисло напряжённое молчание.

— Наши балашовские друзья — молодцы! Задача у них была трудная, и справились они с ней блестяще, причём за очень короткий срок. Им помогли два бывших работника милиции, пенсионеры. И начали они с женщины. После войны в Балашове появилась молодая учительница Эмма Рабинович, еврейка по национальности, хорошо владела немецким языком, это было понятно: еврейский язык похож на немецкий. Преподавала в одной школе, вместе с мужем. Она вела немецкий язык, он - географию и историю. Тоже назывался Рабинович, брюнет, но совершенно не еврейского типа. В летние каникулы сорок седьмого года он выехал один из Балашова и исчез. Эмма Рабинович обратилась за помощью в милицию. Путь её мужа удалось проследить до станции Лиски. Здесь он пропал. Вскоре после этого его жена уехала в Москву. Но это не всё.

Через год в Балашов поступил запрос из органов о советской гражданке немецкой национальности, родом из города Риги, по имени Эмма Кирхендорф, она же баронесса фон Кирхендорф. Приложенное к запросу фото не оставляло сомнений, что мнимая Рабинович, юбрюнеточка, похожая на еврейку, на самом деле была Кирхендорф, работавшая в органах оккупационной администрации на Украине с конца 1941 года по 1944 год. Одновременно поступило заявление за двадцатью подписями балашовских граждан, что исчезнувший Рабинович — не тот, за кого он себя выдаёт, определенно не еврей (в числе двадцати подписавшихся было несколько евреев) и что его имя, отчество и фамилия совпадают с одним житомирским дантистом расстрелянным а 1941 году: присвоение чужих документов.

-Ну, обнаглели!- воскликнул Шовкопляс.

Мустафа Ахметов спросил:

— Почему же только через год? Почему заявление не посткпило, когда этот человек был ещё в Балашове?

— Потому что незадолго до его отъезда в отпуск приехал в Балашов на работу некий Шамраевский, до войны лешившийся в Житомире у настоящего Рабиновича. Удивлённый совпадением фамилии, имени, отчества, он стал наводить справки, и только тогда одна женщина показала, что у мнимого Рабиновича на руке была татуировка, почти уничтоженная, сплошной шрам, но осталось одно слово: «всходит». Понимаете?

— «За Сибиром солнце всходит», — сказали одновременно Коровин и Шовкопляс.

— Песня Кармемока!

— Да, товарищи, прекрасная песня, а её первая строчка — это любимая тема блатной татуировки: линия горизонта, лучи сверху, эти слова снизу.

— Типичная наколка, видали!

— Теперь представьте себе зубного врача из Житомира стакой татуировкой. Ясное дело, что-то не так. Шамраевский навёл справки в Житомире. Похоже, что «Цыганский барон! Был не евреем, а карателем, который расстреливал евреев. Видимо, он и его Эмма почуяли опасность и скрылись.

— Нет, не совсем так!- внезапно вмешался молчавший до этого Вася Заблуда. — Концы не сходятся Эмма не стала бы подавать на розыск, если бы они хотели скрыться. Они считали себя в безопасности.

— Посчитайте, посчитайте!- воскликнул Шовкопляс. — А почему решили что балашовский корреспондент Новосильцева и учитель географии под фамилией Рабинович — одно и то же лицо?

— Вот здесь-то и есть главное подтверждение факта, что Заблуда нам всем сто очков вперёд может дать, — сказал Портнов.

Он вынул из конверта фотографию фривольной брюнеточки в чёрном пеньюаре, холодно и демонически глядящей в объектив сквозь дыб длинной сигареты.

— Вот Эмма Кирхендорф!- сказал он. — Фото изъто у одного балашовского служащего, который в 1947 году состоял в связи с Эммой. Смотрите!

— Та же самая!- вскричал Шовкопляс.

— Это баба из альбома Новосильцева!

— «Чёрный ангел», — пробормотал Заблуда. — Второй экземпляр фотографии. Есть надпись на обороте?

— Есть, — ответил Портнов и перевернул карточку. — «Теперь ты веришь, что я создана для любви?»

— Вольная вариация той, немецкой надписи, — пробормотал Заблуда.

— Точно, — сказал Портнов. — Таким образом, гипотезы Василия Тимофеевича подтверждаются документально. Новосильцев во время оккупации жил с этой потаскухой. Нам надо прислушаться к предложению Заблуды. Что ты хотел сказать, Василий Тимофеевич?

— Я полагаю, что «Барон» Выехал для встречи с Новосильцевым, согласно письму. Целью поездки был шантаж, получение денег с Новосильцева. Очевидно, о том, что делал «Барон» выехал для встречи с Новосильцевым, согласно письму. Целью поездки был шантаж, получение денег с Новосильцева. Очевидно, о том, что делал «Барон» в Житомире, Новосильцев не знал, иначе у шантажиста не было бы никакого преимущества. Видимо, в период знакомства «Барона» и Эммы с Новосильцевым последний занимал крупный пост, а эти две — менее значительные.

— Почему ты так думаешь?

— Психология. Шантажируют бывшие подчиненные своих бывших начальников. Наоборот — практически никогда не бывает.

— Продолжай.

— Эмма была уверена в полной безопасности их подложных паспортов, иначе она не обратилась бы в балашовскую милицию. Узнав, что муж (или сожитель) пропал на Панции

Лиски, она была чем-то испугана и скрылась их Балашова. Думаю, сменила имя и документы. Можно её вычёркивать, найти её практически невозможно. Думается, «Цыганского барона» мы тоже никогда не увидим.

— Почему?

— Скорее всего, он умер в 1947 году. Он ехал в какой-то большой город — или в Воронеж, или в Харьков. В его письме Новосильцеву сказано: «А мы живём в глуши. . .» Значит, адресат живёт не в глуши. В городе, по сравнению с которым Балашов может быть назван глушью. И Новосильцев встретил «Барона» в Лисках, поскольку был извещён телеграммой. Очевидно, «Барон» сошёл с поезда. Больше сведений о нём нет. А Новосильцев прожил ещё тридцать четыре года.

— Так ты, что полагаешь? Ты . . . ты считаешь. . . — в удивлении заговорил Шовкопляс.

— Я считаю, что Новосильцев от «Барона» избавился.

— Ликвидировал?

— Да. И сам тут же уехал из тех краёв. И переезжал с места на место, пока не осел в нашем городе. Сами понимаете, нам тоже с Харьковом тягаться трудно, да и далеко здесь от бывших оккупированных территорий. И фамилия «Новосильцев» вымышленная, потому что в 1944 году он ещё был Николай Эрастович Неплюев, антиквар. Заметив, хрусталь и фарфор у него до конца были антикварные.

— Ну, подпольным миллионером он не был!

— Нет, не был. Его деньги не интересовали, он был эротоман, с декадентской изысканностью, грязноватый. Такие денег не копят. И погубила его грязная игра с Нонной. Если мы найдём Нонну, то убийцей окажется её отец.

— Отец?

— Ну, да, — ответил Вася — Нонна не сумела скрыть свою близость с Новосильцевым, в семье об этом дознались, и отец отомстил растлителю. Он стремился также уничтожить ту серию фотографий, что лежала в моменталке, но ничего не знал о фотографии Нонны в альбоме убитого. . . та, где она в ванне. . .

— Почему именно отец? — спросил Ахметов.

— Мужа у Нонны быть ещё не может, а любовник четырнадцатилетней — это такая же свинья, как Новосильцев, и не стал бы убивать себе подобного. Несовершеннолетние друзья Нонны тоже не пошли бы на два таких дела, остаётся отец.

Главы из романа о Пушкине

Р. Г. Назиров

Глава VI. Цесаревич и Польша

У императора Александра не было детей, и наследником русского престола был великий князь Константин Павлович, второй сын Павла 1.

Своей безобразной, грубо вылепленной физиономией, своей бешеной вспыльчивостью и капризами цесаревич Константин Павлович напоминал отца, при имени которого бледнели самые мужественные люди. К тому же цесаревич пытался подражать Суворову, под начальством которого в молодости проделал итальянский поход, в его двусмысленном шутливстве.

Под Аустерлицем цесаревич командовал гвардией, ничего путного из этого не вышло. Он был храбр только в манеже.

В начале царствования Александра 1 темная история потрясла Петербург. Одна красивая иностранка, мадам Араужо, была срочно вызвана к знакомой — придворной повивальной бабушке Моренгейм, жившей в мраморном дворце /резиденции Константина Павловича/. Как мадам Араужо попала на половину цесаревича, осталось неясным. Через три часа её привезли, истекающую кровью: два гайдука вынесли её из кареты, экипаж умчался. Мадам Араужо успела сказать: «Я обещана» — и умерла.

Поднялся скандал с дипломатическими осложнениями. Правительство публичным объявлением пригласило всякого, имеющего точные сведения « о образе смерти» госпожи Араужо, довести о том до сведения властей. Был арестован один из адъютантов цесаревича Константина Павловича. На этом все кончилось.

Под окнами императрицы Елисаветы Алексеевны нашли труп молодого полковника-кавалергада. Государыня была красива, её супруг был холоден к ней. Разнесся слух, что убитый был любовником государыни и что его зарезал цесаревич Константин Павлович.

В 1812 году он постоянно имел столь резкие столкновения с Барклаем де Толли, что главнокомандующий отослал цесаревича из армии. После сдачи Москвы Константин Павлович вместе с вдовствующей императрицей Марией Феодоровной оказывал давление на государя, отчаянно требуя заключения мира с Наполеоном.

В конце наполеоновских войн Александр 1 поставил брата во главе новообразованной польской армии. В Вене на конгрессе государя окружили поляки, его друг Адам Чарторижский, Огинский, великий герой Костюшко; они напомнили царю его давние симпатии к польской свободе, обольстили миражем славы и исторгли у него обещание восстановить Польшу. В результате венских трактатов возникло Царство Польское, корону которого принял Александр 1. В «конгрессовом» королевстве было самоуправление, государственные

акты совершались на польском языке, гербом был белый орел. Однако на деле конгрессовой Польшей управлял главнокомандующий её армией цесаревич Константин Павлович и полномочный делегат императора Александра — Новосильцев, «злой гений» Польши. Этот человек ненавидел поляков.

Цесаревич их любил, но полякам от этого было не легче.

Он усердно строил польскую армию, сократил до 6 лет воинскую повинность, выписал из России пушки, снабдил варшавские арсеналы ружьями нового образца. Он также придумал для поляков новые мундиры и ввел высокие султаны; к его армии. цесаревич был одержим парадоманией-наследственной болезнью Романовых. Николай Тургенев назвал его «фельдфебель по натуре».

И впрямь фельдфебель, даром что ученик знаменитого Жюмани. Он замучил польскую армию мелочным деспотизмом. Во время одного парада на Саксонском плацу в Варшаве произошла стычка между цесаревичем, жестоко муштровавшим солдат, и генералом Юзефом Хлопицким. После парада генерал, в прошлом любимец Наполеона, герой Сомосьерры, громко заявил:

— Не на Саксонском плацу сникал я славу и не на нем собираюсь ее терять.

Он намекал на то, что великий князь, собственно говоря, сражений не любил. Эти слова дошли до Бельведера. Когда на другом параде, в очень жаркий день, Хлопицкий расстегнул мундир. Цесаревич с ревом набросился на него:

— Нарушение субординации! Личное оскорбление мне, главнокомандующему! Под арест!

Хлопицкий тотчас отправился домой и отослал шпагу в Бельведер. На другой день цесаревич прислал ее обратно со своим адъютантом. Но Хлопицкий сказался больным, а когда цесаревич послал к нему медика — не принял его.

— Передайте его высочеству, что у меня есть свой лекарь и что слово генерала значит более, чем врачебное свидетельство.

Он подал прошение об отставке. Из Бельведера стали прибывать посланцы: сперва друг и фаворит цесаревича, хитрый грек генерал Курута, но Хлопицкий не впустил его в дом; потом прибыл наместник Царства Польского, генерал Зайончек. Это был старый боевой товарищ Хлопицкого, участник египетского похода Наполеона; в 1812 году русское ядро перебило Зайончеку обе ноги, он был взят в плен русскими. Такого посланца Хлопицкий, конечно, принял, но извинений великого князя не принял и решения своего об отставке не изменил. Под окнами его варшавяне устроили овацию, восхищаясь твердостью наполеоновского ветерана.

На одном смотре цесаревич, разгневанный ошибкой, приказал двум офицерам взять ружья и промаршировать три круга в рядах солдат. Остальные офицеры полка отказались служить с наказанными, почитая их разжалованными в солдаты. Возникла «история». Пять офицеров покончили с собой. Великий князь просил прощения у офицеров полка и к сему добавил, что готов любому лично дать удовлетворение: это «разрешение на вызов»

было знаком уважения, но вместе с тем и явно показным жестом. Ответом было гробовое молчание офицеров. Дуэль с братом царя? А что их ожидало в случае победы?

Вскоре после этого группа офицеров, явившись по обязанности к праздничному столу цесаревича, демонстративно не пила его здоровье.

Он постоянно вмешивался в гражданское управление Польши и плевать хотел на все законы. Когда в одной варшавской газете разбрали его любимую актрису мадмуазель Филлис, великий князь послал жандармов разорить типографию; по вздорному поводу он посадил на гауптвахту бургомистра Варшавы; мещанина, обвиненного в укрывательстве вора, велел без суда его наказать палками.

Весною 1818 года на первый сейм конгрессовой Польши приехал император Александр, он же польский король.

В своей тронной речи 15 марта 1818 года он заявил сейму:

— Организация, действовавшая прежде в вашей стране, сделала возможным непосредственное установление организации, каковую я дал вам, применив на практике принципы тех либеральных учреждений, которые не переставали быть предметом моих устремлений и благотворное влияние которых я надеюсь с помощью божией распространить на все земли, вверенные Провидением моему попечению. Таким образом вы предоставили мне средства показать моему отечеству то, что я давно для него готовлю и что оно получит, как скоро элементы столь важного дела достигнут необходимого развития. . .

Перевод этой речи, взволновавшей русское общество, с французского языка на русский был поручен князю Вяземскому, питомцу Карамзина и другу Пушкина по «Арзамасу». Служа в администрации Царства Польского, князь Вяземский близко сошелся с польскими вольнолюбивыми мечтателями. Слово «либеральные» ему пришлось перевести выражением «законно-свободные», ибо в русском языке «либералист» было словом бранным.

В Варшаве государь дал великолепный бал. В списке приглашенных увидел себя и Юзеф Хлопицкий. Государь явно искал с ним встречи, а увидев, отвел в сторону:

— Что ж, генерал, неужто вы откажете мне в своих услугах, в своей шпаге, буде у меня явится нужда в них?

— Никогда!-ответил генерал.-Коль скоро отечествои Ваше королевское величество будет нуждаться в моей шпаге, она всегда в их распоряжении. Но сейчас у нас мир— значит она не нужна.

Впрочем, он готов был вернуться на службу ценой своего производства в генерал-адъютанты: тогда бы он подчинялся лично государю. Но Александр 1 отнюдь не расположен был вознаграждать Хлопицкого за ссору с цесаревичем, и генерал получил, наконец, отставку с правом ношения мундира.

После сейма 1818 года государь секретно поручил Новосильцеву составить проект конституции для России; под руководством Новосильцева этим занялся французский юрист Дешан / с участием Петра Вяземского /.

Бешеные капризы великого князя, раздражавшие поляков, заставили императора морщиться: Константин весь в батюшку! Государь сам был не слишком доволен поляками и вскоре после речи 15 марта напелся вынужденным прекратить публичность и гласность дебатов сейма и ограничить свободу тиснения, которою поляки не успели воспользоваться.

— Domine, salvum fac imperatorem et regem!-провозглашали ксендзы в костелах. — Боже, храни императора и короля!

Статный «император и король» милостиво улыбался своему польскому народу, но в глубине души испытывал досаду и разочарование. Поляки слишком много ожидали от него!

Кроме того, государя очень тревожила личная жизнь цесаревича.

Жена брата, великая княгиня Анна Феодоровна (из дома Саксен-Кобургов), покинула Россию в 1801 году и не проявляла охоты возвращаться. Цесаревич весьма неразборчиво вознаграждал себя за отсутствие супруги. Особенно длительной была его связь с красивой актрисой Фридрихс, которая в 1808 году подарила ему сына, крещенного Павлом / по дедушке/.

Госпожа Фридрихс сопровождала цесаревича в походе 1813 – 1814 годов, а с переселением его в Варшаву и сама там обосновалась. Их сын, Павел Константинович Александров, рос при цесаревиче.

Но уже в 1815 году на балу у старого Зайончека цесаревич встретил девушку замечательной красоты — графиню Жаннету Грудзинскую. Он страстно влюбился в нее и постоянно оказывал ей самые ясные знаки особого внимания, но панна Жаннета, не отталкивая его, держалась с безукоризненной скромностью. Великий князь увидел, что к ней одна дорога — по свадебному ковру.

Константин Павлович стал добиваться от матери и брата согласия на развод с великой княгиней Анной Феодоровной. Скандал его не тревожил: быть русским царем Константин и не собирался. Он слишком хорошо запомнил 11 марта 1801 года.

О разводе он заговорил давно — еще в ту пору, когда влюбился в княжну Четвертинскую, сестру известной Марьи Антоновны Нарышкиной, которая лишила государыню Елисавету Алексеевну внимания ее венценосного супруга и тем снискала своемусупругу. Дмитрию Нарышкину, пожалование обширных поместий в Тамбовской губернии. Но тогда в семье не захотели и слушать цесаревича. Теперь же Константин Павлович увидел колебания Марии Феодоровны и государя императора.

Наконец, императрица-мать изъявила свое согласие, но с условием, чтобы цесаревич вторым браком женился на одной из немецких принцесс.

Он ответил на это сочинением непристойной песни на тему брака с немецкой принцессой. Ему нужна была панна Грудзинская.

Константин Павлович решил твердо настоять на своем.

У этого кровавого шутника и «чудодея» была сильная воля — только всегда не хватало цели. Посредством своего черного юмора он выражал недовольство судьбой, сделавшей его наследником российского престола.

Однажды он спросил одного из своих любимцев — графа Миниха:

— Как ты думаешь, что бы я сделал, лишь вступил бы на престол?

— Знаю, ваше императорское величество: объявили бы войну Пруссии и отняли бы у нее Познань и Гнезно.

— Нет, не то.

— Так верно, постановили бы закон о разводе?

— Нет, не то.

Наконец, он схватил своего адъютанта за плечи, выкатил свои серые глаза из-за нависших / серых же / бровей и сказал:

— Все не то: повесил бы одного человека!

— Кого?

— Графа Николая Салтыкова — за то, что он воспитал нас такими болванами!

По случаю праздника в Павловске, 6 июня 1816 года, императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи, но старый поэт, не надеясь на свои стихи, поехал в лицей, передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из лицея уже со стихами... Из донесения Энгельгарта министру на другой день праздника видно, что стихи, написанные Пушкиным по поручению Нелединского-Мелецкого и Карамзина, пелись во время ужина, и за них Пушкин получил от государыни золотые часы с цепочкою.

Принц Оранский (позже голл. король) женился на сестре царя Александра I. Принц участвовал в битве при Ватерлоо, под начальством Веллингтона, и был ранен. Пушкин воспел все это в традиционном бравурно-классическом стиле. Позже он стыдился этой безделки, при жизни не публ.

Петербургские театралы

I.

В эпоху, когда закончились наполеоновские войны, Петербург имел три казенных труппы: французскую, немецкую и русскую.

Русская труппа давала прежде представления в большом русском театре, который был сооружен Тишбейном при Екатерине и перестроен Томоном. Однако в самую новогоднюю ночь с 1810 на 1811 год Большой театр сгорел. Полностью его восстановили только в 1818 году. Французы играли в Малом театре, построенном на Невском проспекте в 1801 году, а немецкая труппа в Кушелевском театре на Дворцовой площади: театральный подъезд приходился против главных ворот Зимнего дворца.

В 1819 году немецкая труппа закроется, а на месте Кушелевского театра России начнет возводить здание Главного Штаба, но покамест немцы разыграют свои жалостные мелодраммы и грубоватые «люстшпили» по соседству с царем всея Руси, а в ложах матроны в чепцах, солидные «хаусфрауэн» Васильевского острова, вяжут чулки, лишь изредка прерывая работу ради знаменитого монолога.

Из русских актеров особенно славится Алексей Яковлев и Екатерина Семенова.

Прославленный трагик Яковлев некогда был приказчиком в Гостином дворе, в лавке своего отца; вместо того, чтобы завывать покупателей, он целыми днями декламировал монологи из трагедий. На счастье в лавку однажды забрел некий театрал, послушал молодого сидельца, да и отвел его к Дмитриевскому. Старый актер взялся учить Яковлева, и скоро талантливый самородок дебютировал на императорской сцене. Он привел публику в неописуемый восторг, играя Дмитрия Донского в одноименной трагедии Озерова; он был вулканическим Карлом Моором а «Разбойниках» Шиллера; даже в мещанских драмах Августа Коцебу ему удавалось потрясать сердца. Но увы-силы и здоровье Яковлева точат национальный русский порог. Долгие годы он не может вырваться из плена у зеленого змия, борется с ним, бросает пить и запивает вновь.

Яковлев — партнер Семеновой. Это великая трагическая актриса — происхождение и во все простого: мать ее была крепостная девушка, отец — учитель кадетского корпуса Жданов. Он однако отдал дочку в театральное училище — и угадал! Выросла девушка античной красоты, с профилем греческой Камеи, с каштановыми волосами и синими глазами, которые кажутся еще синее от предлинных ресниц. Небольшой ее рост возмещается нивесьть откуда взявшимся благородством осанки и прямо-таки царственным величием. И с каким же грозным вдохновением эта незаконнорожденная играет королей! Героини Расина и Вольтера, шиллеровская Мария Стюарт, страдалицы из драм Коцебу: коронной ролью Екатерины Семеновны была Антигона из трагедии Озерова «Эдип в Афинах»: эту роль она сыграла сорок раз! Когда на французском театре играла знаменитая мадмуазель Жорж, весь театральный Петербург разделился на «жоржистов» и «семеновцев». Говорили, что Семенова многому научилась у мадмуазель Жорж: так или иначе, она «переиграла» француженку. Валберхова. Не выдержав соперничества с Семеновой, ушла со сцены в расцвете таланта в 1812 году, а через три года вернулась, чтобы играть только в комедиях, где величаво-вдохновенный гений Семеновой, оставил ей снисходительное успокоение.

Но кроме императорских театров есть еще частные, да какие! Есть и масса любительских спектаклей, ими увлекается большой свет — играла же в Трианоне королева-мученица несчастная Мария-Антуанетта, во дни веселия и славы. Театр и музыка составляет неотъемлемую часть хорошего воспитания.

Быть культурным человеком, un homme distingue — значит быть театралом.

Жизнь двора насквозь театральна.

Взять к примеру хотя бы знаменитый карусель 1816 года, данный в Павловске по случаю приезда в Россию принца Оранского, нареченного жениха великой княжны Анны Павловны.

Каруселем в эту эпоху называют уже не потешный турнир, не конное ристание или копейный бой, а просто военно-театральное действие под открытым небом.

Императрицы Мария Федоровна, августейшая хозяйка Павловска, явилась главной распорядительницею каруселя 1816 года.

Балетмейстеры Дидло и Огюст сочинили разнохарактерные танцы и пляски и устраивали группы. Драматическая, оперная и балетная труппы, хористы и воспитанники театрального училища заранее отправились в Павловск целым караваном казенных карет, линеек и фургонов. Местом каруселя избран Розовый павильон.

Перед ним на огромном пространстве представлен праздник победителей в недавней войне: живописные группы изображают военных разных наций, вдали виднеются лагерные палатки, знамена и разноцветные флаги, а последняя декорация, рисованная знаменитым Гонзагою, представляет Альпы и швейцарские домики. Костюмированные актеры перемешаны с победоносной гвардией, незадолго до этого воротившейся в Россию.

6 июня 1816 года, в 8 часов вечера начался праздник. Живую картину красиво озаряет заходящее солнце. Над балконом Розового павильона сделан нарядный шатер, под коим находится император Александр Павлович со своей семьей, принц Оранский, посланники и высшие сановники. Дивертисмент называется «Праздник в стане союзных армий при Монмартре» — музыку к нему написал Кавос. В дивертисменте поют знаменитая Сандунова (меццо-сопрано) и Нимфодора Семенова, сестра великой трагической актрисы. У Нимфодоры лирическое сопрано, но в основном она блистает красотой. Сандунова и Семенова поют в дивертисменте русские песни, а Василий Михайлович Самойлов, корифей оперы, — куплеты сочиненные на этот торжественный случай: он сильно робеет и путает слова. Но общий блеск и размах каруселя покрывают мелкие ошибки, почти неизбежные в таких делах. Блистательная публика Розового павильона следит в свои телескопы за каждым кадрилем. Смеркается — по всему саду зажигают иллюминацию; в нескольких местах устроены транспаранты с вензелями императора Александра и принца Оранского.

В «стане союзных армий» запылали костры, по аллеям расставлены военные оркестры и полковые песенники. Император с высоконаренченными женихом и невестой и со всею августейшею фамилиею катаются на линейках по саду, встречаемые шумными виватами. Ночь тепла, гвардейцы пируют у костров, мешая «камаринского мужика» с песенками Беранже. Веселье продолжается до восхода солнца.

II.

Первый балет, поставленный Карлом Дидло после возвращения из Парижа, был «Ацис и Галатея» на музыку капельмейстера Антолини. Ставили его на Малом театре — Большой еще не был отстроен после пожара. Дидло готовил «Ациса и Галатею» с обычным своим рвением, и толстая палка его не раз прогуливалась по икрам и спинам фигуранток и тансеров.

В то время в Малый на репетиции и спектакли постоянно сбитенщик, обычный бородач с огромной баклагой и кулем булок. Чай тогда еще не успел вытеснить сбитня из русского быта, сбитень пили все. Это сладкое и пряное питье, сваренное из меда с корицей, имбирем, кардамоном, мускатным орехом и прочими зельями, особенно хорошо было зимой; знатные дамы и господа в антрактах выходили на театра выпить горячего сбитню. Вот в Малый

театр и повадился ходить сбитенщик — его пропускали. В тогдашних балетах всегда было занято множество мальчишек и девчонок из театрального училища, они и составляли постоянную клиентуру сбитенщика.

Во время одной из репетиций «Ациса и галатеи» вместо прежнего за кулисами появился новый сбитенщик — громадного роста, с черной бородой, в шапке, нахлобученной на брови.

Впрочем в пыльной полутьме, царившей за кулисами, разглядеть его лицо было мудрено. С его появлением началась обычная кутерьма:

— Девицы, сбитенщик пришел!

— Девицы, ой, умру, пяточка не хватает!

Кто накидывал драный плащ на тюник, кто клянчилу приятелей гривенник, но когда приступили к сбитию, открылось неслыханное чудо: сбитенщик потчевал всех бесплатно!

И в баклаге его был не сбитень, а горячий шоколад, а кулек вместо сухарей и булок был наполнен конфетами, бриошками и бисквитами!

По всем уборным помчались гонцы, и тотчас сбитенщика облепила лакомая толпа театральных воспитанниц, которые пили шоколад, ели конфеты, хохотали и облизывали пальцы.

— Ай, девицы, он шалый!

— Дядя, тебя мамка с печки не роняла?

Глаза у этих рано умудренных девчонок так и горели: в воздухе пахло интригой. Инспектор училища, старик Рахманов (в прошлом прекрасный комический актер), услышал о «шалом» сбитенщике и тотчас смекнул, в чем дело. Пыхтя и отдуваясь, он поспешил к месту происшествия. Но едва его тучная фигура показалась в коридоре, как веселая компания с визгом кинулась врассыпную. Сбитенщик бросил свою баклагу, стаканы, пустой кулек и саженными шагами выбежал из театра. Он вскочил в ожидавшие его дрожки и был таков.

Через неделю весь Петербург рассказывал, как поручик лейб-гвардии уланского полка Якубович переделался сбитенщиком, обманул аргусов театра и передал любовную записку своей пассии — воспитаннице Дюмон. Он был известный кутила и бреттер. Гвардия в ту пору еще пользовалась большими вольностями, а уланы были самыми отчаянными озорниками в гвардии, а Якубович — первейший из них. Этот театрал то и дело наезжал из Стрельны в Петербург, его любовь к музам выражалась в дерзких проказах, за которые он почти не сходил с гауптвахты.

Карл Дидло не зря старался: «Ацис и Галатея» был подготовлен в срок. Его дали 30 августа 1816 года — в день тезоименитства государя императора.

Ациса представляла Марья Новицкая, первая танцовщица того времени, а в роли Галатеи дебютировала семнадцатилетняя Авдотья Истомина. У нее были черные волосы, огненные глаза, и самые придирчивые лорноты не сумели отыскать изъяна в ее сложении. Ее Галатея была мечтательной и нежной, и сам Дидло сказал ей после премьеры свое драгоценное «к а р а ш о». Истомина скоро вошла в моду.

III.

В 1816 году гусарский поручик Александр Грибоедов вышел в отставку и поселился в Петербурге, где зачислился в Государственную Коллегию иностранных дел. Туда же в 1817 году угодил свежее испеченный коллежский секретарь Пушкин.

Компанию они водили разную. Другьями Грибоедова оказались серьезные люди: Кюхельбекер, Греч, Шаховской и Катенин. Отставной гусар поразил столицу блистательной образованностью и желчным остроумием. Рассказывали о мрачной любовной драме, об измене любимой девушки (еще в Москве), об оргиях Грибоедова в литовской глуши: он служил адъютантом Кологривова, который во время войны командовал войсками резерва. Грибоедов был знаменит тем, что въехал на бал верхом на коне; однако он не позволял напоминать ему об этом.

Строгие воззрения на искусство привели его к архаистам из Беседы любителей русского слова, которая недавно распалась из-за смерти Державина, дававшего ей и приют, и свой авторитет. Старые архаисты во главе с Шишковым сделали своим бастионом Российскую Академию, молодые же сплотились вокруг Катенина. Тех и других отличала упорная вражда к карамзинизму.

А Сапу Пушкину чуть не на руках внесли в «Арзамас», озорной клуб карамзинистов, где занимались они поеданием гусей и осмеянием Беседы. У всех арзамасцев были прозвища из баллад Жуковского: князя Вяземского называли Асмодеем, Дашкова — Чу, Пушкина очень удачно окрестили Сверчком, а генерала Орлова (Михаила) прозвали Рейном.

Эпизодом этой литературной борьбы явилась в 1817 году комедия «Студент», написанная Грибоедовым и князем Шаховским. В ней осмеивалась чувствительность и манерность карамзинистов, мелкота их писаний и мечтательный романтизм Жуковского. В ней были блестящие подлинного комизма, но в целом «Студент» написан тяжело.

В том же 1817 году мир театра был повергнут в траур смертью Яковлева. Последнее время он пил мертвую чашу, и никто не сумел остановить его. . . В сущности, этого несчастья ожидали. Быть может, поэтому гораздо сильнее Петербург был поражен другою смертью 1817 года — смертью не актера, а театрала. Эта злополучная история произошла из-за красавицы Авдотьи Истоминой.

Счастливым обожателем балерины был кавалегард Василий Шереметев, тративший на ее содержание крупные суммы. В то же время в числе ее поклонников выделялся сын екатерининского фаворита, камер-юнкер граф Александр Завадовский.

Граф жил на одной квартире с Грибоедовым: они были ровесники, и молодой дипломат принимал участие в сердечных делах приятеля. Грибоедов часто встречал Истому на «чердаке» князя Шаховского, но сам никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Его вообще считали в свете мизогинном (женоненавистником).

В ноябре 1817 года Авдотья Истомина как-то поссорилась с Шереметевым, и Грибоедов тотчас пригласил ее к себе — выпить чаю после спектакля. Она согласилась, но, боясь

ревности Шереметева, предложила Грибоедову подождать ее с санями у Гостиного двора, к которому она подъедет в казенной театральной карете.

Все исполнилось по ее плану. Из кареты она пересела в сани к Грибоедову и поехала пить чай. Однако Шереметев следил за ними до самой квартиры.

Друг Шереметева лейб-улан Александр Якубович, теперь уже штаб-ротмистр, посоветовал вызвать Грибоедова, а сам взялся вызвать Завадовского. Две картели одновременно явились к виновникам чаепития.

Грибоедов предложил ревнивцу поменяться местами: пусть Шереметев стреляется с Завадовским, а он, Грибоедов, — с Якубовичем. На том и порешили.

Условия были приняты необычайно жестокие: расстояние — восемнадцать шагов и сходить до шести. Местом двойной дуэли избрали Волкова поле, в секунданты пригласили доктора Иона гусара Каверина (друга Пушкина).

Дуэль состоялась 12 ноября 1817 года. Первыми стрелялись соперники — Шереметев и Завадовский, оба отличные стрелки.

Шереметев выстрелил, не дав врагу дойти до барьера: пуля оторвала край воротника на сюртуке Завадовского.

— А! Так он хотел убить меня!-крикнул граф. — К барьеру!

Бледный доктор Ион стал уговаривать его пощадить жизнь Шереметева. Завадовский уступил — он объявил, что не собирается убивать противника, а лишь легко ранит его, чтобы оставить отметину на память.

Тогда Шереметев, забыв все дуэльные приличия, в бешенстве крикнул:

— Вы должны убить меня, не то рано или поздно я убью вас!

Завадовский вскинул пистолет и, почти не целясь, выстрелил в корпус противника. Шереметев не сдержал стоны.

Он повалился. Зажав обеими руками прострелянный живот. Секунданты подбежали к нему.

Он корчился от боли. Розовая пена закипала на его губах. В глазах вместо бешенства появилось тупое изумление.

— Вот тебе, Вася, и репка! — сказал Каверин, не раз выдавший такое выражение лица и глаз на полях сражений.

Истекающего кровью Шереметева понесли к саням. Доктор Ион успел только пролепетать:

— Рана скверная.

Якубович подошел к Грибоедову.

— Прощу прощения, — отрывисто сказал он, — не согласитесь ли вы отсрочить наш дуэль до более благоприятного времени?

— Согласен, — мрачно ответил Грибоедов.

Они обменялись безукоризненно-холодными поклонами. Якубович прыгнул в сани на место кучера и ударил по лошадям.

Страшная тоска овладела Грибоедовым, когда после трехдневных мучений Шереметев умер.

Пуля Завадовского пробила ему живот и засела в левом боку. Врачи не могли спасти его.

Грибоедов беспрестанно видел перед собой Шереметева — как он извивается на снегу, зажимая живот. Виновен ли он был в этой смерти? В сущности, виноваты были все.

Эта история наделала много шума. Завадовский навсегда утратил придворную карьеру. Якубович был сослан на Кавказ. Грибоедова спустя полгода назначили секретарем русского посольства в Персию — отправили в почетную ссылку.

Истомина вступила в зенит своей славы.

IV.

«Чердак» князя Шаховского, а летом его петергофская дача в Емельяновке, недалеко от взморья, служили центром петербургского театрального мира. Бескорыстный энтузиаст, член Российской академии, шепелявый учитель декламации, он умел с необычайной ясностью донести до малообразованных русских актеров мысль драматурга и ревностно вколачивал в них правильную интонацию и безупречную дикцию. Из-под его ферулы вышло немало талантов: под его руководством делали первые шаги на сцене и Семенова, и Валберхова, и юный Вася Каратыгин. Актеров князь учил вечерами, а с утра запирался в своем рабочем кабинете и писал одну за другой свои бесчисленные комедии, драмы, водевили — самый плодовитый писатель тех лет.

Главными фигурами классического кружка, собиравшегося у Шаховского, были штабс-капитан Преображенного полка Павел Александрович Катенин, отставной гусар Грибоедов и его друг Андрей Жандр. Они держались далеко не одних мнений с князем Шаховским, мыслили масштабнее, искали большого стиля на русской национальной основе. Катенин в особенности отличался смелой новизной идей. Такие люди хладнокровно относятся к любым авторитетам. То было единственно живое ответвление в бозе почившей Беседы любителей русского слова.

Противоположным полюсом литературы был «Арзамас», созданный Блудовым, Дащковым, Батюшковым, Вяземским и Василием Львовичем Пушкиным. Серьезность тут считалась признаком классического, т.е. дурного тона, а потому ее изгнали с заседаний «Арзамаса». Председатель надевал красный колпак — сувенир Якобинского клуба, а бессменный секретарь Василий Жуковский, носивший почетное прозвище «Светлана» по лучшей своей балладе, оставлял на этих заседаниях свою возвышенную меланхолию и заморскую чертовщину, чтобы писать комические протоколы в прозе и стихах, исполненные шуток и пародий в адрес архаистов, Российской академии и ее президента адмирала Шишкова. Впрочем, озорство «Арзамаса», простиралось и на подлинную поэзию, коль скоро она принадлежала перу из чужого стана. Сам Державин и его славная «Ода на смерть князя Мещерского» не избежали пародирования в одном из протоколов, выдержки из которых ниже следуют:

Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, краткий, но отличавшийся тем необыкновенным остроумием, которым одарила меня благосклонная судьба, и члены, глядя на меня с умилением, радовались, что я им товарищ; а я не гордился нимало, напротив, с свойственной мне скромностью принимал их похвалы за одни выражения дружбы и достаивал друзей моих снисходительной и весьма для них улыбкой. Его превосходительство я же был введен с церемонией в храмину заседания. . . Меня ввели, и все лица просияли. . . Я произнес клятву, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев Беседы. Потом отверзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника. Члены отдали справедливость моему красноречию смехом и шумными плесками. А почтенный президент Чу весьма удачно похвалил мои различные достоинства в краткой речи, в которой не забыл упомянуть и о моем друге месяце, за что я ему вечно останусь благодарен. . . Все это было заключено ужином. Гуся не было, и каждый член, погруженный в меланхолию, шептал про себя:

Где гусь? — Он там! — Где там? — Не знаю.

В это Телемское аббатство карамзинизма и романтики Пушкин был принят еще в бытность его лицеистом. Здесь его знали наперед, его предвкушали. И он не обманул надежд «Арзамаса»!

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,

О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Он не льстил и не притворялся: ведь за этими шутниками была историческая правда — новый поэтический язык. Но из всех арзамасцев ни один не был способен использовать этот язык для создания крупных форм. Потому-то они возлагали такие надежды на Пушкина, писавшего еще с Лицея, как они знали, поэму в совершенно новом роде.

Но они не знали еще необыкновенной переимчивости Пушкина и его инстинктивного отвращения ко всякой школе и закону. За его дерзкими комплиментами Карамзину и Жуковскому скрывалась абсолютная независимость.

Он хотел быть везде и увидеть своими глазами все. Он любил балы и танцы, был своим на блестящих вечерах у графини Лаваль, а в конце 1817 года очень часто посещал изысканный салон княгини Голицыной на Большой Миллионной. Очаровательная и целомудренная красота этой дамы, жившей в обоюдной-согласной сепарации от мужа, произвели на Пушкина сильное впечатление. По крайней мере, сам Карамзин счел нужным написать Вяземскому 24 декабря 1817 года:

«Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом.»

Голицыну в свете прозвали *la Princesse Nocturne*, потому что ее вечера затягивались до четырех часов ночи. Пушкину до безумия нравился ее поэтический лепет, несмотря

на крайний монархизм и религиозную экзальтацию. Красивая женщина в его понимании имела право на любые глупости!

Но была у него еще одна страсть — любовь к театру. И эта страсть рано или поздно должны была неминуемо привести его на «чердак» князя Шаховского. Года не минуло после выхода Пушкина из Лицея, а он уже начал изменять «Арзамасу» с Катениным и Грибоедовым. Шаховской с похвалой отзывался о даровании Пушкина, Грибоедов, Катенин и Жандр снисходительно ласкали талантливую мальчишку, предвидя в нем ценного перебежчика. На «чердаке» Шаховского вечно было множество молодых актрис, здесь составлялась театральная политика и решались сценические карьеры. Это было дьявольски интересно!

И к тому же эти серьезные люди тоже умели шутить...

V.

Пушкины жили в Коломне, у Калинина моста, в доме Клокачева; они вечно нуждались. По выходе из Лицея Саша Пушкин очень скоро возненавидел Коллегию иностранных дел, куда был определен, и стал рваться в гусары, к своим друзьям — Каверину, Чаадаеву и прочим. Но Сергей Львович Пушкин отказал сыну наотрез: жизнь гусарского офицера требовала больших расходов. Он соглашался на поступление Александра только в один из пехотных полков гвардии.

— Благодарю покорно!-в бешенстве сказал Александр и начал вести жизнь гусара без мундира.

У Пушкиных в парадных комнатах, освещаемых канделябрами, стояли богатые старинные мебели; зато в других — одни голые стены, даже стульев не было, и вечерами зажигались копеечные сальные свечки. Некормленные клячи Пушкиных шатались, таща их дедовский выезд. Большая дворня была одета в рванье, всегда хмельна и драчлива. Детям своим Пушкины почти не давали денег на мелкие расходы и ели кое-как.

Денежная зависимость о отца доводила Пушкина до разлития желчи. Вошли в моду большие башмаки с пряжками, Александр умолял отца купить ему такие. Сергей Львович в ответ отыскал и торжественно преподнес сыну свои башмаки — времен Павла I. Разразилась кошмарная сцена. Саша бесновался, сравнивая отца с Гарпагоном. Сергей Львович, весь багровый, кричал:

— Taisez-vous, o fils ingrate! Они еще совсем целые!

Биографический отдел

Биографический отдел

Интервью с заместителем главного редактора журнала «Назирровский архив» Сергеем С. Шауловым*

Сергей, расскажи о своих первых впечатлениях (о которых ты помнишь) от встречи с Ромэном Гафановичем Назировым.

— В моём случае это важное уточнение: впечатления, о которых я помню. Потому что есть встречи, о которых я помню, но есть и встречи, о которых я знаю. Встреча, о которой я знаю, это семейная байка. Моя мама, ныне профессор В. В. Борисова, меня притащила в гости к Ромэну Гафановичу то ли трёх-, то ли двухлетним. Назиров, посмотрев на резвящегося меня, выдал вердикт, что мальчик будет «умным, но нервным». А моя встреча с ним состоялась в 1994 году, мне было 13 лет, потому что мы переехали из Павлодара в Уфу летом, и когда мы устроились, мама пришла со мной в гости к Назирову. Жили мы до этого в Казахстане. И первая фраза, с которой он обратился к моей маме, была шуточной: «Валя, он на казаха стал похож!» Дальше разговор я детально не помню, хотя помню ощущение от этого разговора. Он вызывал уважение, то есть чувствовался масштаб личности. Я был в ту пору широко, но бессистемно начитан, интересовался восточными религиями. И помню, мы с ним долго разговаривали об индуизме. Он что-то рассказывал про Кришну в своей лёгкой беллетристической манере: «Смеялся, любил девушек, ходил по Индии». В духе того, как он читал лекции, только с поправкой на близкую дистанцию и, вероятно, на возраст собеседника: он сидел на своём любимом диване в зале, куря. А я - на стуле сбоку от стола и мы с ним беседовали. Маме почему-то показалось (она потом это высказала), что он несколько надо мной подсмеивался. Потому что у меня, естественно, были пробелы в образовании, в культурологических представлениях. При разговоре я этого не почувствовал. В ту встречу я не помню Тамару Николаевну. Может быть, она была на работе или куда-то ушла. А где-то через неделю они пришли с ответным визитом. Там всё прошло благостно. Запомнилась деталь. Он обувался, когда они уходили, я подал ему ложку для обуви. Он с апломбом ответил: «Нет-нет, я ещё могу наклониться». Наклонился и поправил язычок обуви.

— **Молодился?**

— Да, молодился. Мне было сложно оценить, но он не производил впечатления старческой немощи в ту пору.

— **Но выглядел он как старик?**

*Беседовал главный редактор «Назировского архива» Б. В. Орехов.

— Я видел уже более глубоких стариков уже в ту пору. Я не скажу, что он выглядел дряхлым. Он выглядел как пожилой человек, но слабости не чувствовалось, хотя это было три года после первого его инсульта. Он, видимо, полностью восстановился. Потом какое-то общение, вероятно, было. Я не помню, чтобы меня водили к нему специально. Наверное, встречались ещё до поступления, может быть, пару раз. Потом я поступил на филфак.

— **А на решение поступать на филфак его личность не оказала влияния?**

— Нет, я тогда всё-таки не представлял эту личность в полном объёме. То есть не оказала. Решение поступать на филфак было отчасти паллиативным. Мне хотелось ехать в столицы, но это было невозможно по ряду причин. Одна из первых лекций (может быть, не в первый день, а на второй-третий) была его лекция по курсу «Культура и религия» и она, конечно, поразила и этот курс дал, по сути, больше всего остального, что было в этот первый год обучения. Мне сразу стало понятно, что эти занятия пропускать я не должен. И на первом курсе не пропустил ни одного его занятия, а он у нас вёл, между прочим, ещё и введение в литературоведение. Этого экзамена очень боялись, но мне было ясно, что я его сдам, хотя и готовился на совесть. Ну, во-первых, я понимал, что он не станет меня «валить» ни в каком случае. При всей своей объективности он мог иногда «пойти навстречу». Если бы я был абсолютным двоечником, он бы не ставил мне пятёрки-четвёрки, но и выкинуть с филфака тоже не дал бы. В моём случае это облегчалось тем, что я был отличник (и отличник без особых усилий, что тоже развращало). Этот экзамен я сдал легко, хотя там проявилась резкость его характера. Впервые я увидел её, когда он на лекции нарычал на опоздавших девушек. Он лекцию не читал по бумажке, у него могли быть какие-то схемки в руках (пункты плана), а так он говорил свободно, спонтанно, мог увлечься, симпровизировать и так далее. Это, естественно, требовало сосредоточения. И когда на первом курсе (ещё не выучили, что нельзя так делать), когда девочки могли завалиться в аудиторию, он мог один раз строго зыркнуть, второй раз смолчать, но не везло третьей партии опоздавших, потому что они получали рык: «Что это такое!». Было видно, что он так может.

— **В одной из прошлых биографических публикаций (кажется, в «Диалог. Карнавал. Хронотоп» в воспоминаниях Марии Рыбиной¹) написано о том, что это было обусловлено почти режиссёрской постановкой лекции, лекция была своеобразным спектаклем, а опоздавшие нарушали ход действия. Насколько это так?**

— Я не уверен, что это был именно спектакль. Эта мысль дискуссионная. Мне кажется, что не было жёстко заготовленной речи, потому что даже по тем конспектам для себя, которые мы сейчас имеем, видно, что он читал не прямо по ним. Он что-то компоновал, что-то мог добавить в текущем режиме. Потом он же общался с аудиторией. Он мог пошутить, мог что-то спросить, мог вступить в небольшой диалог. Всё это требует от преподавателя сосредоточения именно на самом процессе выстраивания лекции. Когда вдруг за спиной хлопает дверь, естественно, у горячего увлечённого человека это вызывает отрицательную

¹«Диалог. Карнавал. Хронотоп». 2009. № 2. С. 136.

реакцию. Он мог так прорычать. На экзамене там был другой инцидент. У нас была такая девица, несколько скандальная, которую мы обозначим как А. Х. Я не знаю, чего она начиталась, а может быть, начиталась и перевирала то, что начиталась, а может быть, ничего не начиталась. В общем, она начала с ним спорить и вышла за рамки корректности, что-то ему резко ответила, он взбеленился и прогнал её: «Вон отсюда!», несколько театральным аффектированным жестом указав на дверь. Справедливости ради, он мгновенно успокоился, то есть ни на ком это не отразилось. То есть следующая девица садилась отвечать, дрожа и думая, что преподаватель разозлился, но нет, она нормально сдала. А на пересдаче эту А. Х. он принял опять же без проблем.

— **Вы говорите, что уже на первой лекции по предмету стало понятно, что это тот предмет, который нельзя пропускать. Что было ключевым в понимании именно такого статуса этого предмета?**

— Для меня ключевым было то, что я не просто узнаю новое (я уже тогда знал, что всё, что я захочу изучить, я смогу изучить самостоятельно), а мне дают то, что я самостоятельно не достану так просто. Мне дают систему. Мне это интуитивно стало понятно сразу.

— **А в чём проявлялась системность? Это же не были простые перечисления?**

— Да. Это очень сложный вопрос. Я боюсь соврать, тем более, что я, конечно, переношу мысли себя сегодняшнего в себя тогдашнего. Я вряд ли рассуждал именно в таких категориях. Это, конечно, было интуитивно. Наверное, системность получалась из того, что он непрерывно увязывал сказанное на этой лекции, на прошлой, и эта мысль не прерывалась. Как очень часто читают курс истории религии очень часто? Вот прошли архаику, первые земледельческие цивилизации (Междуречье, Египет), что-то рассказали, первый монотеизм. Потом (если входит это в курс) — бац! — перенеслись на Дальний Восток и возникает впечатление дискретности. У него этой дискретности в лекциях не было. Надо посмотреть, видно ли по методичке, что это единая линия. Притом, что там происходило то, что нам говорили на семинаре, на котором мы докладывали о «Происхождении мифов. . .»: постепенное сужение. Он начинал с архаики, брал Дальний Восток, а потом всё приходило к Европе и финалом был русский Серебряный век, наше философское возрождение. Этим он заканчивал свои лекции. На последних лекциях у него, кстати, сидело меньше народу, потому что он переходил к более сложной проблематике. Пока там шла речь об архаике (которую он умело подавал, шокировал там, где надо, давал интересные детальки, которых у него было множество) студенты охотно ходили слушать, а вот когда начиналось Возрождение, усложнялась философская проблематика, между религией и искусством вырастала философия, там народ начинал потихоньку «сваливать». Я сидел и последние лекции мне дали больше, потому что кое-что я к тому времени почитал (особенно из русской философии), а что-то начитал потом уже с его подачи. Плюс на первом курсе я у него не стеснялся что-то спрашивать. Ну, и потом не стеснялся, но тут мог подойти прямо на перемене, и он мне говорил, кого следует ещё почитать. От него я, например, услышал, что экзистенциалистов XX века лучше читать немецких (или немецкоязычных), связанных с Хайдеггером.

Фамилию Ясперса я от него услышал на первом курсе. «Миф. Символ. Образ», лосевская книжка. Он же мне указал. То есть он давал такие направляющие, и я в ту пору это впитывал.

— **Судя по твоим воспоминаниям пятилетней давности² ты иногда наблюдал и за реакцией аудитории: были студенты, которые не записывали, потому что не хотели отвлекаться от созерцания лектора.**

— Да, были такие, но это были девочки. На них он производил сильное впечатление. В ту пору он не был дряхлым и не чувствовалось в нём слабости. Это был мужчина. И у меня такое впечатление, что многие девочки ходили туда на него посмотреть: сядут, голову на локоток положат и смотрят влюблёнными глазами. Может быть, я слегка преувеличиваю, но такие впечатления были.

— **То есть аудитория делилась на тех, кто слушал, и тех, кто созерцал.**

— Но некоторые, конечно, ходили отбывать номер, неизбежный балласт: типа вот поступили, на лекции делали вид, что писали, но и они периодически отвлекались, потому что яркая деталь привлекала их внимание. Это были в основном парни, которые туда попадали, чтобы избежать армии, как часто бывало в ту пору.

— **По тому что было сказано в начале, понятно, что у вас были некоторые, скажем так, личные неформальные контакты до поступления в университет. Продолжалось ли это после поступления?**

— Я не чувствую разницы. По собственной инициативе я в ту пору прийти к нему домой не мог. Не то что он бы меня не принял или выгнал, но как-то это было неприлично. Вместе с матерью по приглашению — да. А так он меня отличал. Ну, во-первых, у меня была базовая подготовка выше, чем у любого моего однокурсника просто потому что я что-то читал по теме до занятий. Он, конечно, это отмечал хотя бы по вопросам, которые я мог задать ему на перемене. Это одно. С другой стороны, не только я задавал ему вопросы, он вообще служил центром притяжения. Наблюдая, как он разговаривает с другими, я не могу сказать, что в университете он меня как-то демонстративно выделял. Нет, он равным образом полно и стараясь быть максимально понятным отвечал на вопросы любого студента. Даже на глупые вопросы. Иногда мог отшутиться, если уж совсем глупость спросят, как вот девочка только ради того, чтобы приблизиться и задать вопрос. Особого к себе отношения я с его стороны не чувствовал. Более того, когда потом стали ясны довольно быстро мои интересы (западная зарубежка, немецкий модернизм, философия), он дал понять, что ему они не нравятся, и он ждёт меня в аспирантуру по его специальности, но ни разу не позволил себе воздействовать, хотя нашёл бы аргументы. Но я как-то сам понял, что научный руководитель в его лице — это самое крупное, что у меня может быть, и пошёл к нему. Но научное руководство было довольно странным.

— **А вот это решение идти к нему как к научному руководителю — когда состоялось?**

² «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 2009. № 2. С. 133.

— Ну, понятно, что на третьем курсе не шла речь об аспирантуре, хотя про меня шутили, что я с первого курса принят в аспирантуру. Хотя это не связано с Назировым. Но я сам понимал, что в армию я не хочу, с военной кафедры я ушёл, значит, надо что-то стараться делать. При этом я пошёл на кафедру XIX века на третьем курсе ещё не строя конкретных планов.

— **Это просто была специализация.**

— Да. Ясно, что из кафедр филфака эта была единственной, где я могу оптимально существовать.

— **На нашем курсе распределение состоялось на втором году обучения.**

— Но мы же на третьем писали курсовую.

— Да.

— Ну, может быть, формальное распределение состоялось на втором, но у меня этого момента не сохранилось в памяти. Может быть, это было настолько формальным моментом, что я об этом не помню. Я не могу сказать, что это было осознанным движением. Это опять же было ощущение интуитивной предначертанности. Вот на втором курсе я думал, не пойти ли на зарубежку. Но потом подумал: да ну! Там, вроде как пожётче со студентами общаются. С другой стороны, придётся сильно подтягивать немецкий, а трудиться в эту сторону мне совершенно не хотелось. Я пошёл по пути наименьшего сопротивления, тем более, что это не было паллиативом. А на третьем курсе был момент выбора курсовой. «По чему будешь писать?» Я говорю: «Мальчик у Христа на ёлке». Я там накатал какую-то дикую курсовую страниц на шестьдесят.

— **Дикую в каком смысле?**

— По объёму. В ней были какие-то юношеские идеи. Одну я впоследствии развил и это даже одна из моих первых публикаций уже аспирантских времён. Но по содержанию это, конечно, был реферат, очень добротный, тем более, что у меня был доступ к литературе. Что-то он, кстати, сам мне принёс, книгу статей Роберта Джексона.

— **Он охотно давал литературу?**

— Студентам-третьекурсникам не очень охотно. Дипломникам давал, и разрешал что-то у себя там смотреть. Они к нему ходили на консультации и группами, и поодиночке. Он очень мощно руководил, на самом деле. Но про это я ещё расскажу. Мне он дал эту книгу, но, опять же, я не думаю, что потому, что он меня выделял как-то особо, а потому что понимал, что я не потеряюсь. И даже если потеряюсь, эту книжку есть с кого спросить.

— **Руководство было странным?**

— В моём случае. Объясню, почему. Он как-то с самого начала дал мне полную свободу. Он сказал однажды, что нам надо бы на кафедре гоголеведа. И потом несколько раз повторял с намёком «займись Гоголем». Я внаглую сначала сказал, что буду писать о «Мальчике у Христа на ёлке», потом на четвёртом и пятом курсе были «Братья Карамазовы», и он с этим согласился. Дипломную бакалаврскую (мы были первыми магистрами, а после четвёртого курса как раз можно было пойти в магистратуру) работу он мне дал. . . я боюсь,

что не припомню точно формулировку. Звучала она что-то вроде «Евангельский аспект детской темы «Братьев Карамазовых»». Написал я в итоге нечто совершенно иное. По сути, это были первые главы магистерской работы — об античном и средневековом контексте «Братьев Карамазовых». Он пожал плечами, сказал «Ну хорошо», что-то поправил уже перед защитой. Потом в магистратуре указал ещё пару книжек. Одну, которой у нас тогда не было, по-моему, дал. Это был Р. Бэлнеп «Структура «Братьев Карамазовых»».

— **Сколько у вас было рабочих консультаций на четвёртом курсе?**

— Именно рабочих немного. Сейчас тоже расскажу. Он помог с формулировкой темы, когда выяснилось, что я хочу хронологически расписать весь контекст романа. Естественно, идея была бредовая и неисполнимая. Он и этого не сказал, хотя к теме отнёсся иронически, была усмешка. В итоге это его формулировка — «культурный фон». Рабочих консультаций было немного, просто потому что я ему не носил куски текста.

— **А он не просил?**

— А он не просил. Но мы разговаривали на какие-то другие темы.

— **На кафедре или у него дома?**

— У него дома реже, я редко к нему заходил. Во-первых, это было уже когда ушла Тамара Николаевна. Мне всегда казалось, что я ему мешаю. Мне кажется, как ни странно, что дома он был более закрытым.

— **У меня такое же впечатление. Но со мной он никогда не был особенно открытым.**

— Да и со мной не был. Он жаловался, что нет гоголеведа на кафедре, имея у себя в архиве изрядное количество законченных трудов по Гоголю. Так что я не могу сказать, что он как-то был со мной открыт. На кафедре мы с ним разговаривали. Плюс была история, что раз в неделю мы шли домой и нам было по пути и по дороге разговаривали. Я начал увлекаться Башлачёвым и носил ему эти статьи. Первый раз он бросил: «Ну принеси». Он их читал. Я приношу — а он садится и начинает читать, правит опечатки, стиль, делает пометки. Он не критиковал, мне кажется, что читал с интересом. Во всяком случае, он именно читал, не просто просматривал. С Башлачёвым он, видимо, был не знаком. Я ему приносил кассеты, он сказал, что послушал, наверное, не соврал, но не впечатлился. Но его и Высоцкий не впечатлил, как мы знаем по дневникам. Пример классика высоковедения показывает совершенно обратное. Когда я в своё время Сергею Михайловичу Шаулову принёс «Таганский концерт» Башлачёва, он на следующий день был в восторге: «Великолепно!». Назиров отнёсся с холодным интересом. Единственное, что было сказано: «Надо большими вещами заниматься». Правки к работам он делал стилистические.

— **А вот эта сцена чтения ваших статей при вас же происходила на кафедре?**

— Нет, это дома. Статьи я таскал к нему домой. На кафедре были разговоры консультативного характера. Он часто увлекался и мог рассказать что-то дополнительное с уходом в биографии того или иного персонажа. Он мне рассказал биографию Гегеля в своё время. Не так резко, как в «Становлении мифов...», но в том же ключе.

— В чём чувствовалась его закрытость? В том, что он ничего не говорил о себе лично? Или просто в какой-то микроимимике?

— Бог его знает. Это было ощущение.

— Но о себе он ничего не рассказывал?

— Он как раз мог что-то рассказать. Не помню, по какому поводу это было сказано, по поводу какой-то моей идеи или текста (кажется, при завершении магистерской), но он сказал, что не надо бояться. Он развил какую-то мою мысль. Мне показалось, что это слишком смело. «А ты не бойся. Пока молодой, не надо бояться. Я вот в молодости часто ошибался и завирался, но всегда верил в то, что говорил, и это действовало». Какие-то вещи о себе он мог рассказать.

— Но не о сиюминутном, не в том духе, что вот «сегодня очень громко во дворе работала бригада ремонтников».

— Да, это были байки. Они ни к чему не обязывали. Строго говоря, это даже не есть откровенность. Он мог рассказать о себе анекдот. Но не что ел на завтрак, и не о своих чувствах и эмоциях по каким-то важнейшим жизненным событиям.

— О семье же не рассказывал? О сыновьях?

— Нет. Я тоже слышал эту историю про ссору с сыном Станиславом из-за трактовки «Гамлета», но не от него. Но он бы и мне мог рассказать, он это рассказывал всем, он был возмущён. Надо спросить у Станислава, в чём там был спор. В деканате рассказывал, насколько я помню.

— Но это ведь не рассказ о сыне, это рассказ о Гамлете.

— Он мог сказать, что у него женился сын и «Ах, какая красивая у него немка». Но это опять же не есть откровенность.

— Это всё происходило в ситуации общения научного руководителя и студента. Но вы же с матерью продолжали ходить к нему в гости?

— Я не помню, чтобы я на старших курсах ходил к нему вместе с матерью. Во-первых, курсе на четвёртом я поездил на достоевские конференции, и хорошо понял, что мне надо формировать своё собственное имя в науке о Достоевском, поэтому там был момент дистанцирования вплоть до того, что я не пошёл на его день рождения как раз по этой же причине. Потом пришёл отдельно и поздравил. Глупо, конечно. . .

— Как думаешь, заметил ли он это дистанцирование?

— Может быть, и заметил.

— Это в чём-то проявилось?

— Может быть, в подталкивании к методологии. Потому что примерно об эту же пору или, вернее, лет за пять до этого, он консультировал мою мать по докторской (сама формулировка её темы, «этноконфессиональный синтез» — его), а меня толкал в совершенно другую сторону: Лотман, с его подачи я начал интересоваться постструктуралистами («почитай этих французов»). Я почитал, мне не понравилось. Он не ответил на это моё «не понравилось», но у меня есть впечатление, что остался доволен. Он нигде о них прямо

не отзывается, но, конечно, то, что пишет Деррида, ему не близко. Он из предшествующей генерации теоретиков что-то для себя выбирал.

— **То есть он не стремился руководить в режиме ручного управления, а давал коридор направления и возможностей?**

— По большому счёту, мне он давал даже не коридор, а полную свободу. Куда хоти — туда лети. В каких-то случаях он осаживал. Я не припомню конкретики, но пару раз он именно разругал идею. Он похвалил идею акцентирования рецептивной природы полифонизма у Достоевского. Может быть, главное, что есть в моей диссертации — это идея, что диалогизм — это феномен рецептивный, а не структурный. Структура не полифонична, она единая и завершённая. Он её похвалил, хотя она ему не была близка, так как всё-таки понимал полифонизм как элемент поэтики.

— **Но если он давал такое широкое поле возможностей и направлений, в чём проявлялось подталкивание к методологии?**

— Он говорил: «Почитай Лотмана».

— **То есть лети куда хочешь, но Лотмана почитай?**

— Это опять же не было указанием. Я видел, как он руководит другими. Он же «вёл» других дипломников.

— **А в этой системе «я и Назиров» другие присутствовали? Было ли ощущение ревности?**

— В какой-то момент оно у меня возникло, потому что я увидел, что другими он реально руководит. А потом, когда донеслась до меня эта фраза, сказанная маме, что «он не литературовед, а литератор» или «скорее, литератор», я обиделся. Я как раз всерьёз свою фантазию осаживал, когда этим занимался. И в какой-то момент мне показалось, что он мной пренебрегает. Тогда же я начал работать в газетах, ему это не нравилось. Сначала он подумал, что это мама меня подталкивает. Она рассказывала, что он ругал её: «Зачем ты заставляешь его работать?» Она: «Ничего я не заставляю, он сам». Мне он ничего не высказал на эту тему, но когда я пару раз просрочил ему что-то, он сказал: «Вы, Серёжа, разбрасываетесь». Он был со мной на «вы». Я понимал, что мы не в тех отношениях, чтобы он мной пренебрегал. Сейчас я понимаю, что он отчасти обижался, что каким-то его советам я не следовал, каким-то следовал не так.

— **Мы знаем, что он был обидчив.**

— Он был обидчив.

— **Это как-то себя проявляло?**

— Я не удостоился серьёзных обид. Наверное, его могло иногда коробить какое-то моё поведение. Я могу пообещать, что через две недели принесу статью, а появилось через два месяца. Потом ему не нравилось (и он высказывал это, через мать, мне лично он ничего такого не говорил, хотя я бы принял это от него), что на четвёртом курсе я фактически перестал учиться, тем более, что начались какие-то идиотские предметы, типа психологии, экономики и прочего. Я мог неделями не появляться на филфаке. Я мог раз в неделю

прийти на его же лекцию, потом спокойно уйти, провожаемый тёплым взглядом декана. Там были серьёзные проблемы: на совете факультета вставали англичанки и говорили, что Шаулов не ходит. На английский мне совершенно было неинтересно ходить.

— **Мне кажется, английский сдавали в середине третьего курса.**

— Ну, может быть. Значит, это воспоминания ещё с третьего курса. Он меня защищал в этих случаях.

— **Какова была интенсивность контактов с ним в динамике? Начиная с первого курса потом через бакалавриат и к магистратуре?**

— На первом курсе интенсивно внутри университета, после лекций. Может быть, один-два раза в неделю я мог подойти поговорить. На втором курсе меньше, он тогда ничего у нас и не вёл. На третьем курсе тоже. Активизация произошла на четвёртом курсе. Там нужно было писать бакалаврскую работу. Я мог пройтись с ним раза два в месяц, он ходил по коридору в перерыве между занятиями, курил и бросал сигарету в угол. Это было гениально, всех поражало всегда. В магистратуре я редко к нему заходил, может быть, раз в месяц. Заходил я к нему только домой, в БГУ не было поводов пересекаться. Только если он специально назначал там встречу. Мама меня подталкивала ходить чаще. Она пару раз говорила, что Ромэн Гафанович, наверное, обижается, что ты к нему не ходишь. Я этой обиды не чувствовал, но по нему сложно было судить, каково ему на самом деле. Может быть, это было легче ученикам старшего поколения, которые его дольше знали, лучше в нём разбирались.

— **Но ты всё-таки ощущал себя в конце как один из его главных учеников?**

— После защиты магистерской. Во-первых, он был ею доволен, хотя и критиковал в некоторых аспектах. Доволен, даже весьма. Кажется, она убедила его в моей способности работать систематически, сосредотачиваться и выдавать концепцию. В аспирантуре отношение ко мне потеплело. Во-первых, у аспиранта другой статус, он может зайти на кафедру посидеть. Это мелочи, но значимые мелочи. Я стал приглашаем на кафедральные чаепития. Может быть, не на все, но всё-таки. Но моя аспирантура длилась недолго: я поступил в 2003-м. Мы определили тему изначально как «Структура «Братьев Карамазовых» в историческом контексте». Это ему было близко, потому что в определённом смысле это была частная и довольно хилая, но параллель к его докторской, где тоже представлено историческое развёртывание структуры, более глубоко, чем у меня в кандидатской. Вот эти полгода он был мной доволен.

— **А ты чего-то ожидал от этого руководства? Ты представлял себе, как это будет — писать диссертацию под руководством Назирова? Это должно было быть так же, как раньше, или иначе?**

— Я не то что надеялся, я планировал, был уверен, что я сейчас начитаю материал (я действительно первые полгода начитывал плюс время ушло на экзамены, плюс семейные заботы), расширю и дополню материал магистерской, а потом я представлял себе это так: мы возьмём и начнём обсуждать новые планы. Я планировал именно плодотворно подробно

обсуждать. И, строго говоря, даже начал. В декабре 2003-го года я ходил к нему гораздо чаще.

— **И такого не было раньше?**

— Нет. Но опять же это я стал проявлять инициативу. Он всегда эти диалоги поддерживал. Это были плодотворные обсуждения. Тогда он указал мне на Пинского, но своего у него не было — кто-то зачитал. Он попытался разыскать, ворчал, что ничего невозможно в доме найти.

— **Мы знаем, что в некотором неопубликованном документе, написанном незадолго до смерти, Назиров говорит, что отныне главной его заботой становится продвижение молодых талантливых людей, а про себя он может уже забыть, ему недолго осталось. Там нет тебя.**

— Там вообще не названо имён.

— **Нет, там названо несколько человек.**

— Там упоминаются ученики более старшего поколения.

— **Да, но это не закрытый список. Как ты думаешь, тыходишь в число тех, кого он имел в виду?**

— Думаю, что нет. Что значит «продвигать»? Возить с собой на конференции? Но он сам почти не ездил. Я плохо себе представляю, что он имел под этим в виду. Что он реально мог? Да, он, безусловно, был уважаем. И, между прочим, я прекрасно помню, что когда приезжаешь магистрантом на какую-нибудь конференцию по Достоевскому и тебя спрашивают, у кого вы пишете (по-моему, я так познакомился с Котельниковым), отвечаешь «у Назирова», и реакция: «О!» Вот это «о!», когда говоришь имя своего научного руководителя, этим он мне помогал.

— **Не активно.**

— Я думаю, что он понимал, что у меня есть дополнительные возможности, связанные с ранним вхождением в этот круг. В момент аспирантуры моя научная карьера уже началась. Меня в Старой Руссе уже знали, знали, что есть такой, что он делает приемлемые доклады, можно его звать, иногда можно его послушать. Он понимал, что это состоялось и без его организационного и интеллектуального участия.

— **А его интеллектуальное участие в тебе насколько ощущалось, учитывая дистанцирование, с другой, преподавание системы?**

— Оно было, более того, я думаю, что какие-то мои представления об истории культуры, его стадияльном/нестадияльном развитии, которые сейчас во мне живут, идут от Назирова, и, возможно, не во всём отрефлексированы. Мы это как-то с тобой обсуждали: начинаешь с людьми говорить о поэтике романа и вдруг обнаруживаешь, что то, что для тебя очевидно, человек воспринимает как новость. Это отчасти последствия назировского воспитания. Влияние, конечно, было. Другое дело, что я испытывал множество разнородных влияний. В какой-то момент могло показаться (и могло так действительно быть), что эти влияния перекрывали назировское. Тут и влияние родителей, тут и влияние философии, в которую

я периодически нырял очень надолго. Как раз в конце магистратуры, начале аспирантуры я собрал всего Хайдеггера, который выходил на русском языке. В последние годы я пропустил несколько изданий, но тогда я аккуратно подчищал, заказывал и так далее.

— Ну вот я слышал от одного из преподавателей философского факультета Башкирского университета, что этот преподаватель рассчитывал, что ты будешь его аспирантом и перед тобой (с его точки зрения) стояла некоторая ситуация выбора, идти на философию или в литературоведение. И в какой-то момент, с точки зрения этого преподавателя, Назиров настолько загрузил тебя работой, связанной с литературоведением, что ты вынужден были отказаться от философии.

— В магистратуре такого выбора уже не стояло. Ясно было, что я пойду в аспирантуру по специальности 10.01.01. Этот выбор реально стоял на 4-м курсе, когда я мог пойти в магистратуру по философии, соответственно, с дальнейшей аспирантурой. И преподавательница, о которой ты говоришь, тянула меня к себе, открыто агитировала, как раз перед магистратурой, на 4-м курсе. Я тогда сознательно отказался, понимая, что для диссертации важен научный масштаб и статус научного руководителя.

— То есть это был твой выбор, а не диктаторское влияние Назирова?

— Нет, Назиров меня не загружал. Это было непохоже на его обычное обращение с дипломниками. Не было такого, чтобы он дал мне 10 книг и сказал: «прочти за неделю». Или чтобы он каждый месяц требовал от меня по 5 страниц диплома или диссертации. Он мне про мою курсовую напомнил за три дня до её сдачи: «Вы собираетесь сдавать курсовую, Серёжа?»

— Выбор был обусловлен масштабом личности?

— Масштабом личности.

— Насколько ты отрефлексированно подходил к тому, чем этот масштаб объясняется? Или это было ощущение?

— Я тогда уже понимал, что он и философски подкован лучше, чем наши философы. Я понимал, что за этим стоит больший научный вес в своей области. Это был сознательный выбор. Может быть, преподаватель, о котором мы говорим, эту версию подхватил и от меня, я мог ей сказать что-то такое, чтобы ей было не обидно. Что-то она досочинила, потом сама поверила в эту версию. Никому не хотелось конфликтов.

— В конце 2003 года у Назирова резко ухудшилось состояние здоровья, и в какой-то момент с его подачи (для меня это произошло через посредство Дины Гафановны) нас с тобой пригласили для разбора архива. Для меня это был период самого тесного общения с Назировым, самого глубокого проникновения в его интеллектуальный быт.

— Для меня тоже.

— Наверное, будет полезно, если ты расскажешь со своей точки зрения об этом эпизоде, об ощущениях, которые его сопровождали, о воспоминаниях.

— Во-первых, мне было интересно. Я слышал от матери, что у него есть архив, много написанного неизданного. Мне было интересно, и я пошёл.

— **Не робел?**

— Я его всегда робел в каком-то смысле. И в аспирантуре он вызывал у меня некоторую робость. Всегда было некоторое напряжение. Расслабиться в его присутствии я никогда себе не позволял. Потом, если бы всё иначе сложилось, он бы не умер, я бы закончил кандидатскую, начал работать, это было ушло, наверное. Но я всегда его робел и именно поэтому иногда нахальничал.

— **То есть не только интерес, но и дополнительный thrill.**

— Да. Когда всё это началось, я был поражён объёмом. Я представлял себе всё иначе, в виде мамино архива: два-три десятка папочек. Ага! Я был поражён и тогда у меня начался какой-то разворот, и возник вопрос, который я так и не решился ему задать: почему это всё не публикуется?

— **Первое, что бросалось в глаза, это всё-таки очень плотно уложенные тетрадки на полках.**

— Нет, мне не это бросалось в глаза. Мне почему-то запомнились плотные стопки машинописи. Они лежали на столе, он их укладывал в папки, давал нам и говорил, что надписывать. Я спросил, что это за работы, он сказал, что это неизданное. Я не знаю, сколько этих папок было, может быть, память рисует это преувеличивая, но запомнились эти толстые стопки. Там некоторые папки надписаны моим почерком.

— **Какие были ощущения от взаимодействия с ним по поводу этих рукописей?**

— Он стал человечнее. Предстал в неожиданном ракурсе. В быту я плохо себе его представлял. Пришёл, поговорили, предложит чай попить. И вот эта маленькая советская кухонька. . . И всё равно есть ощущение причащения. Он не бытом занимается, он нисходит до быта. Это ощущение было не только у меня. Два моих однокурсника рассказывали, что они сели выпивать в пивнушке напротив его дома (сейчас там пиццерия) и с восторгом, захлёбываясь, рассказывали (причём это был курс 4-й), что заходит, дескать, Назиров, спрашивает себе 50 грамм водки, выпивает, закусывает, подмигивает и уходит. Спрашивается, в чём причина для восторга? Ну, человек на морозе, идя домой с работы, зашёл в рюмочную, выпил рюмку водки, закусил бутербродом, подмигнул своим студентам и пошёл. А в его исполнении это производило большое впечатление. Как в том эпизоде, который я как-то рассказывал, когда жена должна была родить примерно в момент защиты магистерской: «Я эту защиту отменю», — сказал Назиров. Ничего особенного не было сказано, но когда это говорил он, это производило впечатление, как будто Зевес решил наши проблемы.

— **А откуда это шло? Это от нашей заданности его восприятия или он его формировал?**

— Не знаю.

— **Может быть, это тяжёлое наследие советской педагогики, которая нам навязывала особый образ преподавателя?**

— Вот это точно нет. Никакого особого пиетета я не испытывал перед другими преподавателями. Я понимал, что нужно быть вежливым, статус, авторитет. . . Но пиетета не было. Некоторое уважение, смешанное со страхом кто-то вызывал, но и то из-за сложности предмета. Я был молодой, наглый, стипендиат того и сего. Я наглел, периодически справедливо за это получал.

— **Ты шёл туда, чтобы посмотреть, что там есть.**

— Как в пещеру Али Бабы.

— **Насколько ожидания оправдались?**

— Почитать нам ничего тогда не удалось. Но объём поразил. Поразили названия, чувствовалось, что это что-то мощное. Сам Назиров стал как-то ближе. Робость осталась, пиетет остался, но я бы сказал, что отстранённость ушла. Он стал человечнее, понятнее.

— **Это было обусловлено знакомством с архивом или его состоянием? Он ведь всё-таки был болен.**

— Нет, когда он болел, его характер портился.

— **Он всё-таки плохо говорил, плохо двигался.**

— Что он плохо говорил, я не помню. Дышать ему было тяжеловато, но говорил он нормально.

— **У него не двигалась часть лица.**

— Не знаю, может быть, ты наблюдательнее. Я не помню этого. Я прекрасно помню, что в больнице, когда он пришёл в себя на второй день после операции а я пришёл к нему и принёс «Караван истории», который он любил читать для отдыха, там как раз был обед, он пошёл в столовую, а операция была тяжёлая, он еле ходил, но бодрился, шёл сам. Там были ступенечки, я даже не подумал, рефлекторно поддержал его за руку. Он накричал на меня в этом больничном коридоре: «Я не инвалид! Я прекрасно себя чувствую! Что вы себе позволяете?» То есть он среагировал так, что я думаю, если мог бы — он бы мне врезал. Я думаю, это его ещё больше бесило, что он не может врезать физически. Он был в ярости. Нemoшь его, скорее, злила. Но в момент предыдущий, когда мы разбирали архив, мне он казался сосредоточенным и благостным. Его самого эта деятельность успокаивала. Может быть, он так отвлекался от необходимости оперироваться.

— **Почему он позвал именно нас?**

— Я бы не хотел отвечать на этот вопрос, потому что ответ будет воспринят как само-реклама.

— **Запомнилось ли тебе что-то из его художественных опытов тогда?**

— Нет. Вроде бы, он взял черновик какой-то прозы, пролистал, бросил его в мусор и сказал: «Сколько времени потрачено зря!» Но это и ты помнишь.

— **Я спрашиваю, потому что у меня на тот момент в голове было серьёзное разделение и я считал, что литературовед — он литературовед, и он не пишет прозы. Для меня тогда было бы удивительно узнать, что Назиров пишет что-то художественное. Потом, уже после смерти Назирова, я встретил на улице**

одного из членов кафедры, сказал, что мы разбираем архив, и обнаружили там стихи. Мой собеседник сказал: «Надо же! Значит, он тоже этим баловался».

— Я не рефлексировал на эту тему тогда. Более того, если бы увидел, для меня это было бы менее интересно. XX веком я интересовался больше зарубежным, и то, скорее, первой половиной. Из второй половины только латиноамериканцами. Я бы вряд ли заинтересовался. Плюс к тому, я в тот момент уже знал, что у него есть какие-то художественные произведения.

— **Откуда?**

— Скорее всего, от матери. А она либо помнила какие-то его первые публикации, либо что-то видела когда-то. Для меня это не представляло ни интереса, ни проблемы. Что-то литературоведческое я бы с удовольствием прочитал у него новое неизданное. Я тогда понял, что диссертация гораздо больше, чем автореферат. Хотя все эти папки я воспринял как черновики. Во всяком случае, я не припомню момента удивления, что у него есть полный текст диссертации.

— **Сразу перед операцией и сразу после операции...**

— Я помню до операции конкретный момент. Мы пришли к нему с мамой. Он всех собрал: я с мамой, Дина Гафановна, Людмила Ивановна Брянцева и Рима Ханифовна Якубова. Там зашла речь о том, что он может умереть, и он, кокетничая, сказал, мол, «все распоряжения делаю при вас»: квартиру туда-то, книги туда-то, рукописи туда-то. Сделал такие распоряжения, явно рисуясь, и добавил: «вы все свидетели».

— **Его отношение к рукописям?**

— Оно было деловым. Он много выкидывал, не испытывал пиетета к своим рукописям. Мы вынесли тогда два мешка «мусора». Он рвал или комкал тщательно. Это я запомнил. Над рукописями он не трясся. Он тщательно смотрел каждую бумажку, и если она казалась ему ненужной с практической точки зрения, он без особой злобы, не колеблясь, отправлял её в утиль. Какую-то особую эмоцию только в связи с разорванной открыткой Фридлендера я помню.

— **При этом бумажки, которые могли понадобиться в грядущей работе, он оставлял. То есть надежда на продолжение работы у него была.**

— Да, у меня сложилось впечатление, что он целенаправленно всё раскладывал. Правда, я должен сказать, что я не помню в тогдашнем его раскладывании рабочих его бумажек, этих листочков... Это была машинопись и рукописи, я даже тетрадей не очень помню.

— **Были и бумажки, и вырезки.**

— Мне не запомнились. Я помню связку тетрадей по истории эстетических учений. У меня было впечатление, что он выкидывает то, что не нужно, и оставляет то, что должно остаться, делает это сознательно и осознанно. И это было видно. Я помню, что он из каких-то рукописей, просматривая их, мог из середины взять два листа и выбросить их. Может быть, это были тетради. У меня есть чёткое ощущение, что он осознавал возможность смерти, её опасность, может быть, предчувствовал что-то, но надеялся и верил, что будет жить.

Исследования

Исследования

«Провинциальный часовщик» Р. Г. Назирова и традиции криминальной литературы (жанровый комментарий)

О. В. Федункина

Российский государственный гуманитарный университет

Незаконченная повесть Р. Г. Назирова «Провинциальный часовщик» (согласно датировке Б. В. Орехова, работа над ней велась предположительно в конце 1981 — начале 1982 г.), обнаруженная в его архиве и открывающая совершенно новую область в наследии ученого, очевидным образом связана с традициями предшествующей и современной автору криминальной литературы и является своеобразным откликом на нее. Эта связь прямо заявлена и в авторских маргиналиях, которые могли бы составить предисловие к повести: «Детективная повесть, написанная целиком штампами, с редкими искорками отстранения» (набросок, озаглавленный «Экспериментальная задача»¹), и в самом тексте: «Значит, моя повесть — не результат личного опыта и наблюдений. Ничего такого и не думайте. Это просто плод запойного чтения детективов-от Эдгара По до братьев Вайнеров. Подумалось мне: а чем я хуже? Попробую»; «Вот нарочно буду писать штампами. Чего ради писатели их боятся» («Пролог и обращение к читателю (одновременно)»). К сожалению, повесть не была дописана, сохранился лишь план, в котором намечено дальнейшее развитие сюжета (включая появление ложного подозреваемого — прозрачная для отечественного читателя отсылка к «Эре милосердия» бр. Вайнеров, хотя мотив, конечно, уже использовался первым из сформировавшихся криминальных жанров, классическим детективом: см., например, «Тайну Боскомской долины» А. Конан Дойля). Однако жанровое своеобразие «Провинциального часовщика» в достаточной мере проявлено и в существующей части. Попробуем разобраться, какие же «детективные штампы» имел в виду автор и откуда они пришли.

На первый взгляд, повесть Р. Г. Назирова вполне вписывается в традицию милицейской литературы (или, пользуясь выражением А. Вулиса, «производственных романов из жизни милиции»²) — советского аналога полицейского романа. Сотрудники милиции провинци-

¹Пользуемся случаем поблагодарить Б. В. Орехова за возможность ознакомиться с рукописью повести и авторскими маргиналиями. Здесь и далее текст повести цитируется по рукописи, номер главы указывается в скобках.

²Вулис А. Поэтика детектива // Новый мир. 1978. № 1. С. 258. См. также его книгу: Вулис А. З. В мире приключений. Поэтика жанра. М., 1986. Попытка описать жанровый инвариант милицейской повести

ального городка начинают расследование очередного преступления. . . Метод расследования — командный, осуществляемый профессионалами и основанный на четком соблюдении всей процедуры³ (главный герой утверждает, что в милиции «нет дела без длинной бумажной волокиты», гл. I), причем в этой команде персонажи выделены по их функциям и профессиональным навыкам: начальник (подполковник Иван Павлович Портнов), эксперт Саша Коровин, лейтенант Ахметов, врач Шварцман. Казалось бы, перед нами структура, типичная для полицейского романа с поправкой на его советский (или, точнее, соцреалистический) вариант⁴. Однако в самом существенном повесть Назирова выпадает из этой традиции.

Главное отличие связано с появлением героя иного типа, который получает приоритетную роль в расследовании. Официальное следствие не может раскрыть преступление, не прибегая к помощи «добровольца угрозыска» (гл. VII). Такая модель совершенно не свойственна советской криминальной литературе, где право установления истины принадлежит исключительно представителям официальных структур (причем личная инициатива отдельных сотрудников здесь не поощряется: вспомним хотя бы «Дело пестрых» А. Адамова, где действующий по собственному почину герой чуть не проваливает все дело и предстает после этого перед «товарищеским судом»). В повести Назирова появляется непрофессиональный сыщик, добровольно помогающий следствию и по своей эрудированности и способностям — что важно — во многом превосходящий сотрудников милиции. Вполне заурядная внешность контрастирует с этими качествами героя, что специально отмечается повествователем: «Если писать по-тургеневски, то Василий Тимофеевич Заблуда — это стройный мужчина неполных тридцати лет, весом в 75 кило, с пшеничными, слегка вьющимися волосами. Лицо у него самое простонародное, не актерское, не киногоеничное, но смекалистое и готовое к улыбке; зеленые глаза его широко расставлены, зубы крепкие и белые. Такие нравятся женщинам, но Василий и по сей день не женат. Человек он совершенно нормальный, и по его спокойной осанке нипочем не распознать ни его исключительную физическую силу, ни его ловкость» (гл. I).

Это несоответствие внешнего облика и скрытых способностей соотносится с разными гранями личности героя, объединяющего в себе официальную профессию часовых дел мастера (правда, «лучшего в городе»), художника-любителя и сыщика-волонтера, помогающего городской милиции распутывать уже не первое дело. Мы можем предположить, что его талант художника отсылает читателя к пресловутой скрипке Шерлока Холмса, — и, веро-

и выделить разные линии ее развития предпринята нами в работе: Федунина О. В. Структура повествования и проблема точек зрения в советской милицейской повести: А. Адамов и П. Нилин // Нарратология и компаративистика. М., 2015. С. 328–337.

³Особая роль процедуры и ее строгого соблюдения в полицейском романе отражается в номинациях этого жанра, используемых некоторыми исследователями: Dove G.N. *The Police Procedural*. Bowling Green, Ohio, 1982; Hausladen G.J. *Places for Dead Bodies*. Austin, 2000 (подраздел «The Police Procedural Genre / Жанр полицейского процедурного романа»).

⁴О жанре полицейского романа см.: Кириленко Н. Н., Федунина О. В. Классический детектив и полицейский роман: к проблеме разграничения жанров // Новый филологический вестник. 2010. № 3 (14). С. 17–32.

ятно, не ошибемся. Но, в отличие от «классического» сыщика Холмса, Василий Заблуда как будто не берется за криминальные загадки по собственному почину, действуя исключительно по просьбе друга-эксперта и милицейского начальства, да и то неохотно.

«Профессия Шерлока Холмса» героя не привлекает, равно как «бумажная волокита», без которой немислимо официальное расследование. К тому же, самый тип однообразных преступлений, с которыми приходится иметь дело милиции, вызывает у него откровенную скуку: «Преступления неинтересные. Не стоит руки марать об этом жулье! Расследовать квартирные кражи да воровство на складах — дело нудное. Единственный миллионер наш уже сидит, вместе со всею компанией. <...> А ты, я вижу, эстет! — в сердцах сказал Портнов» (гл. I). Итак, перед нами герой, требующий необычного преступления и столь же необычного расследования, которое можно вести, не особо утруждая себя «бумажной волокитой».

Рискнем предположить, что Назиров опирается здесь на иную жанровую традицию, отличную от сложившихся моделей полицейского романа и классического детектива, — на «авантюрное расследование». Этот криминальный жанр, сформировавшийся уже в творчестве Э. Габорио, Г. Леру и М. Леблана, благополучно развивающийся и в настоящее время (ряд произведений Б. Акунина, К. Изнера, с некоторыми оговорками — Макса Фрая), долгое время не рассматривался как самостоятельный и лишь недавно был определен в таком качестве Н. Н. Кириленко. В статье ««Авантюрное расследование» или классический детектив»⁵ исследовательница разграничивает названные выше жанры криминальной литературы и впервые выделяет следующие характерные черты «авантюрного расследования», убедительно опираясь при этом на бахтинскую трехмерную модель жанра:

1. странное или громкое, но не обязательно гротескное, в отличие от классического детектива, преступление (о гротескной избыточности применительно к криминальной литературе, но с опорой на концепцию М. М. Бахтина, Н. Н. Кириленко много пишет в другой своей работе, «Детектив: логика и игра»⁶ ;
2. преступник, не обязательно исключительный по своим способностям;
3. основной субъект расследования также утрачивает обязательную гротескность, которая отличает сыщиков классического детектива (достаточно вспомнить Холмса или Пуаро с их избыточным самолюбием, склонностью к театрализации поведения и т.д.). Основная мотивировка участия авантюрного сыщика в расследовании — не только противостояние злу, нарушающему нормальное течение жизни, но и удовольствие от игры, в частности с противником. Он не обладает непогрешимостью классического сыщика, «лишается неременной монополии на знание истины»⁷ , попадает в ловушки,

⁵Кириленко Н. Н. «Авантюрное расследование» или классический детектив // Новый филологический вестник. 2012. № 2 (21). С. 80–95.

⁶Кириленко Н. Н. Детектив: логика и игра // Новый филологический вестник. 2009. № 2 (9). С. 34.

⁷Кириленко Н. Н. «Авантюрное расследование» или классический детектив // Новый филологический вестник. 2012. № 2 (21). С. 85.

но и выбирается из них. Отсюда, по мнению Н. Н. Кириленко, идет важная роль случая в произведениях этого жанра;

4. метод расследования-рационально-игровой, как в классическом детективе, с еще более акцентированной ролью мотивов слежки, охоты и т.д.;
5. хронотоп «авантюрного расследования» характеризуется чередованием быстрого/медленного времени и замкнутого/разомкнутого пространства;
6. наконец, что особенно для нас важно, Н. Н. Кириленко подчеркивает, что «авантюрное расследование» является гибким жанром и легко образует контаминации с другими жанрами, в частности, и с классическим детективом...»⁸.

Однако при сопоставлении повести Назирова с этой матрицей обнаруживаются лишь частичные совпадения. Так, преступление сначала кажется обыкновенным, но, тем не менее, не может быть раскрыто привычным методом; с чрезвычайно яркой фигурой нарратора связана открытая рефлексия над жанром в тексте повести (ср. с наблюдениями Н. Н. Кириленко о субъектной организации произведений об Арсене Люпене); наконец, сыщик-доброволец, чья профессия вынесена в заглавие повести, обладает знаниями и способностями, которых лишены его коллеги по расследованию.

Но метод, который использует герой «Провинциального часовщика», принципиально отличается от свойственного «авантюрному расследованию». Успех Василия Заблуды в роли сыщика складывается из его наблюдательности, знания не слишком известных фактов из области литературы и живописи, аналитического дара и интуиции («Никакой моей заслуги в этом нет, — ответил Вася.— Просто сошлось несколько наблюдений, а потом как молния сверкнула. Из мелочей-то ведь и бьет интуиция, все нужно сначала под микроскопом рассмотреть», гл. I). В этом списке отсутствует то, что сделало бы героя действительно *авантюрным* сыщиком — умение и желание вести игру как ради раскрытия дела, так и ради самой этой игры. Ему попросту скучно играть роль поклонника Марты Сторецкой, чтобы добиться от нее новых сведений о личности жертвы и девочке с обнаруженной в доме убитого фотографии: «Вася уже со скукой подумывал о том, что и ему придется разделить сомнительную честь ее неисчерпаемой страсти. . . » (гл. VII). Вспомним в этом контексте Лекко у Габорио, с его любовью к переодеваниям и другими атрибутами игрового поведения («Преступление в Орсивале», «Дело № 113»), не говоря уже об Арсене Люпене Леблана. Отношение героя «Провинциального часовщика» к необходимости действовать под чужой личиной куда ближе к сыщикам из милицейской литературы (ср. с той же «Эрой милосердия» Вайнеров, где внедрение в банду не доставляет Шаралову никакого удовольствия, но причиняет страдания). Можно даже сказать, что в повести Назирова игру в какой-то степени ведет сотрудник милиции, Ахметов, вовремя догадавшийся припугнуть свидетеля, тогда как Часовщик ошибочно предлагает просить его о помощи.

⁸Кириленко Н. Н. «Авантюрное расследование» или классический детектив // Новый филологический вестник. 2012. № 2 (21). С. 91.

С таким необычным типом героя коррелируют и другие особенности поэтики. Здесь практически нет характерного для «авантюрного расследования» чередования быстрого/медленного времени. Действие происходит «в наши дни» (Пролог), однако корни преступления уходят в военное прошлое, причем, как и бегло намеченная предыстория главного героя (характерный прием для милицейской литературы и советского шпионского романа: «Эра милосердия» Вайнеров, «Тайна Стонущей пещеры» А. Шебалова⁹). Время здесь не столько чередует свое быстрое и медленное течение (расследование длится так долго и поначалу безуспешно, что начальник милиции уже собирается сдать его в архив), сколько движется скачками между обнаружением новых фактов в деле или их истолкованием, замирая в промежутках. То, что происходит в этих паузах, читателю не показано.

Что касается пространства, то, прежде всего, место действия — некий условный город Н., что опять-таки больше характерно для другого криминального жанра — шпионского романа¹⁰ (см., например, «Ошибку резидента» О. Шмелева и В. Востокова). Условная номинация этого города становится предметом ироничной игры нарратора с воображаемым адресатом-читателем: «Во глубине России есть город — промышленный центр областного значения, с педагогическим институтом, музеем, театром и старинной библиотекой. Он стоит на железной дороге, от него три часа езды до крупного областного центра. Где находится город, какая это область — не спрашивайте. Если даже догадаетесь, я не скажу ни «да», ни «нет»» (Пролог). Для «авантюрного расследования» такая условность, очевидно, не слишком характерна (в «Преступлении в Орсивале» Габорио это даже отражено в заглавии), равно как для полицейского романа, где место действия обычно привязано к территории, за которую «отвечает» данное подразделение милиции или полиции (цикл Макбейна «87 участок»). По аналогии со скачкообразным, но однородным по своей природе временем пространство также утрачивает свои открытые области. Убийство, допросы свидетелей и т.д. — все это помещено автором в принципиально замкнутое пространство, подобно тому как причина преступления скрыта в личной жизни жертвы и ее тайнах. Исключение — самое первое пересечение с этим делом начальника милиции, чья встреча с будущей свидетельницей Ингой Лаврентьевой происходит на границе улицы и ресторана (т.е. открытого и замкнутого пространства). Все остальные перемещения героев вне помещений не изображаются подробно, упоминания о них носят жестко функциональный характер (Заблуда перебегает из столовой в горящее здание моментальной фотографии, чтобы спасти улики и пострадавшего, затем едет в Москву для проверки своих предположений).

Такие особенности хронотопа соотносятся с фактически полным исчезновением из сюжета линии, связанной с частной жизнью сыщиков, которая обычно тесно переплетается с расследованием и в полицейском романе («Личный враг полицейских» Макбейна, «Дело пестрых» Адамова), и в «авантюрном расследовании» («Тайна Желтой комнаты» Леру,

⁹Близость этих жанров в советской литературе отмечена в книге: Тух Б. Крутые мужчины и кровожадные женщины. Кто есть кто в русском детективе? Таллинн, 2006. С. 71.

¹⁰Кузнецова А. В., Федунина О. В. Советский шпионский роман периода «оттепели»: к проблеме жанрового инварианта // Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 136.

«Полая игла» и «Зубы тигра» Леблана). Впрочем, справедливости ради можно все-таки назвать редкие примеры, когда в полицейском романе эта линия сведена к минимуму («Маска смерти» Баантьера, «Точки и линии» Мацумото). В повести Назирова частная жизнь сыщика-волонтера показана очень скупо, по сути, все сводится к двум фрагментам, когда сотрудники милиции дважды посещают дом Василия. Во многом дублируются описания ужина с приготовленными матерью героя пельменями, разве что во время второго визита сыщики попадают и в «кабинет» хозяина дома, в описании которого акцент делается на стенах, заполненных пейзажами (герой — художник-любитель). Что касается любовной линии, то она и вовсе едва намечена упоминанием о портрете «первой любви» Василия на его письменном столе. Жизнь его напарников по этому расследованию вообще не показана вне их профессиональной деятельности. Все это можно считать явным отступлением от жанровых традиций и «авантюрного расследования», и милицейской литературы, о которой В. М. Разин писал (впрочем, не совсем точно), что «это книга за жизнь, а не о раскрытии преступлений, но так как люди, о которых повествуют авторы, в числе прочего занимаются еще и расследованием разного рода преступлений, то стоящий писатель вряд ли избегнет соблазна провести и эту линию, хотя не она является главным в милицейском романе»¹¹.

К сожалению, мы лишены возможности подробнее узнать, как продолжалось бы дальше повествование и какова была бы развязка. Скорее всего, все закончилось бы благополучной поимкой убийцы, но при верно установленном сыщиком-волонтером мотиве — мести — едва ли можно ожидать однозначной этической оценки и личности жертвы, и преступления. Кстати, такой сюжетный ход, при котором убийца вызывает куда больше сочувствия у сыщика, чем жертва, встречается и в полицейском романе («Негодяй из Сефле» П. Вале и М. Шевалль), и в «авантюрном расследовании» (см. убедительные примеры, приведенные Н. Н. Кириленко), и в классическом детективе («Этюд в багровых тонах», «Горбун», «Убийство в Эбби-Грейндж» А. Конан Дойля, «Убийство в Восточном экспрессе» А. Кристи). Внимательно проанализировав основные аспекты поэтики «Провинциального часовщика», мы видим, что эта повесть, скорее всего, не принадлежит в чистом виде ни к одному из рассмотренных жанров криминальной литературы, но является контаминацией двух доминирующих в ней жанровых традиций «авантюрного расследования» и полицейского романа. Это вполне соотносится с авторской задачей представить читателю «плод запойного чтения детективов — от Эдгара По до братьев Вайнеров» (Пролог).

Однако рискнем выдвинуть гипотезу, что именно с таким смещением разных жанровых традиций связана и *незавершенность* произведения как целого — согласно определению Е. В. Абрамовских, речь идет о «как сознательной, так и неосознанной авторской установке на внутреннюю или внешнюю незаконченность текста, наличие в нем лакун, темных

¹¹Разин В. М. В лабиринтах детектива: очерки истории советской и российской детективной литературы XX века. Саратов, 2000. URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/Detectiv/index.htm>.

мест»¹². Парадоксальным образом слишком богатый «творческий потенциал»¹³, заложенный в тексте Назирова, препятствует его завершению, и замысел оказывается не реализованным в полной мере. Также и в методе расследования раскрывается лишь одна сторона личности героя, сочетающего в себе черты часовщика-профессионала и художника-любителя, рациональное и творческое начала. Это последнее оказывается доступным для героя лишь в сфере частной жизни, но не при раскрытии преступления, тогда как логика развития этого образа, логика дальнейшего построения повествования и сюжета в соответствии с опорой на определенные жанровые традиции требовали гармоничного сочетания обеих линий.

До сих пор мы говорили только о месте «Провинциального часовщика» в криминальной литературе. Однако аналогичным образом в этом произведении остается не до конца воплощенной и модель *повести* как канонического эпического жанра. Н. Д. Тамарченко выделяет следующие ключевые элементы ее инвариантной структуры: «Центр сюжета повести, как и всякого циклического сюжета, составляет *испытание* героя (в более или менее явной форме — прохождение через смерть). Но в этом жанре оно связано с необходимостью выбора. . . и, следовательно, с необходимостью этической оценки автором и читателем решения героя (или его отказа от решения)»¹⁴. Однако в повести Назирова выбор героя, определяющий все дальнейшее развитие сюжета, совершается уже в самом начале, когда Часовщик присоединяется к расследованию. Причем если причины, по которым герой отказывается переходить на постоянную работу в милицию, изложены подробно, его согласие участвовать затем в расследовании конкретного дела особо не мотивируется. Об этом упоминается почти мельком, после описания осмотра места убийства. Получается, что герой оказывается втянутым в расследование как бы стихийно, его рефлексия по поводу итогового решения отсутствует, а между тем именно этот выбор делает возможным все, что будет описано далее. Жанровая структура повести требовала бы или углубления во внутренний мир Часовщика, показанный очень скупо, или, напротив, ухода в изображение внешних опасностей как косвенного следствия совершенного героем выбора. Ничего этого, однако, не происходит, а «нападение на Васю» остается заявленным лишь в плане, который сохранился в авторских маргиналиях. Таким образом, испытание героя и его выбора с поправкой на то, что перед нами именно *криминальная повесть*, остается незавершенным.

Вероятно, во всем этом, если оставить в стороне возможные причины биографического характера, заключается внутренняя проблема, из-за которой автор отказался от завершения своего замысла.

¹²Абрамовских Е. В. Феномен креативной рецепции незаконченного текста (на материале дописываний незаконченных произведений А. С. Пушкина). Челябинск, 2006. С. 123.

¹³Тюпа В. И. Творческий потенциал пушкинских набросков // А. С. Пушкин: филологические и культурологические проблемы изучения: материалы международной научной конференции 28–31 октября 1998 г. Донецк, 1998. С. 17.

¹⁴Тамарченко Н. Д. Русская повесть Серебряного века. (Проблемы поэтики сюжета и жанра). М., 2007. С. 19.

Библиография

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Тексты Р. Г. Назирова, опубликованные в журнале «Назировский архив» за 2015 – 2016 годы

1. Назиров Р. Г. Личность Достоевского в изображении Анри Труайя [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 3. — С. 8–15 [Предисловие и публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_3_8-15_troyat.pdf
2. Назиров Р. Г. История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии. Часть II (Продолжение) [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 3. — С. 17–93 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_3_17-94_religion.pdf
3. О Михаиле Михайлове. Из архива Р. Г. Назирова [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 3. — С. 99–111 [Предисловие Б. В. Орехова, публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_3_99-111_mikhailov.pdf
4. Назиров Р. Г. Аллегория (эссе Хорхе Луиса Боргеса) [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 15–16 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_borges2.pdf
5. Назиров Р. Г. Происхождение Золушки и её потомство [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 21–31 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_cinder.pdf
6. Назиров Р. Г. Миф и чувство истории. К парадоксу Девы Марии [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 32–42 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_mary.pdf
7. Назиров Р. Г. Повелитель мышей [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 43–46 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_mouse.pdf
8. Назиров Р. Г. Эволюция древнего символа [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 47–50 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_evolution.pdf
9. Назиров Р. Г. Череп-чаша и месть пленницы [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 51 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_skull.pdf

10. Назиров Р. Г. Оживление спящей, или Опущенная экспозиция «Нибелунгов» [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 52–53 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_sleep.pdf
11. Назиров Р. Г. Мифы и предания древних цивилизаций [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 54–56 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_ancient_civil.pdf
12. Назиров Р. Г. Сюжеты средневекового происхождения [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 57–63 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_middleages.pdf
13. Назиров Р. Г. Реактивация мифа как социально-историческое явление [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 64–65 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_reactivation.pdf
14. Назиров Р. Г. Миф о демонизме науки [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 66 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_science_demon.pdf
15. Назиров Р. Г. История религиозной мысли. Часть III. Возрождение и Реформация (XVI–XVII века) [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 67–97 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_religion3.pdf
16. Назиров Р. Г. Раз в жизни повезло [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 100–104 [Публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_biogr.pdf
17. Назиров Р. Г. Звезда и совесть. Фантастический роман [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 16–114 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_02_novel_text.pdf
18. Назиров Р. Г. Фрагменты ранних редакций [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 16–114 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_03_variants.pdf
19. Назиров Р. Г. Два Иуды (вариант 3) [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 130–152 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_04_judas.pdf
20. Назиров Р. Г. Заметки к роману «Звезда и совесть» [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 153–176 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_05_notes.pdf
21. Назиров Р. Г. Из дневника 1950–1951 годов [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 2. — С. 14–52 [Публикация М. Мельниченко].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_2_02_diary_1950_1951.pdf

22. Назиров Р. Г. Из дневника 1956 года [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 2. — С. 52–69 [Публикация М. Мельниченко].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_2_03_diary_1956.pdf
23. Назиров Р. Г. Из дневника 1957 года [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 2. — С. 69–185 [Публикация М. Мельниченко].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_2_04_diary_1957.pdf
24. Назиров Р. Г. Из дневника 1958 года [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 3. — С. 10–32 [Публикация М. Мельниченко].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_3_02_diary_1958.pdf
25. Назиров Р. Г. Из дневника 1963 года [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 3. — С. 33–62 [Публикация М. Мельниченко].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_3_03_diary_1963.pdf
26. Назиров Р. Г. Из дневника 1964 года [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 3. — С. 61–116 [Публикация М. Мельниченко].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_3_04_diary_1964.pdf
27. Назиров Р. Г. Дитя в корзине и приметы избранников. Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 11–27 [Предисловие и публикация Б. В. Орехова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_02_child.pdf
28. Назиров Р. Г. Друг Пушкина в «Отцах и детях» [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 30–36 [Предисловие и публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_03_friend.pdf
29. Назиров Р. Г. Провинциальный часовщик. Повесть [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 38–80 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_05_clockmaker1.pdf
30. Назиров Р. Г. Главы из романа о Пушкине [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 81–93 [Публикация С. С. Шаулова].
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_06_pushkin.pdf

Труды о Р. Г. Назирове, опубликованные в журнале «Назировский архив» за 2015–2016 годы

1. Шаулов С. С. Возвращение к христианскому пониманию истории [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 3. — С. 114–126.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_3_114-126_petroz_talk.pdf
2. Орехов Б. В. Борхес в переводе Р. Г. Назирова [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 9–13.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_borges.pdf

3. Орехов Б. В. Новонайденные статьи об истории сюжетов [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 17–20.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_new_articles.pdf
4. Вахитов Р. Р. Назиров как философ мифа и его полемический диалог с А. Ф. Лосевым [Текст] // Назировский архив. — 2015. — № 4. — С. 107–117.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_4_vaxitov.pdf
5. Шаулов С. С. Место романа «Звезда и совесть» в творческом наследии Р. Г. Назирова. Предисловие [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 7–13.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_01_foreword.pdf
6. Власкин А. П. Сложное впечатление [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 179–180.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_06_vlaskin.pdf
7. Орехов Б. В. «Звезда и совесть» как учёная проза. [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 181–190.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_07_orekhov.pdf
8. Перепёлкин М. А. Не научный отзыв [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 191–192.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_08_perepelkin.pdf
9. Борисова В. В. Реплика [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 197.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_09_borisova.pdf
10. Обсуждение романа Р. Г. Назирова «Звезда и совесть». [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 194–218.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_10_discussion.pdf
11. Полян А. Л. Роман «Звезда и совесть» и исторические события [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 1. — С. 219–230.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_1_11_polyan.pdf
12. Орехов Б. В. Дело об адресате [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 2. — С. 6–12.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_2_01_adress.pdf
13. Борисова В. В. Р. Г. Назиров — писатель-литературовед. [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 2. — С. 173–182.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_2_05_borisova.pdf
14. Мельниченко М. Дневники Р. Г. Назирова в проекте «Прожито» [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 3. — С. 6–7.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_3_01_melnichenko.pdf
15. Шаулов С. С. Воля к подлинности. Из наблюдений над дневником Р. Г. Назирова [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 3. — С. 115–133.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_3_05_shaulov.pdf

16. Бялый Г. А. О статье Р. Г. Назирова «Друг Пушкина в “Отцах и детях”» [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 37.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_04_friend_bjaly.pdf
17. Интервью с заместителем главного редактора журнала «Назировский архив» Сергеем С. Шауловым [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 96–109.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_07_interview.pdf
18. Федунина О. В. «Провинциальный часовщик» Р. Г. Назирова и традиции криминальной литературы (жанровый комментарий) [Текст] // Назировский архив. — 2016. — № 4. — С. 112–118.
URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2016_4_08_fedunina.pdf

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.